

ISSN 2410-2415

ВЕСТНИК
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МИД РОССИИ

РОССИЯ И МИР

4 (42)

2024

ISSN 2410-2415

Периодичность выхода – 4 раза в год.

Научный периодический журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» издается Дипломатической академией Министерства иностранных дел России с сентября 2014 г. Публикуется ежеквартально. Входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 17 апреля 2021 г.) по следующим специальностям:

- 5.2.5 «Мировая экономика» (экономические науки);
- 5.5.2 «Политические институты, процессы, технологии» (политические науки);
- 5.5.4 «Международные отношения, глобальные и региональные исследования» (политические науки);
- 5.6.7 «История международных отношений и внешней политики» (исторические науки).

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

Подписка:

Подписку на журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» можно оформить в почтовых отделениях на территории Российской Федерации. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России. Газеты и журналы» на 1-е полугодие 2025 г. – 94182.

Редакционная коллегия сохраняет в авторской интерпретации все названия и личные имена.

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов.

Редакционная коллегия

- Жильцов С.С.* – главный редактор, д-р полит. наук
Егоров В.Н. – заместитель главного редактора
Фаустова Н.А. – заместитель главного редактора, канд. филол. наук
Варфоломеев А.А. – канд. полит. наук
Закаурцева Т.А. – д-р ист. наук
Зверева Т.В. – д-р полит. наук
Иванов О.П. – д-р полит. наук
Ишин А.В. – д-р ист. наук
Карпович О.Г. – д-р полит. наук, д-р юрид. наук
Конопляник А.А. – д-р экон. наук
Косов Г.В. – д-р полит. наук
Липкин М.А. – д-р ист. наук
Мастепанов А.М. – д-р экон. наук
Неймарк М.А. – д-р ист. наук
Ногмова А.Ш. – канд. полит. наук
Пашенцев Е.Н. – д-р ист. наук
Сидорова Л.Н. – канд. полит. наук
Ткаченко М.Ф. – д-р экон. наук
Усманов Р.Х. – д-р полит. наук
Цвык В.А. – д-р филос. наук
Юнгблюд В.Т. – д-р ист. наук

Адрес редакции:

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1

Дипломатическая академия МИД России
www.dipacademy.ru

Адрес электронной почты:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Издатель: Дипломатическая академия МИД России

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ПИ № ФС77-56911 от 30 января 2014 г. Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Ткаченко М.Ф.</i> Сотрудничество стран БРИКС в сфере торговой политики.	6
<i>Спартак А.Н., Спартак С.А.</i> Взаимное торгово-экономическое сотрудничество стран БРИКС в условиях глобальных трансформаций	28
<i>Рябинина О.К.</i> Центральная Азия в современных международных отношениях	53
<i>Симонова Э.Ю.</i> Стратегия США по противодействию терроризму	63
<i>Левандовский Н.В.</i> Роль США в трансформации внешней политики европейских стран НАТО	86

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Лошкарев И.Д., Копытцев И.С.</i> Диаспоральная политика Марокко: трансформация подходов	112
<i>Рукавицын П.М.</i> Геополитический и ценностный подходы в реализации внешней политики ФРГ	125
<i>Доброва О.А.</i> Фактор национальной идентичности в современных отношениях Республики Болгария и Республики Северная Македония	141
<i>Токольдошев Д.К.</i> Торговое сотрудничество Кыргызской Республики и Республики Казахстан: специфика и перспективы	161
<i>Омуралиев Э.С.</i> Экономическая дипломатия Японии в Центральной Азии: историографический обзор исследований в России и странах СНГ	174

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

<i>Штоль М.В.</i> «Мурманские инициативы» во внешней политике как элемент развития системы международных отношений.	188
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Карпович О.Г., Чертков А.С.</i> Образ России будущего: восприятие цивилизационных смыслов и традиционных ценностей.	201
--	-----

К сведению авторов	218
-------------------------------------	-----

The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World

ISSN 2410-2415

Periodicity of issue – 4 times per year.

Academic periodic journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World” is published by the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia since September, 2014. It is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on April 17, 2021) in the following specialties:

- 5.2.5 “World economy” (economic sciences);
- 5.5.2 “Political institutions, Processes and Technologies” (political science);
- 5.5.4 “International relations, Global and Regional studies” (political science);
- 5.6.7 “The history of international relations and foreign policy” (historical science).

The journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal is designed for professional researchers, analysts and practical experts in the field of international relations and a wide range of readers interested in external policy of Russia and foreign countries.

Subscription

Subscription to the journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia” may be registered at the post offices in the territory of the Russian Federation. The subscription index in The Consolidated Catalogue “Press of Russia. Newspapers and Journals” for the 1st half of 2025 – 94182.

The Editorial Board keeps all titles and personal names in the author’s interpretation. The opinion of the editorial Board may not coincide with the opinion of the authors.

Editorial Board

Sergey Zhiltsov – Editor-in-Chief, DSc (Political Science)

Vyacheslav Egorov – Deputy Editor-in-Chief

Nina Faustova – Deputy Editor-in-Chief, PhD (Philological Sciences)

Anton Varfolomeev, PhD (Political Science)

Tatiana Zakaurtseva, DSc (History)

Tatiana Zvereva, DSc (Political Science)

Oleg Ivanov, DSc (Political Science)

Andrey Ishin, DSc (History)

Oleg Karpovich, DSc (Political Science), DSc (Law)

Andrey Konoplyanik, DSc (Economics)

Gennadiy Kosov, DSc (Political Science)

Mikhail Lipkin, DSc (History)

Alexey Mastepanov, DSc (Economics)

Mark Neimark, DSc (History)

Adelina Nogmova, PhD (Political Science)

Evgeny Pashentcev, DSc (History)

Lidiia Sidorova, PhD (Political Science)

Marina Tkachenko, DSc (Economics)

Rafik Usmanov, DSc (Political Science)

Vladimir Tsvyk, DSc (Philosophy)

Valery Yungblud, DSc (History)

Address:

53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
Diplomatic Academy, MFA, Russia
www.dipacademy.ru

E-mail address:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Publisher: Diplomatic Academy, MFA, Russia, 53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
www.dipacademy.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).
Reg. No. ПИ № ФС77-56911 of January 30, 2014

The copyrights on the published materials belong to the editorial staff of the journal and the authors of the articles. Reprinting of the materials without the consent of the editorial staff is forbidden. References are mandatory when the materials are used.

© Diplomatic Academy, MFA, Russia, 2024

© Page make-up. «Kvant Media», 2024

CONTENTS

WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Marina Tkachenko</i> . Cooperation of the Brics Countries in Trade Policy	6
<i>Andrey Spartak, Sergey Spartak</i> . Mutual Trade and Economic Cooperation of the Brics Countries in the Context of Global Transformations	28
<i>Olga Ryabinina</i> . Central Asia in Contemporary International Relations	53
<i>Ellada Simonova</i> . The US Counterterrorism Strategy.	63
<i>Nikita Levandovsky</i> . Us Role in the Transformation of the European Nato Countries Foreign Policy	86

REGIONAL PROBLEMS

<i>Ivan Loshkariov, Ivan Kopytsev</i> . Morocco Diaspora Policies: Transformation of Approaches.	112
<i>Pyotr Rukavitsyn</i> . Geopolitical and Values-Based Approaches in Germany's Foreign Policy.	125
<i>Olga Dobrova</i> . The Factor of National Identity in Modern Relations Between the Republic of Bulgaria and the Republic of North Macedonia	141
<i>Dastan Tokoldoshev</i> . Trade Cooperation Between the Kyrgyz Republic and the Republic of Kazakhstan: Specific and Prospects	161
<i>Ermek Omuraliev</i> . Japan's Economic Diplomacy in Central Asia: A Historiographical Review of Russian and CIS Studies.	174

HISTORY AND RELIGION

<i>Maxim Shtol</i> . «Murmansk Initiatives» in Foreign Policy As an Element of the Development of the System of International Relations.	188
---	-----

ACADEMIC LIFE

<i>Oleg Karpovich, Alexei Chertkov</i> . The Image of Russia in the Future: Perception of Civilizational Meanings and Traditional Values.	201
--	-----

Notice to the authors	218
--	-----

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Ткаченко Марина Федоровна,

доктор экономических наук,
заведующая кафедрой мировой экономики,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Marina F. Tkachenko,

Doctor of Economic Sciences,
Head of the Department of World Economics,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: marstav251280@gmail.com

СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН БРИКС В СФЕРЕ ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ

COOPERATION OF THE BRICS COUNTRIES IN TRADE POLICY

Аннотация: статья посвящена исследованию направлений сотрудничества стран БРИКС в сфере торговой политики. Автор дает оценку позиции «старых» и «новых» членов БРИКС в переговорном процессе ВТО с учетом их национальных интересов, определяются сходство и различия в формировании их повестки в рамках многосторонней торговой системы, имеющиеся на текущий момент противоречия и барьеры, мешающие полной консолидации стран – участниц объединения в рамках ВТО. В статье осуществляется также анализ решений стран БРИКС в сфере торговой политики, являющихся результатом многостороннего диалога внутри БРИКС и призванных усилить взаимную торговлю. Автор приходит к выводу о постепенном сближении интересов стран БРИКС и углублении торгового сотрудничества на фоне одновременного увеличения мер совместного реагирования на односторонние меры со стороны стран Запада.

Ключевые слова: БРИКС, торговая политика, торговое сотрудничество, ВТО, тарифное и нетарифное регулирование.

Abstract: the article is devoted to the study of the areas of cooperation of the BRICS countries in the field of trade policy. The author assesses the position of the “old” and “new” BRICS members in the WTO negotiation process taking into account their national interests, determines the similarities and differences in the formation of their agenda within the multilateral trading system, the current contradictions and barriers that hinder the full consolidation of the member countries of the association within the WTO. The article also analyzes the decisions of the BRICS countries in the field of trade policy, which are the result of a multilateral dialogue within BRICS and are designed to strengthen mutual trade. The author comes to the conclusion about

the gradual convergence of the interests of the BRICS countries and the deepening of trade cooperation against the background of a simultaneous increase in joint response measures to unilateral measures by Western countries.

Key words: BRICS, trade policy, trade cooperation, WTO, tariff and non-tariff regulation.

Введение

Мировая экономика в последние несколько лет испытала несколько мощных вызовов, связанных с последствиями пандемии COVID-19 и ростом количества введенных односторонних санкций со стороны стран Запада преимущественно в отношении России. Такие тенденции вызвали трансформацию мировой торговой системы и привели к переориентации внешнеторговых потоков крупных экономик мира, порождая предпосылки для формирования новых цепочек создания стоимости и цепочек поставок. Страны БРИКС оказались в авангарде этих процессов в поиске совместных решений по преодолению неблагоприятных последствий сложившейся ситуации.

Санкционное давление, которое было оказано на Россию, сказалось как на экономике ее основных стран-партнеров по БРИКС, так и на эффективности двустороннего торгового сотрудничества вследствие возникших проблем в логистике и платежно-расчетных отношениях.

Вместе с тем следует признать, что в целом влияние санкций на развитие торговых отношений России со странами БРИКС скорее повышает потенциал их стратегического партнерства, поскольку способствует развитию более тесных связей как на межотраслевом, так и на внутриотраслевом уровнях. Вынужденная деформация торговых связей в мировой экономике приводит к трансформации глобальных цепочек стоимости и поставок, в которых увеличивается доля стран ядра БРИКС, являющихся значимыми партнерами для России в торгово-экономическом сотрудничестве. В ряде случаев появляются предпосылки для формирования собственных цепочек создания стоимости в отдельных отраслях без или с минимальным привлечением партнеров из развитых стран.

Торговое сотрудничество стран БРИКС закрепляется не только на многостороннем уровне, когда ключевыми приоритетами становятся снижение барьеров во взаимной торговле, развитие справедливой конкуренции на пространстве БРИКС, укрепление

таможенного сотрудничества, сотрудничества по вопросам защиты прав интеллектуальной собственности, введение единых технических стандартов, но и посредством двусторонних межправительственных договоренностей.

Ключевыми задачами стран БРИКС становятся синхронизация и максимальное сближение позиций в рамках многосторонней торговой системы, с тем чтобы совместно противодействовать недобросовестным практикам развитых стран в регулировании международной торговли.

Ключевыми моментами в исследовании торговой политики стран БРИКС являются оценка совпадения их национальных интересов в рамках ВТО и развитие многостороннего диалога в интересах взаимного торгового сотрудничества.

Оценка национальных интересов стран БРИКС в переговорном процессе ВТО

БРИКС долгие годы существовала как организация, в составе которой было пять государств, которые составили ее ядро после расширения. Именно их взгляды определили общий торговый вектор взаимодействия внутри БРИКС и формирование единой позиции в рамках ВТО, несмотря на существовавшую изначально разницу в подходах к регулированию внешней торговли и ее роли в экономическом развитии указанных стран.

В. Торстенсен и И. Оливьера подтверждают, что международная торговля изначально для пятерки стран БРИКС имела разное значение. Китай всегда делал ставку на внешнюю торговлю как основу экономической политики и сделал вступление в ВТО своим приоритетом. Индия, Бразилия и ЮАР в большей степени были сосредоточены на развитии внутреннего рынка и борьбе с инфляционными процессами и только с начала 90-х годов XX века стали уделять внешней торговле более значительное внимание. Для России вовлечение в международную торговлю с начала 90-х годов XX века сначала было способом заработать на экспорте энергоресурсов, а потом, наоборот, наметилась тенденция к диверсификации внешней торговли для снижения зависимости от ее сырьевой ориентации. Результатом российской стратегии в развитии внешней торговли стало вступление в ВТО [7, с. 19–20].

Эволюция взаимодействия стран БРИКС и ВТО, прежде всего в рамках Дохийского раунда, демонстрирует зачастую разнонаправленные цели стран объединения. При этом неизменным объединяющим страны БРИКС вопросом является их поддержка интересов развивающихся и наименее развитых стран (НРС). Ключевой задачей стран БРИКС является поддержка статус-кво развивающихся стран в глобальной торговой системе, связанной с сохранением для них особого режима в рамках ВТО.

Так, Индию беспокоит возникновение новых разрывов между развитыми и развивающимися странами, преимущественно в цифровой и технологической сферах. Бразилия в 2019 году решила сама начать отказываться от использования особого и дифференцированного режима, но выступает за его сохранение для других развивающихся стран и НРС на основе разрешительной оговорки [9]. Китай в интересах наименее развитых стран в целях их интеграции в многосторонний торговый режим развивает «Программу Китая» (по данным на июнь 2024 г., он в общей сложности с 2011 г. пожертвовал 5,64 млн долл. США) [10]. Также Китай уделяет значительное внимание вопросам продовольственной безопасности в интересах НРС, равно как улучшению их доступа к инвестициям, упрощению процедур торговли и лучшей интеграции в глобальные цепочки создания стоимости. ЮАР беспокоит проблема дисбаланса и неравенства в соглашениях ВТО как наносящих ущерб развивающимся странам и НРС. При этом сама ЮАР страдает от чрезмерного снижения тарифов (навязанных ей в период проведения Уругвайского раунда), что сказывается на ее индустриальном развитии [14]. Египет видит возможность индустриализации развивающихся стран и, соответственно, их развития за счет расширения доступа к рынкам развитых стран. По мнению правительства Египта, необходимы усиление особого и дифференцированного режима для развивающихся стран и «предоставление соответствующего политического пространства для развивающихся стран для достижения их долгосрочных целей развития (по таким вопросам, как торговля услугами, упрощение процедур торговли и т.д.), что имеет жизненно важное значение для обеспечения их плавной интеграции в мировую экономику» [11]. ОАЭ, равно как и другие страны БРИКС, считают принцип особого и дифференцирован-

ного режима важнейшим элементом многосторонней торговой системы [15].

Также надо отметить достаточно консолидированную позицию стран БРИКС относительно дальнейшего развития многосторонней торговой системы и преодоления проблем в ее функционировании.

Особенно активную позицию среди стран БРИКС по вопросу восстановления работы системы разрешения торговых споров занимает Бразилия, которая является инициатором целого ряда решений по этому вопросу и присоединилась к Многостороннему временному апелляционному арбитражному соглашению в попытке преодолеть паралич Апелляционного органа ВТО [9]. Китай, защищая многостороннюю торговую систему и признавая центральную роль ВТО, является автором десятков предложений по его реформированию, особенно относительно отбора членов Апелляционного органа, повышения институциональной эффективности ВТО, улучшения Механизма обзора торговой политики и других [10]. Россия демонстрирует схожие взгляды с вышеперечисленными членами БРИКС, выступая за сохранение центральной роли ВТО, поддерживая решение по созданию Рабочей группы по реформе ВТО, а также настаивая на восстановлении работы Апелляционного органа ВТО. Одним из приоритетов в деятельности ВТО Россия считает улучшение его роли в контроле за выполнением обязательств членами организации и предоставлением ими, в частности, оперативной информации об изменении ставок тарифов [13]. ЮАР поддерживает сохранение многосторонней торговой системы, предполагая ее позитивное влияние на экономический рост Южной Африки. ЮАР выступает за подход, основанный «на принципах инклюзивности и развития». Правительство ЮАР считает, что реформа ВТО «должна закрепить право государств осуществлять национальные стратегии развития в широких рамках и принципах системы, основанной на правилах», что предполагает проведение всеобщей «африканской индустриализации» [14]. Египет выражает приверженность ВТО и ее особой роли в многосторонней торговой системе, а также свое стремление противостоять неопротекционизму [11]. ОАЭ являются «ярым сторонником» многосторонней торговой системы и выступают за улучшение переговорной функции этой международной организации и улучшение Механизма обзора национальной торговой политики [15].

Стремление стран БРИКС к выработке общих подходов в решении проблем, обсуждаемых в ходе Дохийского раунда, проявляется в том числе в их совместном участии в сформированных в ходе переговорного процесса коалициях и инициативах (табл. 1).

Таблица 1

Участие стран БРИКС в коалициях и инициативах в рамках переговорного процесса в ВТО [16; 17]

Страна (год вступления в ВТО)	Наименование коалиции	Участие в совместных инициативах	Участие в инициативах по окружающей среде
Бразилия (1995)	МЕРКОСУР, Кернская группа, G20, NAMA-11, «Друзья переговоров по антидемпингу», «W52»	Электронная торговля; упрощение инвестиций в целях развития; содействие участию микро-, малых и средних предприятий в международной торговле; внутреннее регулирование в сфере услуг	Загрязнение пластиком и экологически устойчивая торговля пластиком; торговля и экологическая устойчивость
Россия (2012)	АТЭС, «Члены статьи XII»	Электронная торговля; упрощение инвестиций в целях развития; содействие участию микро-, малых и средних предприятий в международной торговле; внутреннее регулирование в сфере услуг	Загрязнение пластиком и экологически устойчивая торговля пластиком; торговля и экологическая устойчивость
Индия (1995)	G20, G33, NAMA-11, «W52», Азиатские развивающиеся страны (АРС)	Нет	Нет

Продолжение таблицы 1

<p>Китай (2001)</p>	<p>Азиатские развивающиеся страны (АРС), АТЭС, «Члены статьи XII», G20, G33, страны «Параграфа 6», «Друзья переговоров по антидемпингу», «W52»</p>	<p>Электронная торговля; упрощение инвестиций в целях развития; содействие участию микро-, малых и средних предприятий в международной торговле; внутреннее регулирование в сфере услуг</p>	<p>Загрязнение пластиком и экологически устойчивая торговля пластиком; торговля и экологическая устойчивость</p>
<p>ЮАР (1995)</p>	<p>Страны Азии, Карибского бассейна и Тихоокеанского региона, Африканская группа, «W52», Совместное предложение по интеллектуальной собственности, G90, Кернская группа, G20, НАМА-11</p>	<p>Нет</p>	<p>Нет</p>
<p>ОАЭ (1996)</p>	<p>Азиатские развивающиеся страны (АРС)</p>	<p>Электронная торговля; упрощение инвестиций в целях развития; содействие участию микро-, малых и средних предприятий в международной торговле; внутреннее регулирование в сфере услуг</p>	<p>Торговля и экологическая устойчивость</p>

Окончание таблицы 1

Саудовская Аравия (2005)	Азиатские развивающиеся страны (АРС), «Члены статьи XII»	Электронная торговля; упрощение инвестиций в целях развития; содействие участию микро-, малых и средних предприятий в международной торговле; внутреннее регулирование в сфере услуг	Загрязнение пластиком и экологически устойчивая торговля пластиком; торговля и экологическая устойчивость
Египет (1995)	Африканская группа, G90, G20, НАМА-11, «W52»	Нет	Нет
Эфиопия (как наблюдатель)	Страны Азии, Карибского бассейна и Тихоокеанского региона, Африканская группа, развивающиеся страны, не имеющие выхода к морю, G90, НРС	Нет	Нет
Иран (как наблюдатель)	Не входит ни в одну из коалиций	Нет	Нет

Членами коалиции НАМА-11, целью которой является поддержка более гибкого подхода в отношении развивающихся стран в торговле промышленными товарами, являются четыре из восьми стран БРИКС — участниц ВТО (Бразилия, Египет, Индия, ЮАР). Они настаивают на учете потребностей развивающихся стран со стороны развитых стран, что в целом схоже со стратегическими приоритетами БРИКС [6, с. 42]. Также известна своим противодействием действиям развитых стран коалиция G20 (Группа 20 развивающихся стран), в состав которой в том числе входят такие страны БРИКС, как Египет, Индия, Китай, Бразилия и ЮАР. Эти же пять стран входят в группу «W52», чья цель состоит в выработке предложений по сохранению и обеспечению более высокого уровня защиты географических указаний для вин и спиртных напитков

и раскрытию происхождения генетических ресурсов и знаний, используемых в изобретениях.

Россия, Китай и Саудовская Аравия входят в состав группы «Члены статьи XII», которая стремится преодолеть разрыв в условиях членства между «старыми» членами ВТО и присоединившимися к организации после 1995 года.

Одной из центральных тем переговоров в рамках Дохийского раунда всегда была проблема доступа на рынки сельскохозяйственных товаров, которая имеет особое значение для стран БРИКС.

По сути Бразилия, Индия, Китай и ЮАР начали действовать относительно скоординированно в G20 только начиная с 2003 года и фактически имеют позицию, отличную как от Кернской группы, чьи действия нацелены на повышение открытости аграрных рынков национальных экономик, так и от G10, члены которой, наоборот, стремятся к фактической изоляции своих аграрных рынков.

Бразилия, являясь членом G20, в то же самое время последовательно выступает за продвижение либерализации глобальной торговли сельскохозяйственной продукцией, входя в Кернскую группу¹. Вместе с тем члены Кернской группы придерживаются (по крайней мере, декларативно) принципа особого и дифференцированного отношения к развивающимся странам (включая НРС). Бразилия, являясь крупнейшим производителем сельскохозяйственной продукции, таким образом, нацелена на снижение препятствий для ее экспорта, выступая за отмену нетарифных барьеров и экспортных субсидий. Вместе с тем Бразилии пришлось пойти на уступки, чтобы завоевать лояльность Индии и Китая в вопросе поддержки местных производителей и использования экспортных субсидий [4]. Схожую либеральную позицию занимает ЮАР, которая стремится выйти на зарубежные рынки со своей сельскохозяйственной продукцией и, соответственно, продвигает идеи либерализации международной торговли в этой отрасли.

Для Китая, являющегося импортером сельскохозяйственной продукции, остройшей проблемой является усиление продовольственной безопасности. Его задачей является сохранение

---

¹ К требованиям Кернской группы относят следующие: резкое снижение всех тарифов (включая пиковые тарифы) и устранение тарифной эскалации, отмена всех внутренних субсидий, искажающих торговлю, отмена экспортных субсидий и четкие правила для предотвращения обхода обязательств по экспортным субсидиям.

государственной поддержки собственных производителей и сохранение субсидий, разрешенных ВТО. Индия пытается сохранить курс поддержки собственных производителей, выступая за высокие заградительные тарифы и предоставление субсидий национальным экспортерам. При этом Индия продвигает инструменты давления на западные страны в целях открытия ими своих рынков. Индия настаивает на устранении дисбалансов в Соглашении по сельскому хозяйству и обеспечении равных условий для развивающихся экономик [12].

Россия как страна – экспортер сельскохозяйственной продукции, не участвуя в коалиционных группах по сельскому хозяйству в рамках переговорного процесса ВТО, выделяет кредитные субсидии своим производителям в рамках разрешенной «зеленой корзины» и одновременно предлагает специальный дифференцированный режим для импортеров из развивающихся стран. Россия настаивает на повышении прозрачности применения тарифных квот в сельском хозяйстве, а также на отмене специальных защитных мер в сельском хозяйстве [13].

Бразилия, Индия, Китай и ЮАР, а также Египет всегда демонстрировали заинтересованность в сокращении внутренней поддержки, которая искажала сельское хозяйство, поскольку имеющиеся бюджеты в развивающихся странах для этих целей не могли конкурировать с бюджетами производителей из развитых стран. Другая общая черта — это заинтересованность в ликвидации экспортных субсидий, которые искажают цены и влияют на конкурентоспособность экспорта. При этом на фоне противостояния с развитыми странами, которые не готовы идти на уступки, страны БРИКС увеличили свои сельскохозяйственные субсидии в рамках «зеленой корзины».

Египет в рамках ВТО сыграл важную роль в обеспечении продовольственной безопасности развивающихся стран и НРС. Вместе с тем в качестве ключевой задачи он отмечает содействие росту производительности сельского хозяйства в рамках указанной группы стран в соответствии с Марракешским решением по этому вопросу [11].

Отдельной важной темой Дохийского раунда стало обсуждение субсидий по рыболовству, где позиции стран БРИКС так же продемонстрировали сходство. Вместе с тем пока официально приняли

Протокол к Соглашению о субсидиях в рыболовстве из числа стран БРИКС только Китай, Россия, ЮАР, Саудовская Аравия и ОАЭ.

Индия выступает за жесткие меры по регулированию определенных вредных субсидий рыболовству в целях поддержки устойчивого использования морских ресурсов для обеспечения межпоколенческого равенства, но с учетом интересов кустарных и малопроизводительных рыбаков из развивающихся стран [12]. Бразилия также имеет принципиальную позицию, связанную с ограничением субсидий в рамках указанного Соглашения ВТО, но предлагая более гибкий подход относительно развивающихся и наименее развитых стран, для которых устанавливается двухлетний переходный период на все запрещенные субсидии в границах исключительной экономической зоны [9].

НАМА-11 является еще одним значимым коалиционным объединением, членами которого являются сразу четыре страны БРИКС. В рамках этой коалиции ведется ожесточенный спор между развитыми и развивающимися странами в контексте безбарьерного доступа (в отсутствие необоснованных мер тарифного и нетарифного регулирования) компаний из развивающихся стран на рынки развитых стран [4]. Особенно принципиальную позицию по этому вопросу занимает Китай, который поддерживает возможность применения развивающимися странами промышленных субсидий.

В переговорном процессе в доступе на рынок услуг в рамках ВТО страны БРИКС также занимают весьма активную позицию, особенно если учесть, что часть из них присоединилась к совместным инициативам по электронной торговле и внутреннему регулированию рынка услуг.

Так, Бразилия весьма активно участвует в переговорах по совместным инициативам по электронной торговле, а также по содействию инвестициям в целях развития и внутреннему регулированию услуг. Страна находится также в процессе присоединения к плюралитеральным соглашениям [9]. Индия играет активную роль в активизации переговоров, касающихся электронной торговли. Она выступает за активизацию диалога в области обеспечения легкости, прозрачности и предсказуемости в торговле услугами, особенно в отношении перемещения специалистов [9]. Китай является наиболее последовательным сторонником переговоров

по электронной коммерции, предоставляя конкретные практические предложения [10].

Позиция России заключается в поддержке недискриминационного доступа российских компаний в сфере электронной коммерции на мировой рынок, продвижения инициатив, связанных с информационной безопасностью в Интернете, обеспечения справедливой конкуренции на рынке электронной коммерции в соответствии с правилами ВТО [13].

ЮАР рассматривает цифровую трансформацию как вызов для своего экономического развития, поскольку она несет в себе цифровой разрыв, влияние на занятость, антиконкурентную практику. Вследствие этого позиция ЮАР заключается в дополнительной оценке по таким вопросам, как: преодоление цифрового разрыва, последствия влияния таможенных пошлин на электронные передачи для доходов и промышленной политики; роль управления данными для развития, а также передача технологий [14].

ОАЭ так же участвовали в совместном заявлении об электронной торговле и в совместном заявлении министров об упрощении процедур инвестиций в целях развития, что свидетельствует о росте их заинтересованности в обсуждении вопросов, связанных с доступом на рынки услуг [15].

В последние несколько лет страны БРИКС в ходе переговорного процесса в ВТО всё чаще поднимают вопрос о влиянии климатической повестки на торговлю. Особенно здесь следует отметить позицию Китая, который активно участвует в проводимых ВТО мероприятиях, связанных с охраной окружающей среды посредством ограничения торговли загрязняющими природу товарами, а также открыто выступает против новых видов протекционизма, связанных с применением мер защиты окружающей среды [10]. ЮАР, в целом поддерживая инициативы, связанные с экологической устойчивостью, выражает озабоченность вводимыми трансграничными налогами на содержание углерода в импорте, применение которых тоже должно стать частью многостороннего диалога, чтобы не вызвать торговых споров и ущемления прав развивающихся стран [14].

Также страны БРИКС в рамках переговорного процесса в ВТО выступают за более тесную интеграцию Международных медико-

санитарных правил в международную торговлю и минимизацию барьеров, препятствующим этим процессам.

Вместе с тем следует отметить, что страны БРИКС являются членами различных интеграционных объединений, что вынуждает их координировать свои действия в части тарифного и нетарифного регулирования со своими партнерами по интеграционному объединению. Так, Бразилия очень активно выступает за расширение преференциальных торговых соглашений, в равной степени уделяя значительное влияние развитию МЕРКОСУР (Общий рынок стран Южного конуса) и участвуя в других региональных соглашениях. В целом, как отмечают представители самой Бразилии, «торговая политика Бразилии структурирована вокруг таможенного союза МЕРКОСУР» [9]. Китай также активно продвигает региональное и субрегиональное экономическое и торговое сотрудничество, уделяя особое внимание торговому сотрудничеству в регионе Центральной Азии и субрегионе Большого Меконга. ЮАР особенно стремится развивать интеграционные процессы на Африканском континенте в рамках Южноафриканского таможенного союза (SACU), Сообщества развития Юга Африки (SADC), Трехсторонней зоны свободной торговли (Т-FTA) и Африканской континентальной зоны свободной торговли (AfCFTA), по сути, продвигая уже в ВТО консолидированную позицию большинства африканских стран. Тарифную политику ЮАР рассматривает как необходимый инструмент поддержки промышленного развития развивающихся стран и НРС. В целом в своей тарифной политике ЮАР следует принципу умеренности. Южная Африка по-прежнему убеждена, что усилия по индустриализации, увеличению производства продукции с добавленной стоимостью, увеличению экспорта и реализации региональной индустриализации посредством программ SACU, SADC и AfCFTA имеют основополагающее значение для вывода экономики стран Африки на новый путь устойчивого роста [14].

Кроме того, страны БРИКС проводят разнонаправленную тарифную политику (табл. 2).

**Самые последние ставки тарифов
(по всем отраслям / в сельском хозяйстве /
в несельскохозяйственных отраслях) (%) [17]**

	Конечный связанный тариф	Применяемый простой средний тариф РНБ 1	Средневзвешен- ный средний тариф РНБ
Бразилия	31,4/35,4/30,8	11,2/8,1/11,7	6,7/8/6,7
Россия	7,5/10,8/7	6,6/9,7/8,9	5,3/8,9/4,8
Индия	50,8/113,1/36	17/39/13,5	12/65/9
Китай	10/15,7/9,1	7,5/14/6,4	3/13,1/2,2
ЮАР	19/39/15,6	7,6/8,5/7,4	5,8/10,2/5,4
Египет	36,8/94,8/27,4	19/65/11,6	12,4/19/10,7
ОАЭ	14,5/25,6/12,7	4,7/5,4/4,6	3,3/9,5/2,9
Саудовская Аравия	11/16/10,3	6,2/9,6/5,7	6,1/10,5/5,2

В таможенных тарифах стран БРИКС как членов ВТО наблюдается существенная разница в количестве товарных позиций, а также значительно различаются применяемые таможенные пошлины на отдельные виды товаров [3, с. 115]. Также следует констатировать разные уровни тарифной защиты как в сельскохозяйственной отрасли, так и в несельскохозяйственных отраслях. Так, исходя из данных таблицы 2, самое низкое значение применяемого простого среднего тарифа РНБ по всем отраслям – в ОАЭ (4,7), а самое высокое — в Египте (19). Египет и Индия более других стран БРИКС усилили защиту своего рынка сельскохозяйственной продукции. Индия, Бразилия и Египет находятся в числе стран, наиболее протекционистски настроенных в отношении доступа на рынок несельскохозяйственной продукции. Остальные страны отличает политика слабого или умеренного протекционизма в указанных отраслях.

Вместе с тем, несмотря на наличие целого ряда различий в подходах к регулированию внешней торговли, следует констатировать сближение национальных интересов стран БРИКС по целому

¹ РНБ (режим наибольшего благоприятствования) — это таможенные пошлины, налагаемые страной на любых членов Всемирной торговой организации (ВТО) без дискриминации.

ряду вопросов. На фоне этого страны БРИКС летом 2024 года договорились о совместном представлении интересов в ВТО. Они заявили о намерении выработать единую позицию в рамках ВТО по цепочкам поставок, торговым мерам, имеющим отношение к климату, поставкам сельскохозяйственной продукции, доступу на рынки технологий. Такой подход станет существенным шагом к преодолению дискриминационных практик со стороны развитых стран в рамках многосторонней торговой системы. Основой для совместных действий в рамках ВТО должны стать готовые решения и инициативы, которые обсуждаются в ходе постоянных встреч представителей стран БРИКС и закрепляются законодательно внутри объединения.

Сотрудничество стран БРИКС в целях упрощения торговли внутри объединения

Обсуждение странами БРИКС новых тем в ходе саммитов является процессом, синхронно отражающим ключевые вопросы глобальной торговой повестки. Стоит согласиться с мнением А.С. Ванг, которая утверждает, что «в первые годы работы БРИКС дискуссии по торговым вопросам не всегда уделялось значительное внимание, однако после 2015 г. данный показатель находится на достаточно высоком уровне» [1, с. 58].

Сотрудничество в интересах расширения торговой интеграции стран БРИКС развивается поступательно, о чем свидетельствует наличие значительного пула документов, разработанных государствами-членами, и подписанных итоговых деклараций по итогам саммитов объединения. В основе принятых документов лежат решения по широкому кругу актуальных вопросов в сфере торгового сотрудничества с учетом складывающейся глобальной конъюнктуры.

К числу наиболее значимых подписанных странами БРИКС документов можно отнести следующие:

- Стратегия экономического партнерства БРИКС на период до 2020 года (9 июля 2015 г.);
- Стратегия экономического партнерства БРИКС на период до 2025 года (17 ноября 2020 г.);
- Стратегическая программа по таможенному сотрудничеству БРИКС;

- Соглашение о сотрудничестве и взаимной помощи стран БРИКС в сфере таможенных вопросов;
- Сотрудничество стран БРИКС по вопросам электронной торговли;
- Меморандум о взаимопонимании между экспортными кредитными агентствами стран БРИКС и Новым банком развития.

Кроме того, были разработаны: Дорожная карта БРИКС по развитию сотрудничества стран БРИКС в сфере торговли услугами (по итогам 2017 г.), Положение Рабочей группы стран БРИКС по электронной торговле, Положение о Сети модельных электронных портов БРИКС, Меморандум о взаимопонимании между национальными агентствами по содействию по торговле и инвестициям стран БРИКС, Руководящие принципы по содействию эффективному участию ММСП в международной торговле (23 июля 2020 г.); Декларация о сотрудничестве в области защиты прав интеллектуальной собственности в сферах охраны генетических ресурсов, традиционных знаний и традиционных форм культурного выражения (2021 г.); Рамочная программа по обеспечению защиты прав потребителей в электронной торговле (2021 г.); Рамочное соглашение о сотрудничестве в сфере профессиональных услуг (2021 г.); Дорожная карта по реализации Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 года в части торговых и инвестиционных аспектов (2021 г.); и другие документы.

Начиная с самого первого саммита БРИКС (16 июня 2009 г.), страны-участницы неизменно включают в повестку обсуждения вопросы, связанные с поддержкой ВТО как основы многосторонней торговой системы, противодействием торговому протекционизму, содействием завершению «Дохийского раунда на основе достигнутого прогресса и в соответствии с его мандатом на основе противодействия многосторонним инициативам, которые противоречат фундаментальным принципам прозрачности, инклюзивности и многосторонности» [5]. Начиная с шестого саммита БРИКС (15 июля 2014 г.), в повестке появляется вопрос, связанный с «поддержкой системы урегулирования споров ВТО» [5] и ее реформы. Необходимость проведения реформы ВТО с сохранением ее центральной роли в многосторонней торговой системе

становится на долгие годы одним из ключевых вопросов многосторонних переговоров в рамках БРИКС.

В целом переговоры в рамках торговой повестки БРИКС с 2009 по 2013 год преимущественно показывают стремление стран-участниц продемонстрировать консолидированную позицию относительно деятельности многосторонней торговой системы (ВТО, ЮНКТАД) и поддержку торговых интересов развитых и развивающихся стран (а также НРС). В итоговой Декларации девятого саммита БРИКС (14 ноября 2019 г.) впервые заявлено о стремлении стран БРИКС стимулировать других членов ВТО избегать «односторонних мер, противоречащих духу и правилам ВТО» [5], то есть в дискурс БРИКС вошла санкционная тематика, отразив нарастающие противоречия между развитыми и развивающимися странами в глобальной экономике. Во многом включение такого вопроса в повестку отражает российский подход в развитии дальнейшего диалога в рамках БРИКС [2, с. 32].

Только в ходе четвертого саммита БРИКС (29 марта 2012 г.) в итоговых документах нашли отражение решения проблем, связанных с «наращиванием взаимных торговых связей в том числе за счет реализации Генерального соглашения о создании кредитных линий в местной валюте в рамках механизма межбанковского сотрудничества БРИКС, а также Многостороннего соглашения о подтверждении аккредитивов между экспортно-импортными банками / банками развития» [5]. С этого момента начинаются более масштабные дискуссии вокруг барьеров во взаимной торговле и идет поиск решений в деле расширения сотрудничества стран БРИКС в области торговли. Седьмой саммит БРИКС становится прорывным с точки зрения включенных в его повестку вопросов, связанных с взаимной торговлей стран БРИКС.

Начиная с шестого саммита БРИКС (15 июля 2014 г.), итоговые документы содержат задачи по укреплению таможенного сотрудничества между странами-членами. За последние 10 лет странам БРИКС удалось достичь консенсуса по вопросам упрощения процедур таможенного контроля и взаимного признания его процедур. Также были согласованы и реализованы Стратегическая программа таможенного сотрудничества БРИКС и Соглашение о взаимной помощи стран БРИКС. Стороны договорились о проведении совместной борьбы с нарушением таможенных правил, развитии

технологий для проведения таможенных операций и сотрудничества в сфере наращивания потенциала, а также для развития партнерства в таможенной сфере под девизом «Эффективное сотрудничество для развития высококачественного партнерства между таможенными службами стран БРИКС» [5].

Вопросы цифровой экономики и связанной с ней электронной торговли, а также внутреннего регулирования рынка услуг обсуждаются на постоянной основе странами БРИКС в ходе деловых встреч и неизменно включаются в итоговую декларацию каждого саммита, начиная с 2014 года. Еще по итогам проведения седьмого саммита БРИКС (9 июля 2015 г.) была принята Декларация, куда было внесено предложение о создании «Платформы для развития сотрудничества в области электронной торговли в целях укрепления партнерства в этой сфере» [5]. Одним из ключевых вопросов является обсуждение проблем, связанных с внедрением системы «одного окна». На девятом саммите БРИКС (4 сентября 2017 г.) была поддержана идея об «укреплении сотрудничества в сфере торговли услугами (в основе – Дорожная карта БРИКС) и электронной торговле (в том числе за счет создания Сети электронных портов БРИКС, а также формирования Рабочей группы государств БРИКС по электронной торговле)» [5]. Также было предложено создание Рабочей группы по электронной торговле в рамках Делового совета БРИКС. Начиная с 2019 года продвигается инициатива по стимулированию инвестиций стран БРИКС в развитие электронной торговли, углублению сотрудничества в деле защиты прав потребителей. Проведение саммитов в 2022 и 2023 годах ознаменовало появление целого ряда новых инициатив, например таких, как: поддержка Рамочного соглашения о партнерстве БРИКС в цифровой экономике, развитие обменов и сотрудничества в сфере торговли услугами, создание Сети БРИКС по вопросам торговли услугами и т.д.

Анализ итоговых решений стран БРИКС, включенных в декларации прошедших саммитов, показал остроту такого вопроса, как улучшение места компаний из стран БРИКС в глобальных цепочках создания стоимости или создания собственных цепочек создания стоимости. Эти вопросы рассматривались в том числе в контексте стимулирования повышения вертикальной мобильности малых, средних и микропредприятий из сферы промышленности и сель-

ского хозяйства. Ключевой задачей для стран БРИКС является наращивание производства и экспорта товаров с высокой добавленной стоимостью. В 2022 году была одобрена Инициатива сотрудничества в области цепочек поставок, что явилось ответом на последствия пандемии COVID-19 и введенных односторонних западных санкций [5]. Проблеме устойчивости цепочек поставок стало уделяться особое внимание.

К числу иных вопросов, которые с разной степенью интенсивности обсуждались представителями странами БРИКС на разных уровнях и включались в текст итоговых деклараций прошедших саммитов, можно отнести: обеспечение продовольственной безопасности и развитие сельских районов; устранение административных и иных торговых барьеров во взаимной торговле стран БРИКС; поддержка проведения выставок и ярмарок для содействия взаимной торговле; поддержка сотрудничества в вопросах кредитования экспорта; стабильность обмена энергетическими ресурсами; поддержка справедливой конкуренции; поддержка формирования региональных торговых соглашений; и другие.

В последние два года значимыми темами для обсуждения в рамках БРИКС стали стимулирование использования национальных валют в расчетно-платежных отношениях между странами БРИКС, а также развитие платежных инструментов и платформ. Кроме того, страны БРИКС выступают за «противодействие торговым барьерам, связанным с борьбой с изменением климата, устанавливаемым развитыми странами», выражают «обеспокоенность любыми несовместимыми с ВТО дискриминационными мерами, которые приведут к искажению международной торговли, риску возникновения новых торговых барьеров и перекладыванию бремени решения проблемы изменения климата на государства БРИКС и развивающиеся страны» [5] (здесь наиболее значима инициатива Китая и России).

Исходя из количества рассматриваемых вопросов, можно сделать вывод, что с момента проведения первого саммита БРИКС торговая повестка была существенно расширена. Увеличение количества обсуждаемых проблем в переговорном процессе БРИКС свидетельствует о стремлении к более тесной торговой интеграции стран-участниц и постепенному замещению товаропотоков в направлении западных стран на внутрибриксовское взаимодействие.

Вместе с тем, несмотря на стремление к более тесному торгово-экономическому сотрудничеству, можно отметить пока существующие торговые барьеры в рамках объединения. В таблице 3 дана оценка масштабов введенных нетарифных ограничений БРИКС-5 в торговле друг с другом (из анализа исключены новые члены, которые присоединились к БРИКС только в 2023 г.).

Таблица 3

**Оценка интенсивности введения нетарифных ограничений
(мер торговой защиты) во взаимной
торговле стран БРИКС-5 [8]**

	1	2	3	4	5
Бразилия	542	979	318/32,5	Китай — 1/200; Индия — 4/58; Россия — 8/33; ЮАР — 9/27	Китай — 7 антидемпин- говых рассле- дований; Индия — 2 антидемпин- говых рассле- дования
Россия	595	194	2/1	Бразилия — 1/2	Нет
Индия	999	1854	827/44,6	Китай — 1/658; Россия — 11/104; ЮАР — 16/44; Бразилия — 21/21	Нет
Китай	3719	541	39/7,2	Индия — 6/23; Россия — 14/8; Бразилия — 16/8	Индия — 1 антидемпин- говое расследо- вание
ЮАР	327	8	Нет	Нет	Нет

Примечания: 1 – Меры торговой защиты, введенные против страны с 2008 г., ед.; 2 – Меры торговой защиты, введенные страной с 2008 г., ед.; 3 – Меры торговой защиты, введенные страной против партнеров по БРИКС с 2008 г. (ед./% от общего количества); 4 – Страны БРИКС, в наибольшей степени пострадавшие от введенных мер торговой защиты (место в рейтинге/ед.); 5 – Меры торговой защиты, введенные страной в период с 16.10.2023 по 15.05.2024 против партнеров по БРИКС (страна – партнер по БРИКС и количество мер).

Индия и Бразилия оказались странами, которые достаточно интенсивно применяли меры торговой защиты, в том числе против партнеров по БРИКС (44,6 и 32,5% случаев от общего числа примененных мер соответственно). Наиболее дискриминируемой страной и в первом, и во втором случае оказался Китай, на который пришлось наибольшее число ограничений из числа стран БРИКС. При этом сам Китай в период с 2008 года весьма умеренно использовал разные меры торговой защиты в отношении партнеров по БРИКС, а Россия и ЮАР, по сути, вообще отказались от каких-либо дискриминационных практик в отношении партнеров по БРИКС. Применяемые странами БРИКС меры торговой защиты препятствуют получению положительных результатов от внедрения указанных выше переговорных инициатив.

Вместе с тем положительной тенденцией можно считать сокращение количества торговых споров между странами БРИКС в последние годы с одновременным увеличением поданных ими исков против США и ЕС.

Заключение

С учетом расширения БРИКС за счет новых развивающихся стран можно предположить, что торговая повестка будет становиться всё более насыщенной и одновременно более сложной. Это потребует дополнительных усилий в первую очередь со стороны стран ядра (к числу которых относится в том числе Россия), которые должны будут координировать процесс достижения договоренностей по широкому кругу вопросов с наименьшими издержками для всех участников. Кроме того, новой реальностью для стран БРИКС является выработка консолидированной позиции по вопросам применения странами Запада односторонних санкций и инструментов неопротекционизма. Ключевой задачей, таким образом, на следующем этапе развития БРИКС становится не только углубление внутрибриксовского торгового сотрудничества, но и выработка стратегии противодействия странам Запада в рамках всей многосторонней торговой системы с привлечением большего числа союзников, разделяющих ценности и идеи стран БРИКС.

Литература

1. Ванг А.С. Модель лидерства Китая в БРИКС // Вестник международных организаций. — Т. 17. — 2022. — № 2. — С. 50–85.
2. Ильичев В. Взаимодействие стран группы БРИКС в сфере торговой политики // Российское председательство в БРИКС-2024: Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности. Специальный выпуск. — М., 2024.
3. Коваль А.Г., Плюх М. Страны БРИКС в глобальном экономическом управлении на примере их участия в ВТО // Вестник Волгоградского государственного университета. — Сер. 3. Экономика. Экология. — 2017. — № 1 (38). — С. 111–121.
4. Опыт создания переговорных коалиций в ВТО. Возможности его использования государствами – участниками СНГ: аналитическая записка // Интернет-портал СНГ. — URL: <https://e-cis.info/cooperation/3049/77520/?ysclid=m2ipg9mga115600410> (дата обращения: 05.10.2024).
5. Саммиты и документы / Национальный комитет по исследованию БРИКС, Россия. — URL: <https://nkibrics.ru/pages/summit-docs> (дата обращения: 05.10.2024).
6. Табаровская М.А. Коалиционная активность стран в рамках Всемирной торговой организации // Торговая политика. — 2017. — № 2 (10). — С. 93–111.
7. BRICS in the World Trade Organization: Comparative Trade Policies. Brazil, Russia, India, China and South Africa. Edited by Vera Thorstensen & Ivan Tiago Machado Oliveira. Ipea, CCGI (FGV) and SAIIA. – March 2014. — 100 p.
8. Trade Monitoring Database. WTO OMC. — URL: <https://tmdb.wto.org/en> (accessed: 10.10.2024).
9. Trade Policy Review. Report by Brazil. World Trade Organization, 19 October 2022. — 49 p.
10. Trade Policy Review. Report by China. World Trade Organization, 12 June 2024. — 28 p.
11. Trade Policy Review. Report by Egypt. World Trade Organization, 16 January 2018. — 15 p.
12. Trade Policy Review. Report by India. World Trade Organization, 25 November 2020. — 22 p.
13. Trade Policy Review. Report by Russian Federation. World Trade Organization, 22 September 2021. — 33 p.
14. Trade Policy Review. Report by Southern African Customs Union. World Trade Organization, 20 September 2023. — 63 p.
15. Trade Policy Review. Report by United Arab Emirates. World Trade Organization, 19 September 2022. — 21 p.
16. WTO. Groups in the negotiations. — URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dda_e/negotiating_groups_e.htm (accessed: 10.10.2024).
17. WTO. Members and Observers. — URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/whatis_e/tif_e/org6_e.htm (accessed: 10.10.2024).

Спартак Андрей Николаевич,

член-корреспондент РАН,
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки России,
заведующий кафедрой международной торговли и внешней торговли РФ
Всероссийской академии внешней торговли, Москва.

Andrey N. Spartak,

Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of
Sciences in Economics, Professor, Honored Worker of Science of the RF, Russian
Foreign Trade Academy, Head of Department of International Trade and Foreign
Trade of the RF, Moscow.

E-mail: Andrei.spartakan@yandex.ru

Спартак Сергей Андреевич,

кандидат политических наук,
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва.

Sergey A. Spartak,

PhD in Political Science,
Moscow State University M.V. Lomonosov, Moscow.

E-mail: sspartak@yandex.ru

**ВЗАИМНОЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН БРИКС В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

**MUTUAL TRADE AND ECONOMIC COOPERATION
OF THE BRICS COUNTRIES IN THE CONTEXT
OF GLOBAL TRANSFORMATIONS**

Аннотация: в статье рассматриваются тенденции и перспективы развития объединения БРИКС с учетом его расширения, а также в контексте современных трансформационных процессов в мировой экономике и новых глобальных вызовов. Раскрыты общеэкономический, торговый и торгово-политический потенциал стран БРИКС. Сделаны выводы об опережающем развитии взаимной торговли стран БРИКС и более высокой ориентации новых членов БРИКС на торговлю внутри объединения по сравнению со старыми членами, что повышает значимость экономической повестки сотрудничества в рамках БРИКС. Дана оценка потенциала увеличения взаимного экспорта стран БРИКС, в том числе приведены географическая и товарная структуры потенциала для России. Показана важность аграрной повестки взаимодействия в рамках БРИКС, включая создание зерновой биржи БРИКС. Предложен комплекс мер содействия взаимному торгово-экономическому сотрудничеству стран БРИКС с акцентом на формирование независимых от Запада, устойчивых к недружественным действиям инфраструктуры и механизмов такого сотрудничества.

Сформулированы тезисы касательно торгово-политической и институциональной повестки БРИКС, а именно: обоснована невозможность эволюции БРИКС в направлении создания торгового блока стран-участниц, рекомендовано консолидировать позицию членов БРИКС на площадке ВТО путем образования собственной коалиции для активного участия в выработке новых торговых правил и реформировании ВТО, выдвинута идея формирования на базе БРИКС своеобразного незападного аналога ОЭСР для стран глобального Юга, платформы для обмена, обобщения и применения лучших регуляторных практик в целях содействия экономическому развитию и сотрудничеству.

Ключевые слова: БРИКС, ВВП, цифровизация, промышленная революция, взаимная торговля, потенциал, повестка, зерновая биржа, механизмы.

Abstract: the article examines trends and prospects for the development of the BRICS association, taking into account its expansion, as well as modern transformational processes in the world economy and new global challenges. The general economic, trade and trade policy potential of the BRICS countries are revealed. Conclusions are drawn about the outpacing development of mutual trade among the BRICS countries and a higher orientation of the new BRICS members towards trade within the association, compared with the old members, which increases the importance of the economic cooperation agenda within the framework of the BRICS. An assessment of the potential for increasing mutual exports of the BRICS countries is given, including the geographical and commodity structures of potential for Russia. The importance of an agrarian agenda of interaction within the framework of BRICS, including the creation of a BRICS grain exchange, is shown. A set of measures has been proposed to promote mutual trade and economic cooperation between the BRICS countries, with an emphasis on the formation of infrastructure and mechanisms for such cooperation that are independent of the West and resistant to unfriendly actions. Theses have been formulated on the BRICS trade policy and institutional agenda, namely: the impossibility of the BRICS evolution towards the creation of a trade bloc of participating countries is justified; it is recommended to consolidate the position of BRICS members on the WTO platform by forming their own coalition to actively participate in the development of new trade rules and WTO reform; the idea of creating on the basis of BRICS a kind of non-Western analogue of the OECD for the countries of the global South, as a platform for exchange, generalization and application of best regulatory practices to promote economic development and cooperation, is put forward.

Key words: BRICS, GDP, digitalization, industrial revolution, mutual trade, potential, agenda, grain exchange, mechanisms.

Страны БРИКС в современном мире

С момента создания БРИКС в 2009 году объединение привлекает растущее внимание политиков, бизнесменов, экспертов и ученых. Прежде всего, это связано с тем, что сегодня БРИКС выступает как демократически организованная многокультурная, многоцивилизационная площадка, где открыто обсуждаются наиболее актуальные, масштабные и острые проблемы современности, а также практические вопросы развития взаимного торгово-экономического сотрудничества стран-участниц. В своем интервью «Российской газете» академик РАН А.А. Дынкин отмечает: «...БРИКС продвигает свои идеи глобальных реформ, в том числе экономических. Они нужны, так как нынешняя архитектура глобального управления не отражает реального расклада сил в мировой экономике» [1, с. 1].

Конструктивная, ориентированная на поиск взаимоприемлемых решений глобальных и прикладных региональных задач повестка БРИКС подкрепляется высокой динамикой экономического и инновационно-технологического развития объединения, ростом масштабов и глубины экономического партнерства государств в рамках БРИКС. По данным МВФ, доля БРИКС-5 (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) в мировом ВВП по паритету покупательной способности (ППС) выросла с 26,6% в 2010 году до более 32% в 2023 году, тогда как удельный вес «Большой семерки» западных стран за тот же период сократился с 34,2% до менее 30% [9].

С января 2024 года к традиционному составу БРИКС присоединились пять новых членов — Египет, Иран, ОАЭ, Саудовская Аравия и Эфиопия. Новый формат БРИКС-10 уже начал работу, и есть основания полагать, что расширение БРИКС еще более повысит международный авторитет объединения и его вес в общемировых делах, будет способствовать дальнейшему расширению взаимного экономического сотрудничества государств БРИКС. Сейчас в БРИКС представлены все основные цивилизационные центры незападного мира, и это делает БРИКС важнейшей площадкой для обсуждения и решения максимально широкого круга вопросов мирового развития.

По оценке МВФ на 2024 год, доля БРИКС-10 в мировом паритетном ВВП составит 36,6% по сравнению с 29,4% для «Большой семерки», причем превышение в 7,2 процентных пункта превзойдет суммарный ВВП Японии и Германии [9]. Необходимо отметить, что опережающая западные страны экономическая динамика объединения БРИКС сохранится в среднесрочной и долгосрочной перспективах, поскольку прогнозируемое замедление роста ВВП в одних странах (прежде всего, в Китае) будет компенсироваться поддержанием высоких темпов роста или даже их ускорением в других странах (в Индии, Египте, Эфиопии — за счет получения ими так называемого демографического дивиденда при повышении доли трудоспособного населения).

Важнейшая характеристика БРИКС — это колоссальный человеческий потенциал объединения, полное раскрытие которого, в том числе благодаря развитию взаимного экономического сотрудничества, позволит странам-участницам и объединению

в целом найти эффективные ответы на современные большие вызовы, модернизировать национальные экономики на новой технологической базе, реализовать имеющийся инновационный потенциал и достичь Целей устойчивого развития. По оценке ООН, на середину 2024 года в странах БРИКС-10 проживало свыше 3,67 млрд человек, или 45,2% всего населения планеты [12]. Причем это в значительной степени молодое население, в том числе получившее или получающее среднее специальное и высшее образование.

Существуют различные мнения относительно пороговых размеров самодостаточного рынка, создающего возможности для комплексного развития всех секторов экономики, реализации крупномасштабных проектов, постоянной генерации и коммерциализации инноваций по широкому технологическому спектру. Оценки варьируются от 200–250 млн человек до 500 млн человек. С учреждением ЕАЭС был сформирован рынок с населением свыше 184 млн человек, если добавить еще четыре страны СНГ вне ЕАЭС (Азербайджан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), то общее число потребителей вырастет примерно до 240 млн человек. Таким образом, Россия, участвуя в ЕАЭС и СНГ, где созданы благоприятные условия взаимного доступа на рынки, балансирует у нижней границы самодостаточности, тогда как в рамках БРИКС в случае последовательного углубления экономического взаимодействия между членами объединения потенциально может быть организован рынок с огромными возможностями для роста и развития, многократно превосходящий по размеру даже верхний порог самодостаточности.

Перечисленные фундаментальные факторы являются основой дальнейшего повышения привлекательности БРИКС для членов мирового сообщества. Согласно информации МИД России, более 30 государств официально проявляют интерес к объединению. С учетом растущего интереса к объединению была проведена работа по определению критериев для новой категории — государств – партнеров БРИКС, и на 16-м саммите объединения, прошедшем 22–24 октября 2024 года в Казани, такой статус получили 13 стран: Алжир, Белоруссия, Боливия, Вьетнам, Индонезия, Казахстан, Куба, Малайзия, Нигерия, Таиланд, Турция, Уганда и Узбекистан.

Контурь глобальных трансформаций

Масштабы и охват объединения БРИКС, тактические и стратегические национально-государственные интересы стран-участниц требуют учета и адекватного реагирования на новые большие вызовы, формируемые происходящими глобальными трансформациями. При этом сам процесс глобальных трансформаций имеет все признаки ускорения (рис. 1).

Развивающийся кризис неолиберального экономического порядка, ведущий к усилению нестабильности и неопределенности в мировой экономике, на финансовых и товарных рынках, геоэкономической фрагментации, эскалации торговых конфликтов и санкционных ограничений, остро ставит перед большинством стран задачи адаптации национальных экономических систем к ухудшающимся мирохозяйственным условиям их функционирования [4, с. 15–34]. Распад неолиберального миропорядка сопровождается кризисом институтов глобального управления, нарастающими кризисными явлениями в международной валютно-финансовой системе, основанной на гегемонии доллара, которая подвергается всё большей эрозии.

Происходящая геоэкономическая фрагментация, понимаемая как политически мотивированный процесс отказа от преимуществ глобализации [10, р. 91], запущенный коллективным Западом для формирования новых рычагов влияния в разделенном мире, принципиально изменяет многие традиционные парадигмы предшествующего периода глобализации. Международные экономические отношения приобрели сильно политизированный характер, где политическая солидарность, близость по духу, общие ценности всё чаще становятся определяющим фактором в выборе партнеров, нежели экономическая целесообразность. Это ведет ко всё более выраженному отклонению торговых и инвестиционных потоков в пользу дружественных стран, причем «дружественность» разные группы государств понимают по-разному [10, р. 96].

Качественно меняются не только отношения между элементами (национальными экономиками) международной экономической системы, но и конфигурация системы, то есть соотношения между ее элементами. Опережающими темпами растут экономики азиатских государств, появляются новые центры экономического

притяжения на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке. Запад более не доминирует и всё более уступает свои позиции на международной экономической арене. Такая ситуация ведет к существенному переконфигурированию глобальных торговых и инвестиционных потоков, но ставит также вопросы изменения регуляторики международного бизнеса, его сложившихся практик и обычаев, отражающих интересы западных стран, прежде всего англосаксонских государств. Это касается ценообразования, логистики, условий морского судоходства и страхования, организации платежей и расчетов и многого другого.

Полицентричный мировой экономический порядок, отражающий меняющуюся расстановку сил в глобальной экономике, пока проявляется, скорее, как тенденция, а не как свершившийся факт. Большинство региональных центров силы еще находятся в фазе активного формирования, тогда как фактически в мировой экономике сложилась, по определению экспертов ИМЭМО РАН, новая «биполярность» по оси США – КНР. Обе эти страны за последние 30 лет значительно упрочили свое положение (по размеру ВВП, инновационно-технологическому потенциалу и другим ключевым показателям): США, соответственно, – в группе развитых стран, а Китай – в группе развивающихся стран и стран с формирующимся рынком [6, с. 29–30]. Немаловажно также, что движение к полицентричному мироустройству всеми способами тормозится Западом. Причем сам полицентризм далек от какой-либо институционализации, и это порождает существенные риски для мирового развития.

На политэкономические и макроэкономические трансформации в мировом хозяйстве накладываются масштабные технологические сдвиги, обусловленные цифровизацией и широким внедрением технологий четвертой промышленной революции. В результате могут измениться многие традиционные экономические парадигмы, связанные с важностью развития специализации и кооперации (поскольку на новом технологическом этапе значительно повышаются возможности локального производства материалов, частей и компонентов для сборки готовых изделий), экономии на масштабе (новейшие технологии позволяют высокоэффективно производить ограниченные партии продукции), фактора расстояния (где цифровизация упрощает и ускоряет все

административные процедуры и физическое перемещение грузов, плюс быстро растет торговля в виртуальной среде), разделением потоков на внутреннюю и внешнюю торговлю (в цифровой торговле эта разница всё более стирается) и др. Перемены в технологических основаниях производства и международного бизнеса на самом деле имеют фундаментальный для будущей экономической картины мира характер. Например, отмеченное выше вероятное снижение стимулов для международной кооперации в пользу развития локального производства подрывает традиционные скрепы, на которых держалась региональная интеграция.

Особняком стоят трансформации, связанные с необходимостью решения острых эколого-климатических проблем. Эти проблемы по определению глобальны и не могут быть эффективно решены даже на региональном уровне, соответственно, требуют многостороннего подхода. Но сегодня, в условиях набирающей обороты геоэкономической фрагментации, реализация многосторонних подходов в рассматриваемой очень чувствительной сфере объективно затруднена. Тем не менее объединению БРИКС с учетом расширения зоны экономического влияния группировки и включения в нее ведущих представителей развивающегося мира со всех континентов вполне под силу решение многих вопросов эколого-климатической повестки, энергоперехода. В странах-участницах есть соответствующие национальные программы, необходимые финансовые и технологические ресурсы.

До последнего времени проблематика изменения климата и энергоперехода была монополизирована западными странами и использовалась как механизм для будущего сдерживания конкурентов из числа богатых углеводородным сырьем развивающихся государств и стран с формирующимся рынком. Настойчивое навязывание Западом развивающимся государствам жестких правил и графиков энергоперехода и достижения углеродной нейтральности можно рассматривать и через призму желания западных стран высвободить для себя балансирующие конвенционные энергоресурсы, которые, как указывают эксперты, обязательно потребуются для покрытия вероятных дефицитов в принципе очень волатильной генерации с использованием новых возобновляемых источников энергии [8].

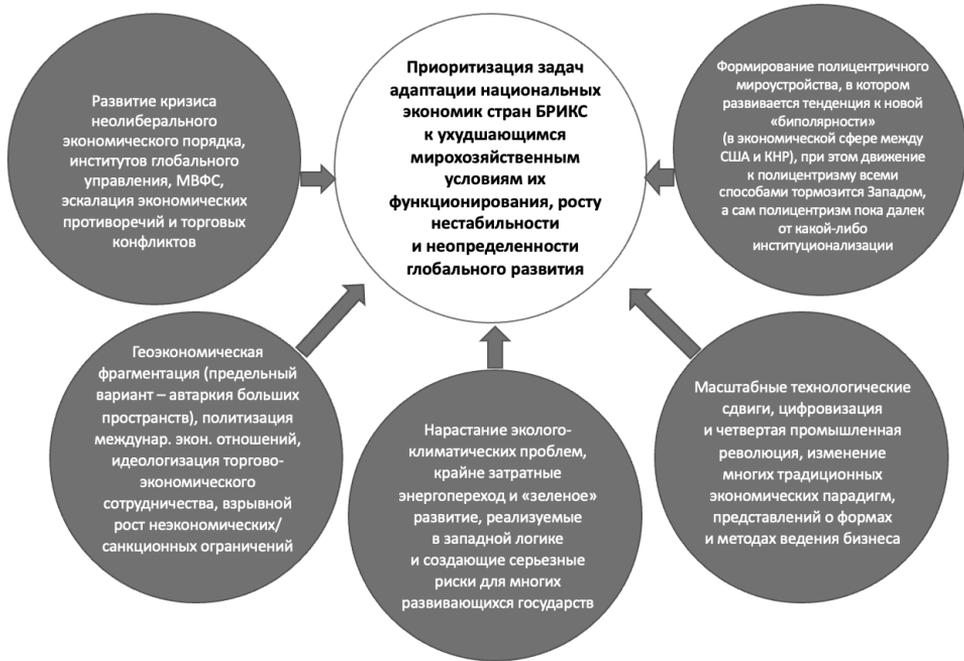

Рис. 1. Ускорение глобальных трансформаций¹

По нашему мнению, эффективным ответом стран БРИКС на новые большие вызовы может и должна стать интенсификация взаимного торгово-экономического сотрудничества в сферах и формах, соответствующих современным реалиям и стратегическим интересам сторон. На многих направлениях экономического развития, включая самые передовые области — внедрение искусственного интеллекта, новейших промышленных и аграрных технологий, создание цифровых платформ, реализация климатических проектов, продвижение устойчивого («зеленого») развития, – у БРИКС имеется вполне реальный потенциал расширения и углубления делового взаимодействия.

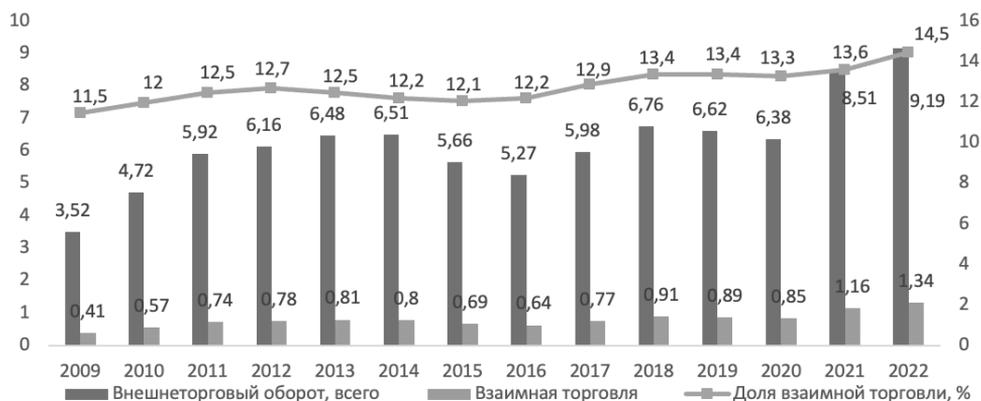
Тенденции и перспективы взаимного торгово-экономического сотрудничества стран БРИКС

Расширение БРИКС за счет ряда крупных, динамичных развивающихся стран укрепило экономический потенциал объединения, повысило взаимную привлекательность его участников как

¹ Источник: составлено авторами.

торгово-экономических партнеров. Причем новые члены БРИКС в большей степени ориентированы на торговлю внутри объединения, нежели старые члены. Это создает благоприятные предпосылки для повышения значимости экономической повестки сотрудничества в рамках БРИКС.

Внешнеторговые связи стран БРИКС-5 с миром (ретроспективный анализ правильнее делать по старым членам объединения) в период 2010-х — начала 2020-х годов росли заметно быстрее международной торговли в целом. По данным Международного торгового центра ЮНКТАД/ВТО, внешнеторговый оборот БРИКС-5 в 2023 году в 2,4 раза превысил уровень 2009 года, тогда как вся глобальная торговля увеличилась в 1,9 раза. Соответственно, удельный вес БРИКС-5 в мировой торговле поднялся с 14,1% в 2009 году до 18–19% в начале 2020-х годов. При этом рост взаимной торговли опережал общее увеличение товарооборота БРИКС-5, в результате чего доля взаимной торговли повысилась с 11,5% в 2009 году до 18% в 2022 году [11] (рис. 2).

Рис. 2. Развитие внешней и взаимной торговли БРИКС-5 в период 2009–2022 годов¹

Эксперты обращают внимание на динамизм аграрной торговли БРИКС-5, где общий внешнеторговый оборот в 2023 году был почти в 3 раза больше, чем в 2009 году, а роль взаимной торговли особенно велика: 25,3% – в 2023 году против 15–15,5% в начале 2010-х годов. Дальнейшее увеличение аграрных поставок партнерам по БРИКС представляет значительный интерес для России.

¹ Источник: [11].

Поступательное развитие взаимной торговли стран БРИКС наряду с расширением других форм внешнеэкономического сотрудничества стало возможным в том числе благодаря реализации мер и направлений деятельности, предусмотренных Стратегией экономического партнерства БРИКС до 2025 года, принятой по итогам российского председательства в объединении в 2020 году. Стратегией были определены приоритетные сферы взаимодействия, включающие в себя торговлю, инвестиции, финансы, аспекты цифровой трансформации, инновации и технологии, энергетику и продовольственную безопасность, развитие инфраструктуры и человеческого капитала, климатическую повестку. В 2025 году предстоит обновление Стратегии до 2030 года с учетом расширения объединения, усложнившейся международной ситуации и новых вызовов, с которыми столкнулись государства-участники.

Еще одним важным документом в сфере делового взаимодействия стран БРИКС является План действий БРИКС по торгово-экономическому сотрудничеству, подписанный профильными министрами на полях IX саммита БРИКС 4 сентября 2017 года. Основной акцент в этом документе был сделан на реализации имевшихся на тот момент инициатив, а именно: Дорожной карты БРИКС по торговле услугами, Руководства БРИКС по упрощению инвестиций, инициативы БРИКС по сотрудничеству в сфере электронной торговли, Положения о сети модельных электронных портов БРИКС, Рамочных основ по укреплению экономического и технического сотрудничества стран БРИКС, Руководства БРИКС по сотрудничеству в сфере интеллектуальной собственности.

К указанным инициативам в последующий период добавились Рамочное соглашение о партнерстве стран БРИКС в цифровой экономике, Инициатива БРИКС по сотрудничеству в области цифровой трансформации обрабатывающей промышленности, Инициатива БРИКС по торговле и инвестициям в целях устойчивого развития, Инициатива БРИКС по укреплению сотрудничества в области цепочек поставок, Партнерство БРИКС по Новой промышленной (цифровой) революции, План инновационного сотрудничества стран БРИКС на 2021–2024 годы, Рамочный документ о деятельности Сети инновационных исследований БРИКС, Положение о платформе энергетических исследований БРИКС, Положение о платформе сельскохозяйственных исследований БРИКС

и многие другие инициативы. С одной стороны, это свидетельствует о комплексном, заинтересованном подходе стран БРИКС к развитию делового взаимодействия, а с другой — это говорит о необходимости некоторой кодификации многочисленных инициатив БРИКС по развитию торгово-экономического, производственного, инновационно-технологического, научно-технического сотрудничества для возможного сведения их в единый документ — Программу развития экономического партнерства БРИКС.

В контексте расширения БРИКС значительный интерес представляет анализ актуального профиля взаимной торговли БРИКС-10. Такой анализ был проведен в разрезе географической структуры взаимной торговли, ее сальдовых значений, роли взаимной торговли в общей внешней торговле участников БРИКС (табл. 1).

Таблица 1

Профиль взаимной торговли БРИКС-10 в 2022 г.¹

Страна	Вклад стран во взаимный экспорт, %	Вклад стран во взаимный импорт, %	Сальдо торгового баланса, млрд долл.	Коэффициент несбалансированности товарооборота (отношение чистого сальдо к товарообороту), %	Доля экспорта в БРИКС в общем экспорте, %	Доля импорта из БРИКС в общем импорте, %
Бразилия	10,8	7,4	26,2	13,1	33,8	31,9
Египет	0,85	2,6	-22,0	55,5	18,3	38,7
Индия	8,0	22,6	-180,7	51,8	18,6	36,1
Иран	3,0	3,3	-6,7	9,6	39,0	65,2
Китай	38,3	34,5	-3,5	0,4	11,2	14,9
ОАЭ	7,85	10,5	-41,3	20,1	23,2	33,1
Россия	14,9	8,2	59,7	23,7	26,3	37,6
Саудовская Аравия	14,2	6,5	72,7	32,3	36,2	40,2
Эфиопия	0,1	0,8	-8,5	85,4	23,7	55,7
ЮАР	2,0	3,6	-20,8	33,2	16,9	37,3

¹ Источники: [11]; расчеты авторов.

Окончание таблицы 1

Старые члены БРИКС	74,0	76,3	–	–	15,2	21,9
Новые члены БРИКС	26,0	23,7	–	–	30,4	38,7
БРИКС, всего	100,0	100,0	–	–	17,5	24,4

Наибольший вклад во взаимный экспорт объединения в 2022 году внесли Китай (со значительным отрывом), Россия и Саудовская Аравия, во взаимном импорте лидируют Китай, Индия и ОАЭ.

Самое высокое положительное сальдо взаимной торговли в рамках БРИКС-10 – у Саудовской Аравии и России, крупнейших глобальных поставщиков энергоносителей; наибольший отрицательный баланс имеют Индия (что в целом характерно для этой страны как значимого нетто-импортера топливно-сырьевых товаров) и ОАЭ, являющиеся активным мировым трейдером.

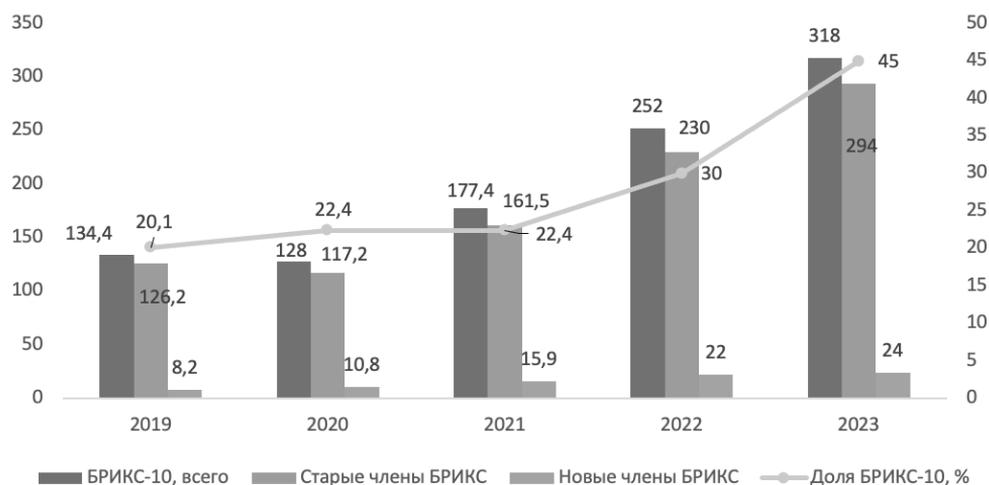
Отношение отрицательного сальдо взаимной торговли к общему товарообороту со странами БРИКС наиболее велико у Эфиопии (85,4% в 2022 г.), Египта (55,5%) и Индии (51,8%). Торговля Китая с партнерами по БРИКС является хорошо сбалансированной: при очень больших объемах торговли отрицательное сальдо для Китая составило лишь 3,5 млрд долл. в 2022 году, или 0,4% от общего товарооборота с нынешними участниками БРИКС. Это создает объективную основу для расширения использования юаня во взаиморасчетах в рамках БРИКС.

В расширенном составе объединение БРИКС в большей степени ориентировано на взаимную торговлю, чем прежде. Если сравнить долю взаимной торговли в общем товарообороте для БРИКС-5 и аналогичный показатель для БРИКС-10 за 2022 год, то мы увидим существенное повышение значимости взаимной торговли: с 14,5% до 20,55%¹, то есть более чем на 6 процентных пунктов, прирост абсолютного показателя составит почти 2/3 (с 1,34 млрд долл. до 2,22 млрд долл.). Это связано с тем, что

¹ Данный показатель уже вполне сопоставим с ролью взаимной торговли в таком зрелом интеграционном объединении, как АСЕАН.

новые члены БРИКС и в экспорте, и в импорте в среднем практически вдвое более интенсивно торгуют с партнерами по БРИКС, чем старые члены объединения: значимость взаимной торговли в ее общих объемах для новых и старых членов в 2022 году по экспорту составляла 30,4% (для Ирана — 39%, Саудовской Аравии — 36,2%) и 15,2% соответственно, по импорту — 38,7% (для Ирана — 65,2%, Эфиопии — 55,7%, Саудовской Аравии — 40,2%, Египта — 38,7%) и 21,9% соответственно.

Объединение БРИКС к настоящему времени превратилось из важного в фактически доминирующего коллективного внешнеторгового партнера России: на страны БРИКС-10 в 2023 году приходилось 45% всего товарооборота Российской Федерации, тогда как в 2021 году – только 22%, в 2019 году — 20%. Абсолютная величина товарооборота выросла в 2023 году против среднего уровня 2019–2020 годов в 2,4 раза – до 318 млрд долл. Основные изменения географии торговли России с партнерами по БРИКС заключаются в некотором снижении роли Китая в этой торговле при заметном повышении значимости Индии и ОАЭ (рис. 3).

Рис. 3. Объемы взаимной торговли России со странами БРИКС и доля БРИКС-10 в общем товарообороте России (млрд долл., в %)¹

С учетом сказанного повестка взаимной торговли, включая оценки ее потенциала, становится всё более важной как для БРИКС в целом, так и для России в частности.

¹ Источники: [7]; данные «зеркальной» статистики стран-партнеров; оценки авторов.

Результаты расчетов потенциала увеличения взаимного экспорта в рамках БРИКС-10 на среднесрочном горизонте (по всем категориям товаров, включая топливно-сырьевые ресурсы) определяют общий торговый потенциал более чем в 400 млрд долл., причем на первые пять стран по размеру потенциала (Китай, Индия, Бразилия, Россия, ОАЭ) приходится 88% его суммарной величины [5]. С точки зрения потенциального прироста поставок к уровню 2022 года лидируют Эфиопия (хотя с очень низкой исходной базы), Индия, Иран, Египет, Китай. Доля БРИКС в суммарном потенциале увеличения экспорта страны наиболее высока у Ирана, Саудовской Аравии, ОАЭ, Бразилии (табл. 2).

Таблица 2

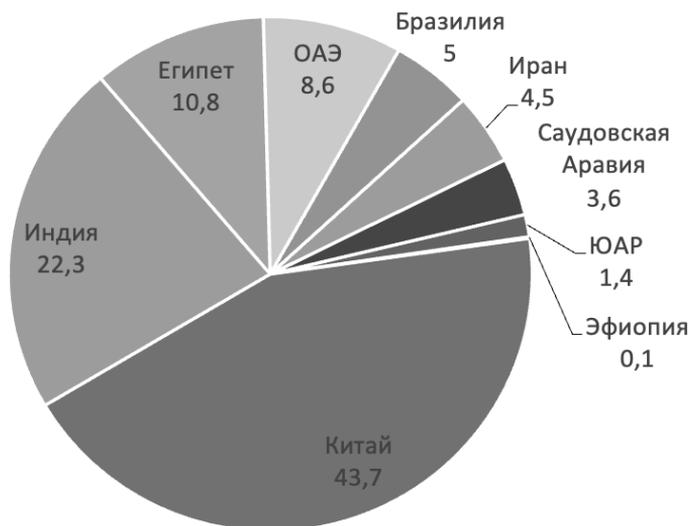
Потенциал увеличения взаимного экспорта в рамках БРИКС-10 на среднесрочном горизонте¹

Страна	Потенциал, млрд долл.	Потенциальный прирост к уровню 2022 г., %	Доля БРИКС в суммарном потенциале экспорта страны
Бразилия	39,3	34,3	28,5
Египет	6,4	59,4	18,7
Индия	66,8	77,3	15,7
Иран	4,9	64,8	49,8
КНР	169,9	42,7	12,5
ОАЭ	38,6	26,3	30,8
Россия	38,9	25,0	25,0
Саудовская Аравия	25,7	19,2	37,3
Эфиопия	1,2	80,7	23,0
ЮАР	11,3	26,3	25,7
БРИКС, всего	403,0	36,7	17,0

По размеру экспортного потенциала России на рынках БРИКС на общую сумму почти 40 млрд долл. выделяются Китай, Индия, Египет и ОАЭ (рис. 4). В товарной корзине экспортного потенциала России с большим отрывом лидирует топливно-сырьевая группа,

¹ Источник: расчеты по методике ВАВТ/ИТС.

далее следуют зерновые, растительные масла, другая продукция АПК и удобрения (рис. 5).

Рис. 4. Географическое распределение потенциала увеличения экспорта России в страны БРИКС-10 на среднесрочном горизонте (потенциал всего 38,9 млрд долл., в % к итогу)¹

Рис. 5. Товарная структура потенциала увеличения экспорта России в страны БРИКС-10 на среднесрочном горизонте (потенциал всего 38,9 млрд долл., в % к итогу)²

¹ Источник: расчеты по методике ВАВТ/ИТС.

² Источник: расчеты по методике ВАВТ/ИТС.

Актуальная отраслевая повестка БРИКС

Современная повестка отраслевого взаимодействия в рамках БРИКС очень обширна, поэтому остановимся на двух, безусловно, приоритетных направлениях этой повестки — сотрудничестве по направлениям Новой промышленной (цифровой) революции, а также на кооперации в аграрной сфере.

Решение о создании Партнерства стран БРИКС по вопросам Новой промышленной (цифровой) революции (англ. — *PartNIR*) было принято на саммите БРИКС в Йоханнесбурге в 2018 году. Основная задача Партнерства заключается в расширении сотрудничества в области цифровых технологий, индустриализации, инноваций, инклюзивности и инвестиций для максимизации возможностей и решения вызовов, возникающих в связи с Четвертой промышленной революцией (ЧПР). С этого момента активизировалось обсуждение проблематики ЧПР в рамках БРИКС: ежегодно проходит Международный форум Партнерства стран БРИКС по вопросам Новой промышленной (цифровой) революции (на «полях» которого организуются Конкурс промышленных инноваций стран БРИКС и Выставка стран БРИКС в сфере промышленной революции), проводятся круглые столы и семинары по направлениям деятельности Партнерства.

Китай, обладающий самой крупной в мире обрабатывающей промышленностью и, как считают многие эксперты, лучшей экосистемой для ее функционирования, проявляет высокую активность в продвижении идеологии и практики промышленно-технологического партнерства, особенно с учетом значительно возросших в последние годы ограничений со стороны США и Европы в отношении технологического сотрудничества с Китаем. В начале декабря 2020 года в Китае в г. Сямынь (провинция Фуцзянь) был открыт Инновационный центр Партнерства стран БРИКС по вопросам Новой промышленной (цифровой) революции, ставший впоследствии базовой площадкой для проведения ежегодного Международного форума Партнерства стран БРИКС по вопросам Новой промышленной (цифровой) революции. В ноябре 2023 года по инициативе Инновационного центра был проведен 28-дневный семинар «Совершенство БРИКС 2023» по технологиям и управлению Новой промышленной (цифровой) революцией с участием представителей 22 стран.

Приоритетное внимание Китая к вопросам промышленно-технологического партнерства в рамках БРИКС подтверждается заявлениями и инициативами в период председательства КНР в БРИКС в 2022 году. Так, Председатель КНР Си Цзиньпин в своем выступлении на XIV саммите БРИКС в первой тройке приоритетов для БРИКС выделил переход на инновационный путь развития и раскрытие потенциала сотрудничества в этой сфере. В своем выступлении он отметил работу по укреплению функционала созданного Инновационного центра, проведение в Китае Форума по развитию промышленного Интернета и цифрового производства, Форума «Большие данные для устойчивого развития», создание сети центров в области трансфера технологий [2].

Для России, ставящей в качестве приоритета национальной повестки развития укрепление технологического суверенитета при практически полном свертывании технологического сотрудничества со странами коллективного Запада, углубление взаимодействия с Китаем по направлениям и технологиям ЧПР имеет очень важное значение. Расчеты по возможностям нейтральных стран в компенсации технологических дефицитов Российской Федерации, возникших в результате остановки сотрудничества с Западом, показывают, что такие возможности в решающей степени сосредоточены на Китае. Имеется потенциал расширения технологической кооперации и с рядом других участников БРИКС.

Особый интерес для России в формате БРИКС представляет сотрудничество в области АПК, тем более что в 2023 году аграрный сектор впервые в новейшей истории России стал второй крупнейшей сферой экспортной специализации страны после ТЭК. Актуальность аграрной повестки для России в БРИКС и БРИКС в целом обусловлена следующими факторами.

Объемы агроэкспорта Российской Федерации в БРИКС-10 динамично растут и опережают увеличение общего агроэкспорта России; доля БРИКС в суммарном агроэкспорте Российской Федерации достигла в 2023 году 35% (менее 26% в 2021 г.). Среди новых членов БРИКС — крупнейшие рынки сбыта российского продовольствия. В суммарном агроэкспорте Российской Федерации в БРИКС-10 за 2019–2023 годы 51% приходится на старых членов и 49% – на новых членов. Соответственно, новые члены БРИКС вдвое повысили значимость объединения как рынка сбыта продук-

ции российского АПК. В общей структуре российского экспорта в страны БРИКС, которые относятся к старым членам организации, на продукцию АПК в период 2019–2023 годов приходилось от 4 до 8%, а в страны, относящиеся к новым членам БРИКС, — от 29 до 45,5%. Растут и объемы агроимпорта из БРИКС: его доля в общем агроимпорте Российской Федерации превышает 20%.

По многим ключевым позициям аграрной торговли Россия сильно/очень сильно ориентирована на страны БРИКС, как в экспорте (доля БРИКС-10 в общем экспорте РФ превышает 90% по рапсовому маслу, достигает 85% по соевым бобам, 80% – по мясу крупного рогатого скота, 65–70% – по мясу птицы, маслу подсолнечному, соевому маслу, семенам льна, 50–55% – по ракообразным, кукурузе, 45% – по ячменю, 30% – по пшенице), так и в импорте.

Для БРИКС как объединения государств аграрная повестка также очень важна, что обусловлено рядом объективных факторов. Взаимная торговля БРИКС-5 аграрной продукцией в 2010-х — начале 2020-х годов росла быстрее, чем вся внешняя торговля БРИКС аграрной продукцией (в 2022 г. увеличилась в 4,7 раза к уровню 2009 г.), доля взаимной торговли в общей аграрной торговле БРИКС составила 25,3% в 2023 году, что выше, чем роль взаимной торговли в общей торговле по всем товарам — 18% (для БРИКС-10 — около 30% и 22% соответственно), и свидетельствует о более высокой интенсивности встречных поставок в аграрном секторе.

В странах БРИКС растут население и средний класс, урбанизация, что создает устойчивый и быстро расширяющийся спрос на базовое продовольствие, а также на органическую, премиальную продовольственную продукцию. Среди партнеров России по БРИКС — Бразилия и Китай, мировые лидеры в области аграрных технологий (искусственный интеллект, машинное обучение, робототехника, биотехнологии, генная инженерия, точное земледелие, включая спутники, беспилотники, интернет вещей), а также страны, быстро продвигающиеся в агротехе — Индия, ЮАР, ОАЭ, Саудовская Аравия. Это формирует высокий потенциал развития научно-технической кооперации, реализации совместных исследовательских программ и проектов в аграрной сфере в формате БРИКС.

Все новые члены БРИКС приоритизируют проблематику продовольственной безопасности (так, страны Ближнего Востока ввозят

из-за рубежа примерно 85% всего необходимого продовольствия), что создает благоприятные возможности для реализации соответствующей повестки на площадке БРИКС с активным участием России в качестве гаранта продовольственной безопасности для партнеров (в конце июня 2024 г. в Москве прошла конференция БРИКС по продовольственной безопасности и обеспечению устойчивого сельскохозяйственного развития).

Возможные направления совершенствования аграрной торговли в рамках БРИКС учитывают, что с расширением БРИКС в 2024 году производство и потребление ключевых зерновых культур внутри объединения практически сравнялось. Это закладывает предпосылки для дальнейшего развития внутрирегиональной торговли зерном и учреждения зерновой биржи БРИКС¹.

Создание зерновой биржи БРИКС позволит оптимизировать организацию и экономику внутрибиржеской торговли зерновыми, создаст основу для последующего расширения перечня биржевых товаров за счет включения продукции масложировой отрасли (растительные масла, шрот), сухого молока, масла, сахара. В целях повышения ликвидности предполагаемой зерновой/аграрной биржи БРИКС и реализации механизма взаиморасчетов предстоит выстроить клиринговые «мосты» между биржевыми площадками стран БРИКС, осуществляющими торговлю продукцией АПК.

Для реализации планов создания зерновой биржи БРИКС дано поручение Президента России Правительству РФ и Центральному банку представить предложения по созданию биржи для проведения организованных торгов в отношении сельскохозяйственной продукции в сотрудничестве с иностранными государствами, входящими в межгосударственное объединение БРИКС (перечень поручений от 18.04.2024 по итогам рабочей поездки Президента в Ставропольский край 5 марта 2024 г.). На первом заседании рабочей группы БРИКС по сельскому хозяйству (18.04.2024) Россия представила партнерам по БРИКС инициативу по организации зерновой торговой площадки объединения (создание единой биржевой торгово-клиринговой инфраструктуры стран БРИКС с расчетами в национальных валютах, формирование собственных

¹ По оценкам российского Союза экспортеров зерна, после расширения БРИКС производство зерна группой достигнет 1,23 млрд т в год (44% мирового итога), а потребление максимально приблизится к производству — 1,22 млрд т (также 44%). В том числе по пшенице производство составит 376 млн т (48% мирового итога), а потребление — 371 млн т (47%). По кукурузе производство достигнет 493 млн т (40%), потребление — 479 млн т (те же 40%).

ценовых бенчмарков, торговля зерновыми фьючерсами, вероятный российский оператор — группа Московская биржа)¹.

Системные меры по развитию взаимодействия в рамках БРИКС

Перспективная повестка БРИКС по развитию взаимного торгово-экономического сотрудничества стран-участниц охватывает широкий круг направлений, среди которых — совершенствование договорной базы и снижение ограничений/барьеров для развития делового взаимодействия, создание новых финансовых механизмов для поддержки взаимной торговли и инвестиций, формирование независимой, устойчивой к недружественным действиям инфраструктуры торгово-экономического сотрудничества.

Совершенствование договорной базы и снижение ограничений/барьеров для сотрудничества предполагает следующий комплекс мер:

- расширение сегмента преференциальной/свободной торговли в рамках БРИКС через заключение новых либерализационных соглашений между странами-участницами;
- сближение подходов в сферах таможенного, технического, антимонопольного регулирования, защиты прав интеллектуальной собственности, регулирования электронной коммерции;
- создание в БРИКС института единого экономического оператора для упрощения таможенных процедур и операций, связанных с таможенным оформлением (Российская Федерация подписала соглашения о взаимном признании статуса уполномоченного экономического оператора с КНР, Индией, Ираном; Российская Федерация и Бразилия реализуют план действий по выходу на такое соглашение);
- обновление Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 года (от 17.11.2020) и Плана действий БРИКС по торгово-экономическому сотрудничеству (от 04.09.2017) с учетом достигнутых результатов, новых решений, произошедших изменений в объединении и в мире, а также с учетом расширения состава БРИКС и необходимости со-

---

¹ Национальная товарная биржа (входит в группу Мосбиржи) уже проводит торги зерновыми (пшеница, ячмень, кукуруза), различными растительными маслами и шротами, сахаром, сухим молоком, маслом.

гласования с новыми членами ключевых направлений деятельности и мероприятий в рамках БРИКС.

Новые финансовые механизмы на базе БРИКС для развития взаимной торговли могут включать в себя: создание системы расчетов по транзакциям внутри БРИКС в секторах, которые не затронуты или выведены из-под санкций [7] — медицина и фармацевтика, продовольствие, удобрения (например, запуск единой торгово-клиринговой системы по продукции АПК); организацию многосторонней цифровой расчетно-платежной платформы BRICS Bridge, которая поможет связать финансовые рынки стран-участниц и увеличить торговый оборот; развитие механизмов BRICS Pay и BRICS Clear; расширение продуктовой линейки Нового банка развития БРИКС для финансирования кооперационных проектов в секторах, не затронутых или выведенных из-под санкций, в том числе климатических проектов; запуск новой инвестиционной платформы БРИКС с использованием электронных активов.

Развитие в рамках БРИКС независимой от Запада инфраструктуры для поддержки взаимного торгово-экономического сотрудничества является важнейшей составляющей повестки БРИКС в современных условиях и включает в себя: создание общих биржевых механизмов для развития торговли внутри БРИКС (уже упоминавшаяся зерновая/аграрная биржа БРИКС, биржа драгоценных металлов БРИКС); учреждение пула перестраховочных компаний стран БРИКС или создание общей перестраховочной компании; образование рейтингового агентства БРИКС; создание международного механизма разрешения коммерческих споров в рамках БРИКС (учреждение третейских судов / арбитражных центров в каждой стране БРИКС, а затем объединение их в единую сеть, договорившись об общих правилах; обустройство новых транспортно-логистических коридоров, тяготеющих к зоне БРИКС, прежде всего мультимодального международного транспортного коридора Север – Юг, включая вопросы создания заинтересованными странами общих логистических операторов.

Торгово-политические и институциональные перспективы развития объединения БРИКС

На сегодняшний день из 90 возможных ячеек в матрице торговых соглашений между странами БРИКС 40 ячеек закрыты различ-

ного типа соглашениями о преференциальной торговле (действующими или готовящимися) и 14 ячеек — соглашениями об участии в китайской инициативе «Пояса и пути» (табл. 3). Покрытие пока недостаточно плотное, но со временем, при политической поддержке странами-членами торговой либерализации между участниками БРИКС, данный фактор может сыграть важную роль в углублении торгово-экономического взаимодействия в формате БРИКС.

Таблица 3

Взаимный торгово-политический статус стран БРИКС — участие в торговых соглашениях¹

Страны	Бразилия (МЕРКОСУР)	Египет	Индия	Иран	КНР	ОАЭ (ССАГПЗ)	Россия (ЕАЭС)	Саудовская Аравия (ССАГПЗ)	Эфиопия	ЮАР (ЮАТС)
Бразилия (МЕРКОСУР)	X	FTA GSTP	PSA GSTP	GSTP	-	-	-	-	-	PSA
Египет	FTA GSTP	X	GSTP	GSTP	BRI	FTA (PAFTA)	DFTA	FTA (PAFTA)	FTA (COMESA + ACFTA)	FTA (ACFTA)
Индия	GSTP	GSTP	X	GSTP	PSA (APTA)	FTA + EIA	DFTA	-	-	DFTA
Иран	GSTP	GSTP	GSTP	X	BRI	-	FTA	-	-	-
КНР	-	BRI	PSA (APTA)	BRI	X	BRI	BRI AFTA	BRI	BRI	BRI
ОАЭ (ССАГПЗ)	-	FTA (PAFTA)	FTA + EIA	-	BRI	X	DFTA	CU	-	-
Россия (ЕАЭС)	-	DFTA	DFTA	FTA	BRI AFTA	DFTA	X	-	-	-
Саудовская Аравия (ССАГПЗ)	-	FTA (PAFTA)	-	-	BRI	CU	-	X	-	-
Эфиопия	-	FTA (ACFTA)	-	-	BRI	-	-	-	X	FTA (ACFTA)
ЮАР (ЮАТС)	PSA	FTA (ACFTA)	DFTA	-	BRI	-	-	-	FTA (ACFTA)	X

Примечания: GSTP — Global System of Trade Preferences among Developing Countries, PSA; FTA — Free Trade Agreement; DFTA — Dialogue on FTA; AFTA — Assessment of FTA; EIA — Economic Integration Agreement; CU — Customs Union; PSA — Partial Scope Agreement; PAFTA — Pan-Arab Free Trade Area; APTA — Asia Pacific Trade Agreement; ACFTA — African Continental Free Trade Area; COMESA — Common Market of Eastern and Southern Africa; BRI — Belt & Road Initiative.

¹ Источники: [13]; новостные сообщения из открытых источников.

Общей базой для сотрудничества в рамках БРИКС выступает правовая система ВТО, поскольку практически все участники объединения являются членами этой организации (кроме Ирана). Большинство членов БРИКС (кроме Бразилии и Индии) участвуют в мегапроекте Китая «Один пояс — один путь». Египет имеет или ведет переговоры о заключении торговых соглашений со всеми участниками БРИКС.

Реальное торгово-политическое значение БРИКС выходит далеко за рамки двусторонних преференциальных и иных торговых соглашений, заключаемых между участниками. Фактически БРИКС пустил глубокие торгово-политические, торгово-экономические корни во всех регионах развивающегося мира, что делает объединение удобной платформой для продвижения идеологии и практики равноправного и взаимовыгодного сотрудничества государств глобального Юга. На сегодняшний день пять членов БРИКС являются лидерами четырех действующих Таможенных союзов (ЕАЭС, МЕРКОСУР, Южноафриканский таможенный союз, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива), через режимы зон свободной торговли (ЗСТ) к БРИКС тяготеют страны АСЕАН, участники Южноазиатской зоны ЗСТ, арабские государства, входящие в Пан-Арабскую ЗСТ, потенциально страны Африки — через Африканскую континентальную ЗСТ.

Сложившаяся конфигурация торгово-политических связей и интересов стран БРИКС, с одной стороны, определяет значительные и растущие возможности влияния объединения на мировую торговую политику и сотрудничество в рамках глобального Юга, а с другой — делает практически невозможной эволюцию БРИКС в направлении формирования торгового блока стран-участниц, пять из которых входят в состав различных таможенных союзов. Опыт мировой торговой политики показывает, что принципиально возможны преференциальные соглашения между двумя торговыми блоками (например, ЕАСТ — Южноафриканский таможенный союз, ЕАСТ — Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива; ведутся переговоры по соглашению ЕАСТ — МЕРКОСУР), но в любом случае это единичные примеры, нет примеров тройственных союзов между торговыми блоками, и существует лишь один пример соглашения между двумя таможенными союзами — МЕРКОСУР и Южно-африканским таможенным союзом

(и то это – преференциальное соглашение с частичным охватом). Таким образом, какая-либо блоковая перспектива для БРИКС принципиально невозможна, ее в правовом и техническом плане попросту не реализовать¹.

Намного продуктивнее для БРИКС в его современном представительстве и торгово-политическом качестве двигаться в двух следующих направлениях.

Во-первых, содержательно и по возможности институционально консолидировать позицию стран-участниц на площадках международных экономических организаций. Речь, прежде всего, идет о площадке ВТО, где принята практика создания коалиций, формируемых из стран-участниц, не обязательно близких территориально, но обладающих общими интересами по торговым вопросам и стремлением продвигать собственное видение решения различных торгово-политических и торгово-экономических проблем. С учетом своего экономического веса и влияния в мире страны БРИКС вполне могли бы образовать собственную коалицию и активно участвовать в выработке новых торговых правил и реформировании ВТО.

Во-вторых, в перспективе объединение БРИКС могло бы наращивать компетенцию мозгового центра в контексте экономического развития и сотрудничества глобального Юга, стать платформой для обмена, обобщения и применения лучших регуляторных практик, в том числе в сфере международного торгово-экономического взаимодействия. Фактически речь идет о формировании на базе БРИКС своеобразного незападного аналога Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), тем более что ни одна из стран БРИКС (включая потенциальных кандидатов) не является членом ОЭСР.

Заключение

Уже длительное время обсуждается вопрос возможной институционализации БРИКС, превращения объединения государств

---

¹ Серьезным ограничителем для торгово-политического взаимодействия стран БРИКС выступает активное применение рядом из них мер торговой защиты в отношении других участников. Так, по данным ВТО, Индия в период с начала 1995 года по середину 2023 года вводила 215 антидемпинговых мер в отношении Китая, 21 меру – в отношении России, 13 мер – в отношении Ирана, 12 мер – в отношении ОАЭ, 11 мер – в отношении Бразилии, по 10 мер – в отношении ЮАР и Саудовской Аравии. Бразилия вводила 76 антидемпинговых мер в отношении КНР, 13 мер – в отношении Индии, 8 мер – в отношении России. Всего за рассматриваемый период страны БРИКС (кроме Ирана и Эфиопии) приняли 363 антидемпинговые меры в отношении китайских поставщиков. Индия же приняла 292 антидемпинговые меры в отношении других стран БРИКС-10.

в международную организацию. У такой постановки вопроса есть как свои плюсы, так и минусы. Однако очевидно, что объем стоящих перед БРИКС задач возрастает и будет возрастать, что требует организации постоянной работы по их решению.

Сегодняшняя повестка БРИКС очень насыщенная и сложная, предполагает последовательное включение новых членов в работу и форматы БРИКС, дальнейшее углубление экономического сотрудничества в рамках БРИКС, расширение зоны экономической активности и влияния БРИКС в масштабах глобального Юга, совместную выработку принципов нового экономического мироустройства, взаимодействие участников БРИКС на площадках международных экономических организаций. Поэтому проблематика институционализации БРИКС заслуживает дальнейшего углубленного изучения.

Литература

1. Академик Александр Дынкин: Новый порядок установит мир на Украине и отменит правила, установленные США // Российская газета. – 2024. – № 136 (9378).
2. Полный текст речи Си Цзиньпина на 14-й встрече руководителей стран БРИКС (24 июня 2022 г.) // СИНЬХУА Новости. — URL: <https://russian.news.cn> (дата обращения: 05.07.2024).
3. Сайт Федеральной таможенной службы Российской Федерации. — URL: <http://bi.stat.customs.gov.ru/TSVT/> (дата обращения: 14.08.2024).
4. *Спартак А.Н.* Контуры развития кризиса неолиберального экономического порядка, сценарии будущего мироустройства. Глава 1 // Новые тренды в экономической глобализации. – М., 2023. — С. 15–34.
5. *Спартак А.Н.* Оценка несырьевого экспортного потенциала России в условиях санкций // Российский внешнеэкономический вестник. — 2023. — № 12. — С. 30–44.
6. Спартак А.Н. Переформатирование международного экономического сотрудничества России в условиях санкций и новых вызовов // Российский внешнеэкономический вестник. — 2023. — № 4. — С. 9–35.
7. *Тимофеев И.Н.* Финансовые расчеты в рамках БРИКС: вперед, несмотря на проблемы / РСМД. – 18.03.2024. — URL: <https://russiancouncil.ru> (дата обращения: 12.07.2024).
8. *Bordoff J., Sullivan M.I.* The Age of Energy Insecurity. How the Fight for Resources Is Upending Geopolitics // Foreign Affairs. — 2023. — April 10. — URL: <https://foreignaffairs.com> (accessed: 09.05.2024).
9. International Monetary Fund. World Economic Outlook Database. April 2024. — URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2023/April> (accessed: 01.07.2024).
10. International Monetary Fund. World Economic Outlook: A Rocky Recovery. April 2023. — URL: <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WEO/2023/April/English/text.ashx> (accessed: 06.07.2024).
11. International Trade Centre. — URL: <http://www.trademap.org> (accessed: 06.06.2024).
12. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2022). World Population Prospects 2022, Online Edition. — URL: <https://population.un.org> (accessed: 09.07.2024).
13. WTO Regional Trade Agreements Database. — URL: <http://rtais.wto.org> (accessed: 22.07.2024).

Рябинина Ольга Константиновна,

кандидат политических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Olga K. Ryabinina,

Ph.D. (Political Science),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: ryabininaok@gmail.com

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

CENTRAL ASIA IN CONTEMPORARY INTERNATIONAL RELATIONS

Аннотация: образование новых независимых центральноазиатских государств усилило внимание к региону Центральная Азия, который занимает важное географическое положение. Исследование значения региона, его роли в современных международных отношениях, политики по отношению к нему внерегиональных государств получило освещение в коллективной монографии «Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений». Данное издание подготовлено российскими авторами и исследователями из стран постсоветского пространства и посвящено роли Центральной Азии в мировой политике и международных отношениях.

Ключевые слова: Центральная Азия, международные отношения, подсистема международных отношений, внешняя политика, внерегиональные государства, многостороннее сотрудничество.

Abstract: the establishment of new independent states in Central Asia has increased attention to the area, which occupies an important geographical position. In this context the collective monograph “Central Asia as an emerging subsystem of international relations” provides a broad analysis of the significance the region has, characterizes its role in contemporary international relations and assesses the policies of extra-regional states towards the area. This publication was prepared by Russian authors and researchers from the post-Soviet countries and is dedicated to the role of Central Asia in world politics and international relations.

Key words: Central Asia, international relations, subsystem of international relations, foreign policy, extra-regional states, multilateral cooperation.

Введение

Распад СССР кардинально изменил геополитическую ситуацию. После него в Центральной Азии стала формироваться региональная подсистема международных отношений. Страны региона стали развивать отношения как внутри региона, так и с внерегиональными государствами, которые уделяли регио-

ну повышенное внимание. В целом роль внерегиональных государств оказалась весьма значительной и в последнее десятилетие не только не снизилась, но и значительно возросла. Соответственно, на страницах коллективной монографии «Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений» нашли свое отражения как внешние факторы, которые оказывали и оказывают влияние на развитие Центральной Азии, так и особенности внутрирегионального развития. «Образование новых независимых государств в Средней Азии (с 1993 г. — Центральная Азия) изменило характер отношений между бывшими советскими республиками, которые стали ориентироваться, прежде всего, на национальные интересы. В то же время центральноазиатские государства пытались, особенно в 1990-х годах, решить региональные проблемы через налаживание многостороннего взаимодействия. Прежде всего, это касалось водно-энергетической сферы, которая оказалась наиболее чувствительной к геополитическим изменениям. Разрушение сложившегося в период Советского Союза механизма учета взаимных интересов привело к конфликтам между странами региона, которые стали действовать в одностороннем порядке. Попытки урегулировать водно-энергетические противоречия не дали результата. Многочисленные декларации, которые касались водной сферы, подписанные странами Центральной Азии в 1990-х годах, оказались безуспешными» [5, с. 7].

В фокусе внерегиональных акторов

Наибольшую активность в отношении Центральной Азии проявляли ЕС, США и Китай. Если для Брюсселя и Вашингтона Центральная Азия представляла инструмент продвижения геополитических интересов, то для Китая центральноазиатские государства были интересны в первую очередь с точки зрения развития торгово-экономических интересов. Китайская сторона активно развивала торговые отношения со странами региона, тем самым вовлекая их в орбиту своих стратегических интересов. Впрочем, страны Центральной Азии позитивно воспринимали внимание внерегиональных акторов. После распада СССР именно отношения с ведущими экономиками мира рассматривались в качестве гарантии успешного решения возникших эко-

номических проблем. «Для стран Центральной Азии возросшее внимание со стороны внерегиональных государств создает новые возможности, связанные с привлечением дополнительных инвестиций и реализацией инфраструктурных проектов. В то же время предлагаемый формат взаимодействия не оказывает влияние на сотрудничество между странами региона, в котором доминируют противоречия между отдельными странами» [5, с. 19].

В целом страны Центральной Азии были уверены, что подобное сотрудничество не только решит текущие проблемы, которые рассматривались в качестве неизбежного процесса при переходе к рыночным отношениям, но и позволит им войти в число развитых государств. Эти расчеты строились на основе имеющихся полезных ископаемых и трудовых ресурсов. При этом из поля зрения упускались многие другие факторы, которые сдерживали развитие стран Центральной Азии [4, с. 277–286].

Американский вектор

Одним из лидеров, к которому в большей мере прислушивались страны региона, выступали США. Американские администрации оказывали наибольшее влияние на политическое развитие центральноазиатских государств, при том что торгово-экономические отношения с США были весьма скромными. Тем не менее именно США играли ключевую роль в корректировке внешнеполитического курса стран Центральной Азии [2, с. 26–36].

Для оказания влияния на политику стран региона применяли широкий инструментарий. «В 2009–2021 гг. американским средством подрыва постсоветской интеграции являлось поддержание прозападных устремлений отдельных стран региона с помощью финансовой помощи, международной поддержки в решении конфликтов, включения в западные и евроатлантические структуры, продвижения своих интеграционных проектов» [5].

События на Украине 2014 года активизировали политику США в странах постсоветского пространства, в том числе в Центральной Азии. Характер американской политики стал наступательным. Активно использовался фактор так называемой российской угрозы, тем самым обосновывая для стран Центральной Азии усилия США, которые традиционно использовали межгосударственные кризисы на постсоветском пространстве (конфликт

в Южной Осетии и Абхазии, Нагорно-Карабахский конфликт, разногласия между Беларусью и Россией, Россией и Украиной и др.) и международные проблемы (в частности, эпидемия COVID-19). Однако в последнее десятилетие США стремились «подорвать авторитет России и Китая, как следствие – их интеграционных проектов, и повысить свой. В то же время внутривнутриполитические проблемы и нестабильная обстановка на Ближнем Востоке, представляющая большие угрозы для США, отодвигали политику Вашингтона в отношении постсоветского пространства и интеграционных процессов в нем на второй план» [5, с. 180].

В последние годы США, впрочем, как и ЕС, расширили инструментарий. В практику вошло использование многосторонних механизмов сотрудничества со странами Центральной Азии, которые рассматриваются в качестве важной составляющей американской политики. Помимо традиционных направлений взаимодействия добавились новые треки. В частности, США и ЕС стали проводить политику, направленную на установление контроля над месторождениями редкоземельных металлов, которые находятся на территории стран Центральной Азии. Получение к ним надежного доступа с последующей разработкой и вывозом сырья стало ключевым элементом западной политики [3, с. 8–19].

ЕС продвигает инфраструктурные проекты

В отличие от США ЕС реализовывал свою политику в Центральной Азии, опираясь на долгосрочные интересы и ориентируясь на экономические факторы и инфраструктурные проекты. В начале 90-х годов XX века ЕС предложил центральноазиатским государствам ряд транспортных и энергетических проектов. Они не дали немедленного эффекта, но в то же время заложили фундамент для последующей политики Брюсселя.

Политика ЕС в отношении каждого из государств региона имела свои отличия. С одними государствами Центральной Азии, например Казахстаном, реализовывались проекты в сфере энергетики, экономики и образования. С другими странами, например с Киргизией, активно развивались политические контакты, что привело к активной деятельности на территории страны огромного количества неправительственных организаций. Однако практически для всех государств региона была характерна миграция,

которая происходила из центральноазиатских государств в ЕС. «Миграционная политика является одним из самых противоречивых явлений в системе государственного управления. Одним из самых положительных явлений в данном процессе является привлечение в страну высококвалифицированных мигрантов, что повышает производительность и конкурентоспособность страны. Проблемой современного управления миграционными процессами является поиск наиболее эффективных подходов и методов, которые позволили бы получить оптимальную отдачу от процесса и уменьшить причиняемый ущерб» [5, с. 181].

Среди основных причин, которые привели к миграции из Центральной Азии, можно выделить рост населения в странах Центральной Азии. Наличие большого количества трудоспособных граждан, а также высокая зависимость стран региона от денежных переводов создавали условия для миграции из Центральной Азии. Сказывались «экономические проблемы, которые стимулировали к тому, чтобы перебираться в более привлекательные для заработка и обучения страны, какими и представляются страны Европейского союза» [5, с. 189].

Влияние России

После распада СССР российское влияние на страны Центральной Азии в основном оказывалось через сохранившиеся родственные связи и общую историю. Лишь позже к этим факторам добавились интеграционные проекты, которые были направлены на сохранение и развитие отношений в новых геополитических условиях. Подобный процесс объясняется, по меньшей мере, несколькими причинами. «Во-первых, прошло уже более тридцати лет с момента установления дипломатических отношений России с другими государствами – членами СНГ. И за это время заметно трансформировались внешнеполитические ориентиры постсоветских стран. Сейчас это стало наиболее очевидно. Во-вторых, на фоне украинского кризиса и усиления конфронтации с Западом понимание идейных основ российской внешней политики приобретает еще и жизненно необходимое стратегическое значение» [5, с. 107–108].

Очевидно, что спустя 30 лет после распада СССР российская политика прошла значительную эволюцию: от безоглядной друж-

бы с Западом до разрыва с ним отношений и конфронтации. «Тридцатилетний опыт развития постсоветской истории, со всеми вытекающими из этого обстоятельствами (деградацией отношений с Западом, разворотом на Восток, открытой конфронтацией), влияет на внешнеполитический курс страны и корректирует его. Связь проявляется в том, что идейные основания формируются более форсированно в условиях геополитического противостояния, наличия “внешнего противника”. То есть конфронтация с Западом ускоряет процесс институционализации внешнеполитических основ российской политики» [5, с. 112–113].

В последние годы отношения России и стран Центральной Азии вышли на новый уровень. Развиваются торгово-экономические контакты, осуществляются крупные инфраструктурные проекты. Активно идет развитие политических контактов между Россией и центральноазиатскими государствами. В свою очередь, страны региона заинтересованы в сотрудничестве с Россией, видя ее вклад в обеспечение безопасности в регионе.

Восприятие России в странах Центральной Азии в информационном пространстве, оценка ее внешней политики различаются. Страны региона реализуют курс на формирование национальных государств, создают собственную идентичность, что необходимо для укрепления государственности. Вместе с этим в России видят гаранта социально-экономической и политической стабильности. Например, «казахстанцы положительно или нейтрально относятся к России как соседу и стратегическому партнеру. Это справедливо как для СМИ, так и социальных сетей... Однако российско-украинский конфликт и попытки некоторых представителей политического истеблишмента северного соседа добиться поддержки не принимаются казахстанским обществом» [5, с. 129].

Одним из ключевых направлений сотрудничества между Россией и странами Центральной Азии остается сфера образования. Большую роль в этом процессе играет развитие русского языка, положение которого в странах региона несколько ухудшилось, несмотря на то что «распространение русского языка в Центрально-Азиатском регионе имеет давнюю историческую традицию и остается важным элементом социально-политической сферы» [5, с. 97].

Новые тенденции в мировой политике затронули Центральную Азию

В целом развитие системы международных отношений в Центральной Азии происходит под влиянием глобальных тенденций. Сближение России и Китая, расширение состава форума БРИКС, конфронтация между Россией и Западом оказывают большое влияние на развитие Центральной Азии. «2022 год стал поворотным для устройства как системы европейской, так и общеевразийской безопасности, однако тренд на изменение геополитического и геоэкономического ландшафта в регионе был заложен в 2021 г. Окончание американской кампании в Афганистане и новая диспозиция сил в регионе в очередной раз показали важность Центрально-Азиатского региона, который имеет важное значение для всей Евразии, а кроме того, и для двух основных и крупнейших соседей центральноазиатской пятерки — России и Китая. <...> Безусловно, нарастание американо-китайских противоречий — не гарантия союза РФ и КНР, что отражает устаревшее видение двусторонних отношений двух евразийских держав. Тем не менее период усиления противостояния между Западом и РФ совпал с нарастанием динамики конкуренции между Западом и КНР» [5, с. 130].

Значительные изменения происходят на евразийском пространстве. В частности, взаимоотношения в треугольнике «ШОС — ОПОП — ЕАЭС» показывают интерес как отдельных участников, так и организаций для расширения взаимодействия. Это затрагивает интересы и центральноазиатских государств. «Всё большую актуальность для государств Центральной Азии приобретает реализация евразийских проектов: многостороннее взаимодействие в рамках СНГ, ОДКБ, ШОС, ЕАЭС, ОИС, а также координация действий с внешними силами в форматах центральноазиатской пятерки» [5, с. 33].

Собственно, в последнее десятилетие для стран региона ключевую роль приобрели инфраструктурные проекты, с реализацией которых страны связывают амбициозные планы своего дальнейшего развития. Речь идет о возможностях транспортно-логистических проектов для стран Центральной Азии, международных мультимодальных транспортно-логистических хабах. «Развитие транспортно-логистической сферы является одним

из приоритетов всех стран Центральной Азии. Пандемия и изменения, происходящие на пространстве Евразии, продемонстрировали, что формирование новых маршрутов и модернизация инфраструктуры становятся первостепенной задачей для стран региона» [5, с. 41].

Инфраструктурные проекты и инициативы

Реализация инфраструктурных проектов в значительной мере зависит от политики Китая, прежде всего его экономического развития. При этом Китай стремится использовать Центральную Азию в собственных интересах, но при этом не допуская обострения с центральноазиатскими государствами. Пекин активно продвигает транспортные проекты, а также инициативу «Один пояс — один путь». «На сегодняшний день и поведение Пекина, и заявления его лидеров позволяют думать, что Китай вовсе не стремится расшатать международную систему. Вместо того чтобы пытаться изменить международную систему, Китай демонстрирует большое умение использовать ее таким образом, чтобы это соответствовало его собственным целям» [5, с. 135].

Для продвижения своих интересов в регионе китайская сторона использует инвестиции. Они представляют одно из ключевых направлений внешней политики Пекина. «Политика Китая в Центральной Азии очень важна для Пекина. В начале 1990-х годов, когда страны Центральной Азии только обрели независимость, это считалось одним из главных направлений внешней политики. Для Пекина было особенно важно иметь мир в приграничных странах. На данный момент страны Центральной Азии стабильно развиваются, в достаточной степени обеспечена безопасность» [5, с. 141].

Китай по-разному выстраивает отношения с отдельными странами региона. Одним из приоритетных направлений китайской политики выступает китайско-казахстанское сотрудничество. «Развитие казахстанско-китайского сотрудничества имеет важное значение для расширения торгово-экономических отношений между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой, для укрепления отношений стратегического партнерства двух стран, а также для обеспечения энергетической безопасности Казахстана в новых условиях постоянного

ускорения процесса экономической глобализации» [5, с. 143]. Это связано с тем, что «Китай является крупным потребителем энергии и ежегодно импортирует большое количество энергетического сырья, такого как нефть, природный газ, уголь и урановая руда. Казахстан является страной, обладающей богатыми энергоресурсами с крупными запасами нефти, природного газа, урановой руды, угля, солнечной энергии и энергии ветра» [5, с. 149].

Индия и Турция расширяют сотрудничество

Помимо ЕС, США, Китая и России, которые с момента распада СССР проявляли повышенный интерес к Центральной Азии, политика других внерегиональных акторов формировалась постепенно. Хотя в 1992–1993 годах Турция и предпринимала усилия, чтобы занять доминирующее положение на постсоветском пространстве, впоследствии она скорректировала свою политику. Для Индии Центральная Азия имеет стратегическое значение, хотя Дели находится в невыгодном положении. Пространство, которое соединяет Индию с Евразией, имеет серьезные проблемы, и преодолеть их непросто. И тем не менее новые региональные форматы, получившие развитие в регионе, такие как ШОС и ЕАЭС, предоставили Индии возможности для развития связей со странами этого стратегически важного региона.

Турция продвигает свои интересы в Центральной Азии в основном через формат Организации тюркских государств, который позволяет сформировать новые механизмы взаимодействия и продвигать Анкаре свою повестку [1, с. 126–137].

Заключение

Таким образом, на развитие стран Центральной Азии большое влияние оказывает внешний фактор. Помимо значительного влияния со стороны внерегиональных акторов большую роль играют внутривнутриполитические проблемы, а также отношения между странами Центральной Азии. «В последнее время СВО России и западные санкции повлияли на многие регионы. Безусловно, такие события тесно связаны со странами Центральной Азии, и все последствия, вне зависимости от их характера наступления, будут реализованы и в данном регионе. На фоне данных событий вид-

но наличие некоторых возможностей и вызовов для Центральной Азии в ее будущем развитии» [5, с. 193].

Страны Центральной Азии вынуждены балансировать между ближайшими соседями — Россией и Китаем — и другими вне-региональными акторами, которые могут оказать значительное влияние на развитие региона. В итоге региональная система международных отношений в Центральной Азии формируется под влиянием комплекса внешнеполитических факторов, а также большого количества внутренних проблем, связанных с развитием самих центральноазиатских государств, их отношений друг с другом.

Литература

1. Андрухин Т.В. Политика Турции в Центральной Азии: итоги и перспективы // Проблемы постсоветского пространства. — 2024. — Т. 11. — № 2. — С. 126–137.
2. Гарбузарова Е.Г. Политика США в Центральной Азии: фазы активности // Проблемы постсоветского пространства. — 2023. — Т. 10. — № 1. — С. 26–36.
3. Жильцов С.С. Политика Запада в Центральной Азии: роль редкоземельных металлов // Проблемы постсоветского пространства. — 2024. — Т. 11. — № 1. — С. 8–19.
4. Жильцов С.С. Черноморский, Каспийский и Центральноазиатский регионы в глобальных процессах политического развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2024. — Т. 26. — № 3. — С. 277–286. — URL: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-3-277-466>.
5. Центральная Азия как формирующаяся подсистема международных отношений: монография / под ред. К.П. Курылева. — М.: Аспект Пресс, 2024. — 312 с.

Симонова Эллада Юрьевна,

соискатель ученой степени кандидата политических наук, стажер,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Ellada Yu. Simonova,

external PhD student, intern,
The Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow.
E-mail: ellada.romanova@yandex.ru

СТРАТЕГИЯ США ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТЕРРОРИЗМУ

THE US COUNTERTERRORISM STRATEGY

Аннотация: в данной статье рассматривается создание современной американской системы противодействия терроризму в годы президентства Дж. Буша-мл. и анализируются ее сильные и слабые стороны. В статье освещаются также основные этапы развития антитеррористической стратегии США, выработанной в ответ на теракты 11 сентября 2001 года. В частности, выявлен ее преемственный характер и указывается на неизменное в первой четверти XXI века доминирование в ней военно-силовой составляющей. Особое внимание в статье уделено положительным и негативным аспектам американской стратегии по противодействию терроризму при явном преобладании последних. Указывается, что, несмотря на успехи по недопущению повторения масштабных террористических атак на территории США, поправное международное право стало синонимом «глобальной войны с терроризмом».

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, противодействие терроризму, национальная безопасность, США, американская антитеррористическая стратегия, «глобальная война с терроризмом», Патриотический акт, Афганистан, Ирак, Абу-Грейб, Гуантанамо, БПЛА, PRISM.

Abstract: this article examines the creation of the modern U.S. system of counterterrorism under President George W. Bush's leadership and analyzes its pros and cons. The article also highlights the main stages in the development of the US anti-terrorist strategy, developed in response to the terrorist attacks of September 11, 2001. It reveals its continuity and points to the unchanged dominance of the military and law enforcement component in it in the first quarter of the 21st century. The article pays special attention to the positive and negative aspects of the American counterterrorism strategy, with the latter clearly prevailing. It is pointed out that despite the successes in preventing the recurrence of large-scale terrorist attacks on the U.S. soil, breaches of international law have become synonymous with the Global War on Terrorism.

Key words: terrorism, extremism, counterterrorism, national security, the USA, the US counterterrorism strategy, the Global War on Terrorism, USA PATRIOT Act, Afghanistan, Iraq, Abu Ghraib, Guantanamo, drones, PRISM.

Введение

Терроризм сегодня продолжает представлять глобальную угрозу. В 2023 году жертвами терактов, согласно Глобальному

индексу терроризма 2024, стали 8352 человека, что выше значений 2022 года на 22% и является самым высоким показателем с 2017 года [21]. В целом сегодня ни одна страна не застрахована от угрозы террористического нападения и не может противостоять ей в одиночку.

Обладая широким присутствием в мире, США больше других стран подвержены международной террористической угрозе. В связи с этим Соединенные Штаты обладают значительным накопленным опытом в сфере противодействия терроризму, как на своей территории, так и за рубежом (особенно за рубежом). Данный опыт был как негативным, так и позитивным и всегда отвечал сугубо американским политическим интересам, иногда даже в ущерб самому противодействию терроризму и международной безопасности. Американский антитеррористический опыт, однако, обладает ценностью для других стран, вынужденных вести борьбу с терроризмом. Особенно сегодня, когда уровень террористической активности снова начал расти.

Американская антитеррористическая политика до 2001 года имела довольно ограниченный характер: включала точечные спецоперации против террористов и санкции против государств – спонсоров терроризма [2]. В ее основе лежал принцип «соразмерности»: американский военный ответ должен был быть соразмерен террористическому нападению, которое его спровоцировало.

До терактов 11 сентября 2001 года США были убеждены в неуязвимости своей территории для масштабного иностранного террористического нападения. Несмотря на то что назначенный при Президенте США У. Клинтоне «царь борьбы с терроризмом» Р. Кларк выражал некоторую обеспокоенность тем, что «Аль-Каида» (здесь и далее — террористическая организация, деятельность которой запрещена в России) будет пытаться атаковать Соединенные Штаты на американской территории, он не считал вероятным нападение с большим числом жертв в ближайшем будущем [25]. Это отчасти объясняло некоторую пассивность Вашингтона в том, что касалось противодействия терроризму, который рассматривался скорее как обычное уголовное преступление, нежели вызов разведке.

На этом фоне теракты 11 сентября стали настоящим потрясением для американского общества, сравнивавшего произо-

шедшее с нападением Японии на базу ВМФ США в гавани Перл-Харбор (Гавайские острова) 7 декабря 1941 года, после которого Америка вступила во Вторую мировую войну. После терактов 11 сентября первоначальные социологические опросы показали, что подавляющее большинство американских граждан были убеждены, что против США была начата война, реакцией на которую может быть только нанесение ударов по всем возможно причастным странам [8; 11]. Американцы требовали наказать виновных и обеспечить недопущение повторения подобных нападений в будущем любыми способами, невзирая на возможные жертвы среди мирного населения.

По словам российского исследователя Д.В. Кузнецова, руководство США сумело весьма точно расставить акценты, используя первоначальную реакцию американских граждан на теракты, и в результате получило полную свободу действий в рамках объявленной им «глобальной войны с терроризмом» [4]. Конгресс США, со своей стороны, так же горячо поддержал усилия Администрации Дж. Буша-мл. в сфере противодействия терроризму и практически единогласно принял резолюцию, дающую американскому президенту право применить военную силу против всех, кто подозревался в причастности к упомянутым терактам. В совокупности это дало «зеленый свет» Белому дому для реализации своих внешнеполитических планов любыми средствами и методами.

Для реализации новой политики в сфере борьбы с терроризмом в США был принят пакет документов, реформирующих систему обеспечения безопасности страны в целом. Появились Министерство внутренней безопасности, Национальный контртеррористический центр (далее — НКТЦ) и пост директора национальной разведки, был упорядочен процесс обмена развединформацией, улучшена межведомственная координация в деле борьбы с терроризмом, расширены полномочия правоохранительных органов по электронному наблюдению за гражданами, усилены проверочные мероприятия при пересечении американской границы и повышена эффективность противодействия финансированию терроризма. Отметим, что американское общество полностью поддержало все изменения, включая меры, которые фактически ограничивали их конституционные права. Американские граждане предпочли сплотиться вокруг правительства во имя искоренения терроризма.

Администрация Дж. Буша-мл. заложила основу современной американской системы противодействия терроризму и сформулировала общую антитеррористическую стратегию, которая в дальнейшем претерпевала некоторые изменения, но никогда не бывала полностью переосмысленной вопреки декларируемому отходу от «глобальной войны с терроризмом».

Американская система противодействия терроризму

Теракты 11 сентября 2001 года требовали обновления американской системы противодействия терроризму. Администрация Президента США Дж. Буша-мл. ответила принятием целого ряда новых законов, программ и созданием новых структур, которые в совокупности ознакомили новый этап американской антитеррористической стратегии.

Закон «О сплочении и укреплении Америки путем обеспечения надлежащими средствами, требуемыми для пресечения и воспрепятствования терроризму» (далее — Патриотический акт), принятый в октябре 2001 года, заложил основу для выстраивания в последующие десятилетия американской антитеррористической правовой базы, которая сформировала новые подходы и представления в отношении противодействия терроризму [36].

Патриотический акт предусматривал меры по упрощению расследования, отслеживания, преследования и ареста лиц, подозреваемых в вовлеченности в террористическую деятельность, а также наделял силовые ведомства обширными полномочиями в сфере слежки за частными лицами, включая отслеживание сообщений через сеть Интернет. Патриотический акт вводил также новые правила по выявлению и блокировке средств террористических группировок и связанных с ними лиц. Документ просуществовал с рядом сокращений до 1 июня 2015 года и был заменен Актом о свободе США [22] на фоне скандала вокруг разоблачений бывшего сотрудника ЦРУ Э. Сноудена. Тем не менее отказ от программ электронной слежки Агентства национальной безопасности не предполагался, и в Акт о свободе США были включены некоторые положения Патриотического акта.

США создали масштабную систему противодействия терроризму на базе ключевых министерств и ведомств, правоохранительных органов и спецслужб. В стране помимо Президента, его со-

ветника по национальной безопасности и помощника по вопросам внутренней безопасности и борьбы с терроризмом вопросами антитерроризма занимаются «Министерство внутренней безопасности, Министерство юстиции / Федеральное бюро расследований, Государственный департамент, Центральное разведывательное управление, Министерство обороны, Совет национальной безопасности, а также министерства финансов, энергетики, сельского хозяйства, транспорта, здравоохранения и социальных служб и Агентство по международному развитию США» [5].

Среди ключевых ведомств в сфере борьбы с терроризмом в рамках Министерства внутренней безопасности такими вопросами занимаются «Управление ситуационной осведомленности, Береговая охрана США, Федеральное агентство по управлению в чрезвычайных ситуациях, Служба гражданства и иммиграции США, Иммиграционная и таможенная полиция, Погранично-таможенная служба, Администрация транспортной безопасности (в частности входящая в состав Администрации Федеральная служба воздушных маршалов, отвечающая за безопасность гражданских рейсов), Секретная служба, Агентство по кибербезопасности и защите инфраструктуры, федеральные центры подготовки сотрудников правоохранительных органов; в Министерстве юстиции — Федеральное бюро расследований, Служба федеральных маршалов и Федеральное бюро тюрем; в Государственном департаменте — отдел по борьбе с терроризмом во главе с Координатором по вопросам борьбы с терроризмом; в Министерстве обороны — Разведывательное управление Министерства обороны (РУМО), Агентство национальной безопасности и разведки всех видов вооруженных сил; в Министерстве финансов — Служба внутренних доходов, Управление по финансовым преступлениям и финансированию терроризма и Управление по контролю за иностранными активами в составе Управления контртеррористической и финансовой разведки, Агентство по борьбе с финансовыми преступлениями FinCEN» [5].

В рамках своей антитеррористической стратегии Соединенные Штаты в целом широко используют инструмент экономических санкций и экономические программы помощи странам, которые преследуют террористов на своей территории (среди них — Ирак). Кроме того, после террористических атак 11 сентября 2001 года

Министерство финансов США инициировало Программу отслеживания финансирования терроризма (the Terrorist Finance Tracking Program — TFTP) для выявления, отслеживания и преследования террористов. Это стало важной частью более масштабных усилий Министерства финансов США по отслеживанию денежных потоков террористов и содействию более широким усилиям правительства США по выявлению террористических ячеек и составлению карты террористических сетей внутри страны и по всему миру.

Противодействие финансированию терроризма, возможно, является самым успешным направлением в рамках американской антитеррористической стратегии. Были заморожены или конфискованы связанные с террористическими организациями активы на миллиарды долларов. В то же время способы финансирования терроризма постоянно развиваются и требуют изменения соответствующих контрмер.

В рамках описания американской системы противодействия терроризму необходимо также упомянуть Объединенные антитеррористические оперативные группы, представляющие собой партнерство ФБР с другими правоохранительными органами федерального, регионального и местного уровней, и боевые подразделения американских полицейских структур (SWAT) по борьбе с противоправными действиями в обстановке повышенного риска (теракты, захват заложников и проч.). По словам профессора А.В. Манойло, «такие подразделения есть в составе Министерства обороны, Береговой охраны США, Федеральной службы воздушных маршалов, ФБР, Службы федеральных маршалов и всех полицейских департаментов крупных городов» [5].

По словам американского эксперта М. Креншоу, американская политика в сфере борьбы с терроризмом является не просто ответом на террористическую угрозу — она отражает внутренний политический процесс страны [15]. По мере изменения восприятия террористической угрозы изменяется и юрисдикция структур — участниц системы противодействия терроризму: если терроризм определяется как «преступление», то это сфера ответственности Минюста и ФБР, а если — как «угроза национальной безопасности», тогда центральную роль начинают играть ЦРУ и Министерство обороны [15]. Совет национальной безопасности и Государственный департамент традиционно соревнуются за институциональный

контроль в сфере борьбы с актами международного терроризма, однако здесь же иногда сталкиваются интересы Госдепа и ФБР.

Ответственными за разработку стратегии и определение приоритетов в сфере борьбы с терроризмом являются Министерство внутренней безопасности США (далее — МВБ), ЦРУ и ФБР.

МВБ задумывалось как объединяющая структура-координатор для всех участников системы противодействия терроризму: министерств, ведомств, служб, организаций и местных органов власти.

Первым руководителем нового Министерства стал губернатор Пенсильвании и близкий друг Президента США Дж. Буша-мл. Томас Ридж. Приветствуя создание нового ведомства, американские политики-старожилы тем не менее указывали на то, что без бюджета и одобрения Сенатом Т. Ридж едва ли будет эффективен на новом посту [17]. Взамен они предлагали реорганизовать новую структуру таким образом, чтобы под ее началом оказалась вся американская политика по противодействию терроризму. По словам американского исследователя Э. Картера, данное предложение не только не решало проблему межведомственной координации в сфере борьбы с терроризмом, но даже усугубляло ее, добавляя еще одно звено в антитеррористическую систему [10]. В итоге предложение было отклонено, оставив за Министерством внутренней безопасности координационные функции. Вместе с тем сегодня деятельность Министерства подвергается критике за попытку установить тотальный контроль над американским обществом посредством массовых телефонных прослушек, системы электронного наблюдения и сбора конфиденциальной информации. Примечательно, что перечисленные методы сбора информации и слежения по сей день не утрачивают своего высокого значения в общей системе мер противодействия терроризму в США безотносительно фактического уровня террористической угрозы в тот или иной период после терактов 11 сентября 2001 года.

Ориентировочно в те же годы в Вашингтоне велась дискуссия о назначении так называемого царя борьбы с терроризмом — должностного лица, назначаемого напрямую президентом без соответствующего одобрения Сената США. Фактически первым таким «царем» стал назначенный еще при У. Клинтоне в 1998 году национальным координатором по вопросам безопасности, защиты

инфраструктуры и борьбы с терроризмом Ричард Кларк. Несмотря на громкое название, фактически Р. Кларк был не в состоянии сколько-нибудь серьезно влиять на политику остальных участников системы противодействия терроризму в США, поскольку не имел собственных ресурсов или структур в подчинении. Следующими «царями борьбы с терроризмом» были заместитель помощника Президента США по национальной безопасности У. Даунинг и помощник Президента США по вопросам внутренней безопасности и борьбы с терроризмом Дж. Бреннан.

Основные направления антитеррористической деятельности координируются, главным образом, НКТЦ, Министерством внутренней безопасности и помощником Президента США по вопросам внутренней безопасности и борьбы с терроризмом.

НКТЦ входит в состав аппарата директора Национальной разведки, возглавляющего американское разведсообщество, которое состоит из 17 основных разведслужб США. Отметим, что разведка в целом является ключевым элементом любой системы противодействия терроризму. ЦРУ является ведущей независимой разведслужбой, остальные входят в состав федеральных министерств и ведомств, таких как: «Бюро разведки и исследований, Дипломатическая служба безопасности США Госдепа США; Управление контртеррористической и финансовой разведки Министерства финансов; Разведывательное управление Министерства обороны, Агентство национальной безопасности, Разведывательное управление армии, Разведывательное управление ВВС, Разведывательное управление ВМС, Разведывательное управление КМП¹, Национальное агентство геопространственной разведки США, Национальное управление военно-космической разведки США; Управление разведки и контрразведки Министерства энергетики США; Управление разведки и анализа, Разведывательное управление Береговой охраны США Министерства внутренней безопасности США; ФБР, Управление по борьбе с наркотиками Министерства юстиции США» [23].

НКТЦ является основным информационно-аналитическим подразделением разведсообщества США, которое специализируется на сборе и анализе информации, на обмене информацией для выработки общих подходов правительства к борьбе с террориз-

¹ КМП — Корпус морской пехоты США.

мом. Ключевой функцией НКТЦ является идентификация новых террористических угроз и выработка предложений по ответным разведывательным контрмерам. Помимо прочего, Центр отвечает за базу данных «Ти-Ай-Ди-И», в которой содержится более одного миллиона личных данных лиц, подозреваемых в связях с террористами. НКТЦ подотчетен Совету национальной безопасности, который, в свою очередь, следит за реализацией американской Национальной стратегии по борьбе с терроризмом.

По словам профессора А.В. Манойло, «в целом система противодействия терроризму в США отвечает новейшим реалиям, вызовам и угрозам в данной области — она непрерывно совершенствуется и реформируется, повышая свою эффективность» [5]. В то же время американская стратегия по противодействию терроризму зачастую отражает усилия Вашингтона по достижению целей, зачастую не связанных с задачами антитерроризма, и в целом сильно зависит от текущей внутривластной повестки той или иной администрации. Наиболее ярким примером здесь является американское вторжение в Ирак под надуманным предлогом, в результате которого Вашингтон получил рычаг воздействия на мировой рынок нефти.

В целом американская система противодействия терроризму более успешно справляется с выполнением тактических задач, нежели стратегических, связанных с профилактикой террористической угрозы. Также она представляется довольно громоздкой и, несмотря на наличие координирующих органов, отмечена соперничеством ее структур-участниц. Начиная с 2011 года в США неоднократно поднимался вопрос о том, чтобы сбалансировать американские усилия на антитеррористическом поприще и, в частности, перераспределить огромные финансовые ресурсы, выделенные на нужды борьбы с терроризмом, однако сделать этого так и не удалось.

Таким образом, использование «глобальной войны с терроризмом» для достижения иных политических целей объясняется как осознанным выбором американских властей, так и тем, хоть и в меньшей степени, что они являются заложниками раздутого аппарата по противодействию терроризму, на который в разное время приходилось от 15 до 20% всех ресурсов, выделенных на обеспечение национальной безопасности США [13].

Американская стратегия по противодействию терроризму

Терракты 11 сентября 2001 года требовали обновления не только американской системы противодействия терроризму, но и соответствующей стратегии при сохранении некоторой преемственности.

Президент США Дж. Буш-мл. подтвердил «основополагающие принципы американской политики в сфере борьбы с терроризмом:

- никаких уступок террористам;
- блокада и изоляция стран, поддерживающих, по мнению США, терроризм;
- неотвратимость наказания для международных террористов вне зависимости от срока давности совершения ими преступлений;
- оказание всесторонней помощи странам – участницам борьбы с международным терроризмом» [5].

Данные принципы легли в основу «глобальной войны с терроризмом». В соответствии с принятой в 2003 году «Национальной стратегией по борьбе с терроризмом» основным методом противодействия терроризму в новом веке должно было стать комплексное использование дипломатических, экономических, информационных, правовых, военно-силовых и финансовых мер [26]. Перечисленные в Стратегии цели были весьма обширны и пространны, как, например, «победа над террористами и их организациями», «прекращение государственного спонсирования терроризма» и «победа в Войне Идей» [26]. Для их реализации предусматривалось значительное увеличение выделения средств на нужды Министерства обороны и Государственного департамента, поскольку чрезвычайные расходы, связанные с «глобальной войной с терроризмом», а затем и с чрезвычайными операциями за рубежом, увеличились с 36 млрд долл. в 2002 году до 123 млрд долл. в 2006 году [13].

«Национальная стратегия по борьбе с терроризмом», принятая в 2006 году, добавила к необходимости проведения военных операций для успешной антитеррористической борьбы продвижение демократии как «долгосрочного противоядия от идеологии терроризма» [27]. Новые приоритеты нашли отражение в увеличении военных расходов и большом количестве американских сухопутных войск в Ираке и Афганистане — главном фронте «глобальной войны с терроризмом».

Очень скоро наступило осознание, что упомянутые американские интервенции имели, по меньшей мере, неоднозначный результат. Война в Афганистане была начата в рамках операции «Несокрушимая свобода» 7 октября 2001 года и завершена почти 20 лет спустя, 30 августа 2021 года. Военная операция в Ираке под кодовым названием «Иракская свобода» была начата 20 марта 2003 года и завершена в 2011 году. Полного вывода американских войск из Ирака не произошло до сих пор.

Кроме того, начало в 2011 году «арабской весны» на Ближнем Востоке вселило в Вашингтон надежду на то, что в регионе можно будет сосредоточиться на поддержке демократии, тогда как анти-террористическая повестка отойдет на второй план.

Антитеррористическая риторика Президента США Б. Обама была смягчена: «глобальная война с терроризмом» отошла на задний план, уступив место концепции «противодействия насильственному экстремизму» (далее — ПНЭ) [16]. До обнародования ПНЭ 28 июня 2011 года была принята новая «Национальная стратегия по противодействию терроризму», фокус внимания которой был смещен с борьбы с абстрактной террористической угрозой при Президенте США Дж. Буше-мл. на противодействие непосредственно «Аль-Каиде», ее филиалам и приверженцам [28].

Сформулированные Администрацией Президента США Б. Обамы несилловые меры в рамках ПНЭ были призваны смягчить абсолютное доминирование военно-силовой составляющей американской Стратегии по противодействию терроризму. Отличительными чертами ПНЭ, по словам профессора Е.А. Степановой, стали: «не меньшее внимание к доморощенному экстремизму внутри США, чем к международному терроризму; выявление факторов и условий, способствующих или ведущих к радикализации и переходу к насильственному экстремизму, и поиск путей их нейтрализации; во внутривластном плане — растущий упор на ПНЭ на более локальном уровне, со стороны органов местного самоуправления, НПО и иных структур гражданского общества; во внешнеполитическом плане — упор на демократизацию, содействие социально-экономическому развитию мусульманских стран и регионов и т.п.» [7].

Однако надеждам на отход от приоритетности антитеррористической повестки на Ближнем Востоке не удалось сбыться в связи

с начавшимся хаосом в Ливии вследствие западной интервенции 2011 года и «подъема» ИГИЛ (здесь и далее — террористическая организация, деятельность которой запрещена в России). В результате Соединенные Штаты были вынуждены усилить поддержку Ирака в деле противодействия терроризму, возглавить коалицию союзников против ИГИЛ и сохранить определенное военное присутствие в Афганистане.

Как бы то ни было, разработка ПНЭ, смягчение антитеррористического дискурса и корректировка американской антитеррористической стратегии в годы президентства Б. Обамы не должны вводить в заблуждение. На практике ослабления доминирующей военно-силовой составляющей американской Стратегии по противодействию терроризму при Президенте США Б. Обаме не произошло. Высокая степень милитаризации и главенствующая роль спецслужб остались неизменны.

Обещания вывести американские войска из Ирака и Афганистана и закрыть тюрьму в Гуантанамо не были выполнены. Это можно объяснить изменением обстоятельств — ухудшением ситуации с безопасностью на Ближнем Востоке, — а также противодействием ряда членов Конгресса США переводу заключенных из Гуантанамо в тюрьмы на территории США. Однако это не отменяет того, что созданная при Президенте США Дж. Буше-мл. система противодействия терроризму была удобна его преемникам на посту главы государства. «Глобальная война с терроризмом» была, безусловно, скорректирована, но не была полностью пересмотрена.

При Президенте США Б. Обаме была сокращена активность в Гуантанамо, но на деле, по словам российского исследователя С.С. Веселовского, это означало лишь «изменение тактики по обращению с подозреваемыми в терроризме иностранцами, которых стали отправлять для допросов и содержания в другие страны с более гибким отношением к правам человека, например в Египет» [1].

Система электронного наблюдения в годы президентства Б. Обамы была расширена, равно как и практика использования беспилотных летательных аппаратов (далее — БПЛА) для устранения террористов. Осуществление целенаправленных убийств террористов с применением БПЛА было удобно тем, что не требовало отправки американских войск, было дешевле и не вызывало острого недовольства американских граждан.

При Администрации Д. Трампа, критиковавшего своего предшественника за чрезмерную мягкость в отношении борьбы с терроризмом, был осуществлен отход от приоритетности смены неугодных режимов и их последующей демократизации, а победа над ИГ и другими радикальными исламистскими группировками была названа «главной внешнеполитической задачей» США [35].

В октябре 2018 года была принята «Национальная стратегия Соединенных Штатов Америки по противодействию терроризму» [29], основное внимание которой было направлено на противодействие радикальным исламистским группировкам. В фокусе новой Стратегии были поиск и ликвидация «источников» террористических группировок, лишение их финансовой поддержки, модернизация и интеграция американских инструментов борьбы с терроризмом, защита и повышение устойчивости американской инфраструктуры к террористической угрозе, противодействие радикализации и вербовке, повышение способности международных партнеров противостоять терроризму [14]. Немалое внимание уделялось невоенным методам борьбы с терроризмом, а также расширению антитеррористического сотрудничества с американскими партнерами, в частности с членами НАТО. Последнее, к слову, было призвано снизить нагрузку на США в рамках «глобальной войны с терроризмом».

Администрация Президента США Д. Трампа позиционировала новую Стратегию как воплощение принципиально нового подхода к борьбе с терроризмом, учитывающего все прошлые уроки и опыт. В действительности, она является скорее синтезом антитеррористических стратегий двух предыдущих президентов США, хотя и имеет свои особенности: не произошло отказа от концепции ПНЭ, несмотря на ее активную критику; было продлено действие системы электронного наблюдения PRISM, ответственной за массовую слежку американских спецслужб; еще больше увеличилось использование БПЛА (в частности, в Сирии, Ираке и Йемене), а в Гуантанамо впервые с 2008 года было разрешено доставлять новых подозреваемых в терроризме. Высказываясь за ограничение вмешательства США в мировые дела, Президент США Д. Трамп тем не менее отказался от планов по полному выводу американских войск из Сирии. Американские действия в Сирии в целом имели опосредованное отношение

к борьбе с терроризмом и были призваны, скорее, свергнуть режим Президента Б. Асада.

Прямое отношение к военному поражению ИГ имела военная операция России в Сирии, способствовавшая в итоге снижению уровня джихадистской угрозы в мире. Последнее привело к тому, что новый Президент США Дж. Байден вновь поднял вопрос о сокращении американского военного присутствия в Ираке и Афганистане. В 2020 году было достигнуто соглашение о выводе остатков американских войск из Афганистана до 11 сентября 2021 года. Затем крайняя дата вывода была изменена на 31 августа. Вывод американских войск из Афганистана на словах был призван подытожить 20-летний период пребывания США в этой стране и ознаменовать завершение «глобальной войны с терроризмом». Эту же цель преследовала достигнутая в июле 2021 года договоренность между Президентом США Дж. Байденом и премьер-министром Ирака М. аль-Казыми о завершении американской военной миссии в Ираке [9]. Администрация Президента США Дж. Байдена преподносила завершение военных миссий в Афганистане и Ираке как долгожданное и в высшей степени обоснованное, хотя в действительности речь, скорее, шла о фактическом признании их провала. К слову, после вывода американских войск из Афганистана к власти в Кабуле вернулся «Талибан» (здесь и далее — движение, запрещенное в России), а из Ирака полного вывода американского контингента не произошло до сих пор.

На фоне декларируемого завершения «глобальной войны с терроризмом», под которой главным образом понималось противодействие джихадизму, и атаки на комплекс Капитолия США 6 января 2021 года Президент США Дж. Байден назвал наиболее насущной террористической угрозой для США внутренний терроризм, для борьбы с которым в июне 2021 года была принята соответствующая Стратегия [18]. Таким образом, в США впервые в истории была разработана Стратегия по противодействию внутреннему терроризму [30].

Стратегия стоит на «четырёх столпах»: обмену информацией, связанной с внутренним терроризмом; предотвращении вербовки и подстрекательства к насилию и мобилизации американских граждан (в Стратегии отмечена высокая роль онлайн-радикализации граждан); сдерживании и подрыве внутренней

террористической деятельности до момента перехода к насилию; решении долгосрочных проблем в этой области [30]. Ключевая роль в борьбе с внутренним терроризмом отведена правоохранительным силам, а также взаимодействию с органами местного самоуправления, иностранными союзниками и партнерами, представителями гражданского общества, технологических компаний, научного сообщества и др.

Принятие Стратегии по противодействию внутреннему терроризму было призвано подчеркнуть декларируемое завершение «глобальной войны с терроризмом» и общее снижение интереса Вашингтона к теме антитеррористической борьбы, которая должна была уступить в иерархии американских приоритетов место межгосударственному соперничеству с Россией и Китаем. На практике не последовало никаких изменений, которые отражали бы новую расстановку приоритетов.

Положительный и негативный опыт США в деле противодействия терроризму

США добились определенного прогресса в области борьбы с терроризмом: в частности, на территории страны более не было террористических нападений, подобных терактам 11 сентября 2001 года.

Были ликвидированы глава «Аль-Каиды в Ираке» А.М. аз-Заркави (2006 г.), глава «Аль-Каиды» У. бен Ладен (2011 г.), один из идеологов «Аль-Каиды» А. аль-Авлаки (2011 г.), военный министр ИГ А.У. аш-Шишани (2016 г.), глава ИГ А.Б. аль-Багдади (2019 г.), преемник А.Б. аль-Багдади А.И. аль-Хашеми (2022 г.) и др. «Аль-Каида» была ослаблена в результате американских военных операций и ликвидации названных террористических лидеров.

На новый уровень вышло международное сотрудничество в области борьбы с терроризмом: возникла взаимосвязанная сеть страновых коалиций — по обмену разведанными, военная, финансовая, правоохранительная и др.

Американские разведслужбы расширили свои возможности по борьбе с терроризмом за счет более совершенных средств наблюдения, обмена разведанными и их анализа. Были усилены меры внутренней безопасности: улучшены процессы досмотра и пограничного контроля, повышен уровень безопасности аэропортов.

Наибольших успехов США, возможно, добились в деле противодействия финансированию терроризма. Данное направление в целом обычно является наиболее успешным в рамках борьбы с терроризмом. Были заморожены или конфискованы связанные с террористическими организациями активы на миллиарды долларов. Закон «О сплочении и укреплении Америки путем обеспечения надлежащими средствами, требуемыми для пресечения и воспрепятствования терроризму» и другие новые нормативные правовые акты ужесточили требования к финансовому надзору и отчетности, в результате чего террористам стало сложнее перемещать средства незамеченными. Эти меры позволили раскрыть многочисленные схемы финансирования терроризма. Стратегии борьбы с финансированием терроризма вынудили террористические группировки перейти к использованию более медленных и обременительных методов сбора и перевода средств, что существенно затруднило их деятельность, хотя и не положило ей конец.

Другим примером положительного американского опыта в деле противодействия терроризму можно назвать ПНЭ — проработанную, многоуровневую антиэкстремистскую стратегию, которая была сформулирована в США раньше, чем во многих других странах.

В то же время едва ли результаты «глобальной войны с терроризмом» можно назвать успешными. По словам российского исследователя С.С. Веселовского, они «как минимум неоднозначны» [1].

Общий уровень террористической активности в США сегодня выше, чем был десятилетие назад: согласно Глобальному индексу терроризма 2024, США заняли по указанному параметру 30-е место в противовес 41-му месту, которое Соединенные Штаты занимали в Индексе в 2012 году [21]. Северная Америка и Африка южнее Сахары в целом стали единственными регионами, где общий уровень террористической активности сегодня выше, чем 10 лет назад — в 2013 году [21].

Одной из главных целей «глобальной войны с терроризмом» было снижение уровня террористической угрозы в мире, однако упомянутая кампания имела прямо противоположный результат. По данным исследователей из Университета Мэриленда, ведущих крупнейшую базу данных по терактам в мире, Global Terrorism Database, в период с 1970 года по 11 сентября 2001 года включи-

тельно произошли 73 139 террористических инцидента, а в период с 12 сентября 2001 года по 2021 год включительно — 141 528 [19]. За 20 лет «глобальной войны с терроризмом» терактов в мире было почти вдвое больше, чем за 31 год до этого. Согласно данным Института экономики и мира, в 2014 году был зафиксирован исторический максимум по числу жертв терактов — 32 685 человек, что почти в 10 раз больше, чем в 2000 году, — 3329 [20]. В 2014 году в результате терактов, связанных с ИГ, погибли 6073 человека, что делало ее второй после «Боко харам» наиболее смертоносной террористической организацией в мире. Здесь не учитывается, однако, что группировка ИГ была повинна в гибели еще 20 тысяч комбатантов, павших в сражениях с ней на поле боя [20].

Возвышение ИГ в качестве лидера транснационального радикально-исламистского движения в целом стало возможным в результате американского вторжения в Ирак, которое первоначально привело к превращению незначительной салафитской террористической группировки «Джамаат ат-Таухид валь-Джихад» в развитую сеть со множеством боевиков, переименованную в «Аль-Каиду в Ираке» — предтечу ИГ. «Аль-Каида в Ираке» после принесения ее лидером А.М. аз-Заркави клятвы верности У. бен Ладену быстро приобрела мрачную славу самой жестокой террористической организации в мире, которая осуществила бесчисленное множество терактов в Ираке и за его пределами.

Международное сообщество сперва сплотилось вокруг США после терактов 11 сентября 2001 года: была образована неформальная международная антитеррористическая коалиция, которая поддержала военную операцию в Афганистане. Полная поддержка была выражена в том числе со стороны ООН. Возникла даже надежда, что международная кампания по противодействию терроризму поможет ООН обрести новое предназначение. НАТО, в свою очередь, высказало готовность поддержать все необходимые меры, включая военные.

Президент России В.В. Путин первым из мировых лидеров позвонил Президенту США Дж. Бушу-мл. после терактов 11 сентября и предложил помощь в борьбе с терроризмом. Весной 2002 года был подписан российско-американский Договор о стратегическом партнерстве. Россия разрешила транзит натовских грузов в Афганистан через свое воздушное пространство и дала согласие

на создание американских военных баз в Центральной Азии. США, в свою очередь, перестали называть северокавказских террористов борцами за свободу. Американскую интервенцию в Ирак Россия поддержать отказалась. В том же году напряженность в двусторонних отношениях еще более возросла, когда Вашингтон поддержал «революцию роз» в Грузии. Далее последовали «оранжевая революция» на Украине и «революция тюльпанов» в Киргизии.

Вторжение в Ирак нанесло серьезный удар по международной антитеррористической коалиции. Отметим, что США в целом склонны под надуманными предлогами нарушать международное право для решения своих приоритетных военно-политических задач [3]. В годы президентства Дж. Буша-мл. неоконсерваторы, например, доказывали, что Вашингтон вправе игнорировать ООН и своих европейских союзников в рамках выполнения своей «исторической миссии». В результате в 2003 году на смену широкой международной коалиции пришла «коалиция желающих», которых набралось в 2 раза меньше, чем тех стран, которые поддерживали военную операцию в Афганистане.

Операция в Афганистане, ставшая самой продолжительной американской военной кампанией за рубежом, завершилась спешным выводом американских войск из страны в 2021 году и ее сдачей «Талибану», против которого все эти годы и велась борьба. Максимальное число американских военных, которые были одновременно расквартированы в Афганистане, составляет 100 тыс. человек (2011 г.). По данным Министерства обороны США, общее число американских военнослужащих, служивших в Афганистане с октября 2001 года, составляет 800 тыс. человек, из них 2352 человека погибли [33]. Число жертв среди гражданского населения в Афганистане, согласно данным проекта Брауновского университета «Стоимость войны», составляет 46319 человек [12].

Согласно данным этого же проекта, в Ираке число жертв среди гражданского населения с момента американского вторжения в марте 2003 года по март 2023 года составляет от 186694 до 210038 человек [12]. Число погибших американских военных в Ираке составляет 4599 человек [12]. Максимальная численность американских войск в Ираке составляла почти 170 тысяч человек.

Администрация Президента США Дж. Буша-мл. упорно доказывала, что добилась «продвижения демократии» в Ираке, Афгани-

стане и Пакистане, с чем, однако, не были согласны рядовые американцы — участники различных опросов общественного мнения. Обращало на себя внимание и то, что военные расходы, связанные с кампаниями в Афганистане и Ираке, стали главной причиной роста бюджетного дефицита США. Однако в большей степени антивоенные настроения американцев были связаны с чередой скандалов вокруг особого порядка судебного преследования иностранных террористов — неграждан США, — ставшего крупным провалом американской антитеррористической Стратегии.

Вскоре после терактов 11 сентября Президентом США Дж. Бушем-мл. был подписан Указ «О задержании, обращении и рассмотрении дел в отношении неграждан в ходе войны с терроризмом», который предусматривал, что международных террористов будут судить «по законам военного времени... в военных трибуналах» [24]. Военные трибуналы в лице военных комиссий, заключение на неопределенный срок в спецтюрьмы (в Ираке, Афганистане, Гуантанамо) и практиковавшиеся там пытки — всё это стало символом беззакония и нарушения прав человека.

По словам профессора В.В. Согрина, президентские выборы 2008 года показали, что в стране наблюдалось нечто вроде нового «вьетнамского синдрома»: победа была отдана Б. Обаме, который обещал вернуть домой американских военных из Афганистана и Ирака в максимально сжатые сроки и закрыть тюрьму в Гуантанамо (тюрьма в Абу-Грейб к тому времени уже была закрыта) [6].

Примечательно, что Президент США Б. Обама закрыть тюрьму в Гуантанамо так и не смог ввиду сопротивления некоторых членов Конгресса, опасавшихся перевода подозреваемых в терроризме в обычные тюрьмы на территории Соединенных Штатов из-за рисков, связанных с потенциальной вербовкой новых боевиков. Полностью вывести американские войска из Ирака и Афганистана так же не удалось.

Другим примером негативного опыта США в рамках противодействия терроризму стал скандал, связанный с передачей в 2013 году бывшим сотрудником Агентства национальной безопасности США (далее — АНБ) Э. Сноуденом газетам «The Washington Post» и «The Guardian» секретных материалов о массовой слежке американских спецслужб. Речь шла о программе PRISM, с помощью которой АНБ получала доступ к переписке поль-

зователей на серверах Google, Facebook, Twitter, Yahoo, Skype и др. Данная система была развернута в рамках «Акта о негласном наблюдении в целях внешней разведки США» (далее — FISA) от 1978 года, в частности его статьи 702, позволяющей организовывать без ордера «электронное наблюдение за лицами, находящимися за пределами США» [34]. Впоследствии действие раздела 702 FISA и, соответственно, программы электронного наблюдения несколько раз продлялось: в последний раз — в 2024 году. В феврале 2023 года советник Президента США по национальной безопасности Дж. Салливан заявил, что раздел 702 FISA оказался краеугольным камнем американской национальной безопасности, что он защищает американцев и обеспечивает соответствующую реакцию американских силовых структур на угрозы со стороны КНР, России, киберпреступников и террористов [32].

Неоднозначным в американской антитеррористической Стратегии является и использование БПЛА для физического устранения террористов. Настоящая практика получила масштабное распространение при Президенте США Б. Обаме: по данным влиятельной частной американской организации – Совета по международным отношениям, – американский лидер авторизовал 542 удара БПЛА, в результате которых были убиты ориентировочно 3797 человек, из них — по меньшей мере 324 человека из числа мирного населения [31]. В условиях скандалов вокруг американских спецтюрем осуществлять целенаправленные убийства террористов фактически было легче, чем их где-то держать. Внутри США операции с применением БПЛА особого негодования не вызвали: они были значительно дешевле и не предполагали каких-либо жертв с американской стороны, чего нельзя было сказать о странах, где такие атаки осуществлялись. Наибольшее негодование выражал Пакистан, однако с ним Вашингтон считаться не собирался. Издержки в виде жертв среди гражданского населения и недовольства других стран США не смущали, и операции с использованием БПЛА были признаны успешными, что косвенно подтвердилось еще большим расширением данной программы в годы президентства Д. Трампа.

Таким образом, беспрецедентные по своему масштабу и произведенному эффекту теракты 11 сентября 2001 года повлекли за собой глубокое реформирование системы противодействия

терроризму и разработку новой антитеррористической Стратегии США, вскоре ставшей синонимом многочисленных нарушений международного права. «Глобальная война с терроризмом» Президента США Дж. Буша-мл., основным фронтом которой стали военные операции в Ираке и Афганистане, подверглась жесткой критике в Соединенных Штатах и за их пределами, однако все последующие американские лидеры лишь корректировали отдельные ее аспекты. Высокая степень милитаризации и ведущая роль спецслужб до сих пор остаются ключевой особенностью американской антитеррористической Стратегии.

«Глобальная война с терроризмом» имеет неоднозначные результаты. Справляясь с задачей по недопущению повторения событий 11 сентября на территории США, она одновременно сопровождается многочисленными скандалами, связанными с нарушением прав человека и вмешательством во внутренние дела других государств. Вашингтон в целом широко использует антитеррористическую повестку для оправдания действий, которые зачастую вовсе не связаны с борьбой с терроризмом.

Литература

1. *Веселовский С.С.* Война без конца: эволюция антитеррористической политики США от Дж. Буша-мл. до Дж. Байдена // РСМД. – 10.09.2021. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/voyna-bez-kontsa-evolyutsiya-antiterroristicheskoy-politiki-ssha-ot-dzh-busha-mladshego-do-dzh-bayde/> (дата обращения: 18.07.2024).
2. *Гарусова Л.Н.* Стратегия борьбы США с международным терроризмом: опыт, новые вызовы, проекция на АТР // Международные проблемы. — 2016. — № 3 (93). — С. 119–133. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-borby-sshas-mezhdunarodnym-terrorizmom-opyt-novye-vyzovy-proektsiya-na-atr/viewer> (дата обращения: 15.08.2024).
3. *Иванов О.П., Копылов А.В.* Применение вооруженных сил США за рубежом. Правовые основы и политическая практика // Обозреватель — Observer. — 2021. — № 3. — С. 27–41.
4. *Кузнецов Д.В.* Американское общественное мнение после событий 11 сентября 2001 г. и политика США на Ближнем и Среднем Востоке // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. — 2006. — № 3 (11). — С. 116–130. — URL: <http://eastjournal.ru/wp-content/uploads/2006/11/11.pdf> (дата обращения: 11.07.2024).
5. *Манойло А.В.* Современные подходы США к борьбе с терроризмом // Актуальные проблемы Европы. — 2021. — № 4 (112). — С. 53–78.
6. *Согрин В.В.* США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. — М.: Весь мир, 2015. — 592 с.
7. *Степанова Е.А.* Россия и США в борьбе с терроризмом (сравнительные угрозы и подходы, Сирия, Афганистан, противодействие насильственному экстремизму) // Пути к миру и безопасности. — 2017. — № 1 (52). Спецвыпуск. Проблемы терроризма, насильственного экстремизма и радикализации (российские и американские подходы). — С. 13–54.

8. ABC News/Washington Post Poll. September 13, 2011 // The Washington Post website. — URL: <https://www.washingtonpost.com/wp-srv/politics/polls/vault/stories/data091401.htm> (accessed: 11.07.2024).
9. Biden announces end of combat mission in Iraq as he shifts US foreign policy focus // CNN website. — URL: <https://edition.cnn.com/2021/07/26/politics/joe-biden-iraq/index.html> (accessed: 08.07.2024).
10. *Carter A.B.* The Architecture of Government in the Face of Terrorism // International Security. The MIT Press. Winter 2001–2002. Vol. 26. No. 3. P. 5–23. — URL: <https://direct.mit.edu/isec/article-abstract/26/3/5/11716/The-Architecture-of-Government-in-the-Face-of?redirectedFrom=fulltext> (accessed: 11.07.2024).
11. CNN/USA Today/Gallup Poll. September 11, 2001 // Gallup News website. — URL: <https://news.gallup.com/polls> (accessed: 11.07.2024).
12. Costs of War, Human cost of post-9/11 wars: direct war deaths in major war zones, Afghanistan & Pakistan (Oct. 2001 — Aug. 2021); Iraq (March 2003 — March 2023); Syria (Sept. 2014 — March 2023); Yemen (Oct. 2002–Aug. 2021) and other post-9/11 war zones / Watson Institute for International and Public Affairs, Brown University. — URL: <https://watson.brown.edu/costsofwar/figures/2021/WarDeathToll> (accessed: 18.07.2024).
13. Counterterrorism Spending: Protecting America While Promoting Efficiencies and Accountability / Stimson Study Group. — May 2018. — URL: https://www.stimson.org/wp-content/files/file-attachments/CT_Spending_Report_0.pdf (accessed: 20.08.2024).
14. Counterterror Strategy Factsheet. Vol. 3, final // Office of the Director of National Intelligence website. — 2018. — URL: https://www.dni.gov/files/NCTC/documents/news_documents/Counterterror_Strategy_Factsheet_V3_FINAL.pdf (accessed: 20.08.2024).
15. *Crenshaw M.* Counterterrorism Policy and the Political Process // Studies in Conflict and Terrorism. — 2001. — Vol. 24. — Issue 5. — P. 329–337. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/105761001750434204> (accessed: 11.07.2024).
16. Department of State & USAID Joint Strategy on Countering Violent Extremism. — May 2016. — URL: <https://2009–2017.state.gov/documents/organization/257913.pdf> (accessed: 20.08.2024).
17. *Destler I.M. and Daalder I.H.* Czars and Councils: Organizing for Homeland Security // The National Interest. — Summer 2002. — № 68. — P. 66–78. — URL: <https://www.jstor.org/stable/42897425> (accessed: 12.06.2024).
18. Fact Sheet: National Strategy For Countering Domestic Terrorism. June 15, 2021 // The White House Website. — URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/15/fact-sheet-national-strategy-for-countering-domestic-terrorism/> (accessed: 11.08.2024).
19. Global Terrorism Database, 1970–2020, 2020–2021 / START (National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism). — URL: <https://www.start.umd.edu/gtd> (accessed: 25.06.2024).
20. Global Terrorism Index 2015: Measuring and Understanding the Impact of Terrorism / Institute for Economics & Peace. — Sydney, 2015. — URL: <https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2023/12/GTI-2015-web.pdf> (accessed: 25.06.2024).
21. Global Terrorism Index 2024: Measuring the Impact of Terrorism / Institute for Economics & Peace. — Sydney, 2024. — URL: <https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2024/02/GTI-2024-Briefing-web.pdf> (accessed: 06.11.2024).
22. H.R.2048 — USA FREEDOM Act of 2015. — URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/2048> (accessed: 23.08.2024).
23. Members of Intelligence Community // Office of the Director of National Intelligence: website. — URL: <https://www.dni.gov/index.php/what-we-do/members-of-the-ic> (accessed: 05.11.2024).
24. Military Order of November 13, 2001. Detention, Treatment, and Trial of Certain Non-Citizens in the War Against Terrorism. — URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2001/11/16/01–28904/detention-treatment-and-trial-of-certain-non-citizens-in-the-war-against-terrorism> (accessed: 31.07.2024).
25. *Naftali T.* US Counterterrorism before Bin Laden // International Journal. — 2004–2005. — Vol. 60. — No. 1. — P. 25–34. — URL: <http://jstore.org/stable/40204017> (accessed: 26.06.2024).

26. National Strategy for Combating Terrorism. February, 2003. — URL: https://www.bing.com/cr?IG=8150AD1394F74AA6AE22852798AEB04E&CID=22743193209A61B034CC3A53213560DF&rd=1&h=xRFRzOo8XgGFM4NJlpj37_cFMibFC5stAD6GLRs8tyQ&v=1&r=https%3a%2f%2fwww.state.gov%2fdocuments%2forganization%2f60172.pdf&p=DevEx,5067.1 (accessed: 15.08.2024).
27. NationalStrategyforCombatingTerrorism. September, 2006. — URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nsct/2006/> (accessed: 20.08.2024).
28. NationalStrategyForCounterterrorism. June 28, 2011. — URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/counterterrorism_strategy.pdf (accessed: 20.08.2024).
29. National Strategy for Counterterrorism of the United States of America. October, 2018. — URL: https://www.dni.gov/files/NCTC/documents/news_documents/NSCT.pdf (accessed: 28.08.2024).
30. National Strategy For Countering Domestic Terrorism. June 2021 // The White House Website. — URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/06/National-Strategy-for-Countering-Domestic-Terrorism.pdf> (accessed: 11.08.2024).
31. *Rubin G.* Presidential Rhetoric on Terrorism Under Bush, Obama and Trump. Inflating and Calibrating the Threat After 9/11. — L.: Palgrave Macmillan, 2021. — 144 p.
32. Statement by National Security Advisor Jake Sullivan on the Biden- Harris Administration's Support for the Reauthorization of Vital Intelligence Collection Authorities // The White House. — February 28, 2023. — URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/02/28/statement-by-national-security-advisor-jake-sullivan-on-the-biden-harris-administrations-support-for-the-reauthorization-of-vital-intelligence-collection-authorities/> (accessed: 01.08.2024).
33. Taliban Take Kabul, U.S. Troops Arrive to Facilitate Departures // Department of Defense News website. — URL: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/2732900/taliban-take-kabul-us-troops-arrive-to-facilitate-departures/> (accessed: 18.07.2024).
34. The Foreign Intelligence Surveillance Act of 1978 (FISA). — URL: <https://bja.ojp.gov/program/it/privacy-civil-liberties/authorities/statutes/1286> (accessed: 01.08.2024).
35. Trump Administration on ISIS, Al Qaeda // Wilson Center website. — August 15, 2017. Updated March 1, 2018. — URL: <https://www.wilsoncenter.org/article/trump-administration-isis-al-qaeda> (accessed: 20.08.2024).
36. Uniting and Strengthening America By Providing Appropriate Tools Required To Intercept and Obstruct Terrorism (USA PATRIOT Act) Act of 2001. October 26, 2001. — URL: <https://www.congress.gov/107/plaws/publ56/PLAW-107publ56.htm> (accessed: 07.08.2024).

Левандовский Никита Владимирович,

преподаватель военного учебного центра при Московском государственном лингвистическом университете, соискатель, Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Nikita V. Levandovsky,

Lecturer of the Military Training Center at the Moscow State Linguistic University, Applicant, Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow.
E-mail: nikita-levandovs@mail.ru

РОЛЬ США В ТРАНСФОРМАЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН НАТО

US ROLE IN THE TRANSFORMATION OF THE EUROPEAN NATO COUNTRIES FOREIGN POLICY

Аннотация: статья представляет комплексное исследование военно-политических аспектов изменения внешней политики европейских стран — членов НАТО на российском направлении. В ходе исследования была проанализирована трансформация политического курса Литвы, Латвии, Эстонии, Польши, Германии и Франции в современных условиях, продемонстрирована консолидирующая роль НАТО как инструмента американского влияния. Показано, что в документах стратегического планирования рассмотренных стран — лидеров ЕС объявлен курс на открытую конфронтацию с Россией и активную милитаризацию региона. Отмечено, что структурные изменения в вооруженных силах европейских стран проводятся в соответствии со взглядами американского командования на реорганизацию ВС США. Выявлены конкретные шаги по привлечению стран — партнёров НАТО в Азиатско-Тихоокеанском регионе к реализации планов Североатлантического альянса по сдерживанию России в Европе. Делается вывод, что системное понимание изменений, происходящих во внешней политике ЕС, имеет критически важное значение для формирования взвешенного и комплексного ответа на широкий спектр угроз, которые вызваны противодействием стран коллективного Запада во главе с США процессу формирования многополярного мира.

Ключевые слова: внешняя политика ЕС, НАТО, милитаризация, политика сдерживания, прибалтийские страны, Польша, Германия, Франция, конфронтация, стратегическая провокация, военная реформа.

Abstract: the article presents the results of a comprehensive study of the military-political aspects of the change in the European NATO countries foreign policy towards Russia. The study analyzes the political course transformation of the Baltic states, Poland, Germany and France in modern conditions, shows the consolidating role of NATO as an instrument of American influence. It establishes that the strategic planning documents of the reviewed EU leading states declare a course for open confrontation with Russia and active militarization of the region. The author notes that the structural changes in the armed forces of European countries are carried out in accordance with the views of the American command on the reorganization of the US Armed Forces. The author highlights the specific steps of the US to engage NATO partners in

the Asia-Pacific region in implementation of the North Atlantic Alliance plans to contain Russia in Europe. It is concluded that a systematic understanding of the changes taking place in the EU's foreign policy is critically important for the formation of the balanced and comprehensive response to a wide range of threats caused by the counteraction of the US-led collective West to the process of forming a multipolar world.

Key words: EU foreign policy, NATO, militarization, containment policy, Baltic states, Poland, Germany, France, confrontation, strategic provocation, military reform.

Введение

Стремительная смена курса внешней политики Европейского союза (ЕС) имеет под собой глубокие исторические корни, обусловленные многолетним вмешательством США в дела европейских государств, идущим вразрез с глубинными интересами населения Европы и первоначальной целью создания ЕС. Геополитическая обстановка лишь за последние годы характеризуется стремительным развитием, а специальная военная операция по демилитаризации и денацификации Украины (СВО) стала своего рода катализатором большого количества давно назревших изменений в системе международных отношений. В условиях исчерпания западной модели капитализма и намерения нанести России стратегическое поражение, дестабилизировав социально-политическую обстановку в стране с целью смены власти, последующего расчленения Российского государства и ядерного разоружения, коллективный Запад сделал ставку на увеличение роли фактора силы в международных отношениях [8]. Ключевой чертой трансформации внешней политики ЕС стала милитаризация.

Рассматривая изменения внешней политики Евросоюза на российском направлении с точки зрения системного подхода, исторического и сравнительного анализа, а также политической герменевтики, мы сосредоточились на изучении действий Германии и Франции как политических и экономических лидеров объединённой Европы, Польши как проводника интересов США и штаба НАТО, замыкающего на себя управление военными ресурсами Североатлантического альянса (НАТО) на востоке Европы, а также прибалтийских стран как основоположников формирования антироссийского дискурса в институтах ЕС.

Ещё в 1996 году российский философ и политолог А.С. Панарин высказал точку зрения, прошедшую испытание временем — в начале 90-х годов XX века Россия лишилась иллюзии

относительно возможности стратегического партнёрства с США и ЕС. Он спрогнозировал, что активное отстаивание национальных интересов приведёт Россию к тому, что коллективный Запад вернётся к дискурсу российского империализма, а выбор движения в русле западных «правил» приведёт страну к упадку экономики. По его мнению, верно было бы ориентироваться на сотрудничество со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), которые смогли адаптировать сильные стороны западных ценностей под свои нужды [18, с. 1–2]. Профессор П.А. Цыганков отмечал, что окончание холодной войны впервые в современной истории дало возможность создать новый европейский порядок, но реализация этого проекта столкнулась с желанием Европы построить европейскую архитектуру безопасности на базе европоцентричного подхода с изоляцией России под предлогом её слабой европейской идентичности, что противоречило реальности в глазах российской общественности [18, с. 2–3]. Чрезвычайный и Полномочный Посол Ю.Н. Рахманинов так же отмечал, что формирование новой идентичности НАТО направлено на поиск внешних угроз и вызвано желанием распространить геополитическое влияние на страны Восточной Европы, ранее связанные с Советским Союзом (СССР), новых гарантированных рынков сбыта для представителей американского военно-промышленного комплекса (ВПК) [18, с. 5].

Эти точки зрения были научно обоснованы во многих работах отечественных исследователей, где проанализированы исторические предпосылки вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации, дан прогноз развития взаимоотношений России и Запада на краткосрочную и среднесрочную перспективы [5; 6; 15; 17; 24].

Комплексный анализ изменений, происходящих в современной внешней политике и военном строительстве стран — членов ЕС, представляет собой научную новизну, способствует формированию взвешенного и всестороннего ответа на широкий спектр угроз, которые влечёт за собой противодействие стран коллективного Запада во главе с США процессу формирования многополярного мира.

Милитаризация прибалтийских стран и их роль в формировании антироссийских настроений ЕС

Одна из иллюзий, с которой пришлось расстаться новой России, была связана с надеждой на то, что Прибалтика станет связующим звеном между Россией и Европой ввиду своего географического положения, синтеза советского прошлого и тяги к демократическим ценностям. Однако уже в начале 90-х годов прошлого века внутренняя политика Латвии и Эстонии ознаменовалась русофобскими гонениями на русскоязычное население и лишением их гражданства. В 1992 году Литва приняла «Конституционный акт о неприсоединении к постсоветским восточным союзам» [13], запретив таким образом на уровне Основного закона страны любые союзы с Россией.

Внешнеполитический дискурс прибалтийских стран после распада СССР формируется по четырём ключевым направлениям.

1. Фальсификация истории. Продвижение идей о том, что Вторая мировая война началась вследствие подписания Договора о ненападении между СССР и Германией в августе 1939 года (при отсутствии каких-либо упоминаний о том, что многие европейские страны сделали это гораздо раньше), и об оккупации Прибалтики после её окончания.

После вступления в ЕС в 2004 году Латвия, Литва и Эстония стали использовать площадки Евросоюза, прежде всего Европарламент, для формирования антикоммунистического общественного мнения. Им удалось добиться принятия деклараций, направленных на пересмотр итогов Второй мировой войны, приравнивание коммунизма к нацизму, а также на искажённое восприятие фактов мировой истории.

Высшей точкой данного направления на сегодняшний день стала Резолюция Европарламента от 19 сентября 2019 г. «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» [33], в которой на СССР возлагается ответственность за начало Второй мировой войны, отмечается важность включения такого взгляда на историю в учебную программу европейских школ. Отдельно подчёркивается, что Россия является главной жертвой коммунизма, а положительное отношение к советскому прошлому препятствует развитию демократического строя и вхождению в круг «истинных» демократий мира.

Делу фальсификации истории способствует также запрет советской символики и героизация нацизма в прибалтийских государствах, которые не подвергаются серьёзному осуждению в ЕС.

2. *Обучение российской несистемной оппозиции.* В течение многих лет прибалтийские страны проводят такие мероприятия, как «Форум свободной России», где формируется линия поведения российской несистемной оппозиции. Финансирование подобных мероприятий тесно связано с работой иностранных некоммерческих организаций (например, фонда Сороса, деятельность которого запрещена в России). Кроме этого события на Украине позволили прибалтийским элитам найти новые рычаги давления на пророссийскую оппозицию и русскоязычное национальное меньшинство.

3. *Нагнетание страха энергозависимости от России.* Формирование идеи о желании России использовать энергетические ресурсы как оружие против Евросоюза впервые появилось ещё в период строительства газопровода «Северный поток – 1», однако не нашло поддержки европейских властей. Объективно поставка энергоресурсов из России в ЕС представляла собой взаимовыгодный и предсказуемый торговый проект.

Дискурс, направленный на разжигание антироссийской истерии в энергетической сфере, разгорелся с новой силой в 2016 году, когда Прибалтика выступила против строительства нового газопровода «Северный поток – 2». Противодействие реализации проекта принесло финансовые потери Латвии, которая отказалась от использования порта Вентспилс в качестве одного из портов стран ЕС, задействованных в строительстве газопровода. Внятного объяснения такой политики латвийские предприниматели от своего правительства не получили.

Судебные процессы над оппозиционером А. Навальным прибалтийские страны пытались использовать для введения санкций против строительства газопровода «Северный поток – 2». Таким образом, Прибалтика выступала проводником интересов США, которые стремились поставлять в Европу свой сжиженный природный газ (СПГ) и вытеснить с этого рынка конкурентов при помощи политического и санкционного давления.

4. *Формирование образа России как страны-агрессора.* Прибалтийские государства периодически высказываются о необ-

ходимости расторгнуть основополагающий акт Россия — НАТО, называя себя ближайшим рубежом обороны альянса на его восточных границах. Фактически многие положения Акта и так давно не действуют. Кроме того, Прибалтика активно выступала против действий России в рамках миротворческой операции по принуждению Грузии к миру в 2008 году и военной операции в Сирии, поддерживала государственный переворот на Украине и протестное движение в Белоруссии в 2020 году.

Формируя антироссийский дискурс во внешнеполитической повестке ЕС и играя на психологическом страхе малых народов перед поглощением большим государством, страны Прибалтики реализуют американские внешнеполитические интересы по повышению конфликтогенного потенциала на постсоветском пространстве через Организацию Североатлантического договора. В целях усиления периферии альянса на саммите НАТО в Варшаве в 2016 году было принято решение о реализации программы передового присутствия НАТО на северо-востоке и юго-востоке Североатлантического альянса, которая подразумевала формирование четырёх многонациональных батальонных боевых групп в Латвии, Литве, Эстонии и Польше, возглавляемых Канадой, Германией, Великобританией и США соответственно. После начала СВО страны альянса приняли решение создать четыре дополнительные многонациональные боевые группы в Болгарии, Венгрии, Румынии и Словакии. Таким образом, их общее количество достигло восьми, а численность войск на местах увеличилась в 2 раза. В результате расширилось передовое присутствие НАТО вдоль восточного фланга альянса — от Балтийского моря на севере до Черного моря на юге [3]. На саммите НАТО в Мадриде в 2022 году было принято решение усилить сформированные боевые группы дополнительными батальонами или бригадами по необходимости. Структура боевых групп неоднородна и определяется пропорционально взглядам командования НАТО на потенциальные угрозы для конкретной страны Восточной Европы. При этом подчёркивается, что программа передового присутствия якобы имеет исключительно оборонительный характер и соответствует международным обязательствам альянса, символизируя единство и солидарность союзников. Управление боевыми группами в Прибалтике и Польше осуществляет штаб

Многонационального корпуса «Северо-Восток» в польском городе Щецин. Кроме того, многие мероприятия по военной линии, проводимые странами – членами альянса на национальном уровне, так же способствуют координации взаимодействия для укрепления оборонительных рубежей на восточном фланге НАТО.

Однако и это прибалтийским странам кажется недостаточным. Так, Литва добилась от командования бундесвера решения о размещении 41-й мотопехотной бригады 1-й танковой дивизии на территории страны и ряде других мер в сфере противовоздушной обороны, которые имеют критическое значение для стран Прибалтики, на вооружении которых нет истребителей. 18 декабря 2023 года министры обороны двух стран приняли историческое решение, утвердив план действий по размещению бригады (4800 военнослужащих и 200 гражданских служащих). 13 сентября 2024 года министр обороны Литвы Л. Кашюнас (назначен на должность 25 марта 2024 г.) и его немецкий коллега Б. Писториус, а также заместитель министра иностранных дел Литвы Й. Сурвила и государственный министр в МИД ФРГ Т. Линднер подписали межправительственное соглашение о дислокации бригады [35]. Сейм Литвы ратифицировал его 26 сентября 2024 года.

Переброску войск планируется осуществлять постепенно – с 2024 по 2027 год. Б. Писториус отметил, что срок создания дорожной карты составил всего шесть месяцев с момента решения командования НАТО об усилении восточных флангов альянса, что является большим достижением и показателем, что в Германии понимают новые «реалии политики безопасности», посылая «чёткий сигнал тем, кто представляет угрозу миру и безопасности в Европе» [47]. Таким образом, впервые со времен Второй мировой войны немецкие солдаты будут дислоцированы за границей на постоянной основе.

Отдельное направление в сфере военного строительства для прибалтийских стран – совершенствование структуры вооружённых сил (ВС). Так, 8 мая 2023 года Государственный совет обороны Литвы утвердил решение о формировании дивизии в составе сухопутных войск (СВ) на базе существующих бригад. По мнению министра обороны Литвы А. Анушаускаса, такое решение принято на основе оценки угрозы, исходящей от России,

и соответствует региональному планированию НАТО, получая полное одобрение альянса. Создание нового соединения потребует закупки танков, которых в настоящее время нет на вооружении не только у ВС Литвы, но и у других прибалтийских стран, а также увеличения численности личного состава и интенсивности его подготовки. Планируется, что дивизия будет полностью готова к ведению боевых действий к 2030 году, перейдёт под командование НАТО и объединит в себе существующие бригады «Железный волк», «Грифон» и кадрированную пехотную бригаду «Аукштайтис», а также иные подразделения из состава военно-воздушных сил (ВВС) и сил специального назначения.

Изменение структуры ВС в 2022 году началось и в Эстонии. В соответствии с решением о реорганизации СВ Эстонии, принятом на саммите НАТО в Мадриде, правительство страны уже в декабре 2022 года сформировало Эстонскую дивизию СВ, в которую вошли 1-я и 2-я пехотные бригады, штаб и батальон связи, а также артиллерийский дивизион СВ Эстонии. Кроме того, в состав соединения входит бригада ВС Великобритании. Помощь в подготовке и обучении личного состава будут оказывать британские и американские специалисты. Дивизия после её формирования передана под командование Многонационального корпуса «Северо-Восток» в составе НАТО.

По официальным заявлениям литовского и эстонского военного руководства, их дивизии являются соединениями военного времени и постоянно действующими формированиями ВС, основной задачей которых является планирование и проведение военных операций [31; 32].

Изменение военной политики потребовало также увеличения численности личного состава ВС и изменений в структуре комплектования. В 2015 году Литва, ссылаясь на вмешательство России во внутреннюю политику Украины, возобновила отмененный в 2008 году призыв на срочную службу в армию. Изначально власти страны говорили, что это временная мера сроком на пять лет, направленная на подготовку мобилизационного резерва в контексте потенциальной российской угрозы. Тем самым власти пытались найти баланс между военными амбициями политических элит, демографическим, эмиграционным кризисами в стране и нежеланием населения служить в армии. Однако затем парла-

мент принял решение, что призыв будет постоянным. В начале 2023 года министр обороны Литвы заявил, что в период с 2024 по 2027 год планируется постепенно увеличить численность военнослужащих срочной службы до 5 тысяч человек и сократить её срок с 9 до 6 месяцев, чтобы добиться увеличения количества потенциальных резервистов. Половину призванных после 6 месяцев службы планируется зачислять в резерв. Предполагается, что вторая половина будет изъявлять желание проходить службу в войсках ещё 3 месяца в качестве контрактников. Эти лица будут проходить обучение по программе подготовки младших командиров с последующим увольнением. Реформа ожидает одобрения парламента во втором чтении. В целом бюджет Литвы на 2024 год предполагает траты на оборону в размере 2,7% ВВП. В ближайшие 10 лет правительство намерено выделить рекордные 23 млрд евро на военные расходы. Для их покрытия планируется ввести новый оборонный налог [12].

Аналогичные процессы происходят и в Латвии, где призыв на военную службу отменили в 2007 году. В апреле 2023 года парламент поддержал возврат к всеобщей воинской повинности для мужчин в возрасте от 18 до 27 лет. Количество призывников будет постепенно увеличиваться в период с 2023 по 2027 год.

Среди государств Прибалтики Эстония смогла адаптировать свои ВС к интересам НАТО быстрее всего. Одним из факторов, способствовавшим этому, является то, что страна не переходила на полностью контрактный способ комплектования ВС. Переход к дивизионной структуре СВ отвечает тенденциям, происходящим в структуре ВС главного члена НАТО в лице США, и направлен на облегчение руководства войсками в условиях ведения боевых действий с учётом роста конфликтного потенциала в Европе. При этом необходимо отметить, что наименования национальных прибалтийских дивизий в составе НАТО ассоциируются с названиями соединений СС времён Великой Отечественной войны, сформированных нацистами на оккупированных территориях из местных жителей.

Формирование дискурса российской угрозы и создание имиджа прифронтовых государств позволяет странам Балтии привлекать денежные средства по линии НАТО для строительства новых и модернизации существующих объектов военной

и гражданской инфраструктуры в целях усиления возможностей альянса по переброске войск в случае возникновения в регионе вооруженного конфликта. Руководство НАТО видит развитие военной инфраструктуры Прибалтики важным элементом стратегического сдерживания Российской Федерации.

Польша на пути к формированию сильнейших сухопутных войск в Европе

Современная Польша представляет собой уникальное монациональное государство-лимитроф и одновременно важного союзника США, правящие элиты которого одержимы реваншистскими амбициями, чьи корни уходят глубоко в историю. Польские власти на фундаменте избирательной интерпретации исторических событий и разжигания стереотипной русофобии культивируют реваншистскую так называемую историческую политику, являющуюся прямым продолжением российско-польского геополитического соперничества, начавшегося ещё в XVII веке.

Кузницей антироссийской политической элиты страны, способной построить польское государство, свободное от коммунистического прошлого и российского империализма, является партия «Право и справедливость» (ПиС). До парламентских выборов 2023 года в течение многих лет её члены занимали ключевые руководящие посты государства, однако антироссийские настроения остаются важнейшей составляющей внешней политики независимо от распределения голосов избирателей.

По сути, польские власти по-новому интерпретируют идеи публицистов Е. Гедройца и Ю. Мерошевского о том, что Россия не является ближайшим соседом Польши, а между ними находятся реальные географические соседи в лице Украины, Литвы и Белоруссии. Эта интерпретация выражается в поддержке местного национализма прибалтийских стран, их внешнеполитической стратегии по фальсификации истории и продвижению интересов НАТО в рамках американской политики сдерживания России.

В дополнение к этим усилиям и на фоне СВО Польша взяла также курс на дальнейшую милитаризацию страны. Её основы были отражены ещё в Концепции обороны Польши [51] от 13 июня 2017 года, где Россия обвиняется в попытках создать новый мировой порядок, основанный на «концерте дер-

жав». В документе отмечается, что «масштаб угроз, возникших вследствие агрессивной политики России в прошлом, не получал должной оценки».

«Должная оценка» в сентябре 2017 года стала следствием решения сформировать в г. Седльце 18-ю механизированную дивизию, получившую наименование «железной». Такое название является отсылкой к 18-й пехотной дивизии, которая принимала участие и отличилась в ходе Советско-польской войны 1919–1921 годов, участвовала в наступлении на Киев и в Варшавской битве с Красной Армией. 18-я механизированная дивизия стала четвёртой и самой мощной дивизией в структуре СВ ВС Польши¹.

В июне 2022 года министр обороны Польши М. Блащак озвучил планы создать ещё две дивизии. В целях их реализации 9 января 2023 года М. Блащак объявил о создании 1-й дивизии пехоты легионов им. маршала Юзефа Пилсудского, предназначением которой будет также укрепление восточных регионов Польши и НАТО. Она стала пятой в структуре польских СВ. Своё название дивизия получила в честь 1-й дивизии пехоты легионов Юзефа Пилсудского, существовавшей во времена Второй Речи Посполитой в 1919–1939 годах. Ю.М. Зверев отмечает, что если разобраться в исторических отсылках военно-политического руководства Польши, то выяснится, что «в традициях новой дивизии есть практически всё, что отвечает нынешним польским национальным мифам. Тут и сражения против русских и немцев, борьба с коммунистами-большевиками, участие в занятии городов в “восточных кресах”, которые Польша надеется и планирует вернуть» [10].

В 2023 году были подтверждены также планы [43] по увеличению численности ВС Польши со 164 тысяч военнослужащих до 300 тысяч, из которых 50 тысяч будут составлять войска территориальной обороны (аналог войск национальной гвардии). Но и это не предел, так как, по словам основателя и председателя партии ПиС Я. Качиньского, число военнослужащих будет увеличено до 400 тысяч [52].

Польское военно-политическое руководство намерено к 2025 году сделать свои СВ сильнейшими в Европе. Силу предполагается измерять количеством закупок новой военной тех-

¹ Подробнее о наращивании ВС Польши вблизи российских границ см.: [9].

ники. В мае–июне 2023 года польские ВС получили первые американские танки Abrams и реактивные системы залпового огня (РСЗО) HIMARS, заказанные у США в 2019 году. Польские военнослужащие уже обучены их эксплуатации.

В ходе визита в США в мае 2023 года министр обороны Польши М. Блащак анонсировал закупку ещё одной партии РСЗО HIMARS в количестве 500 единиц, которые планируется размещать на колёсном шасси польского производителя Jelcz. Планируется, что техника поступит на вооружение 18-й механизированной дивизии.

Также Польша планирует закупить 96 ударных вертолётов AH-64 Apache, а США по своей инициативе заранее предоставят польским военным несколько единиц техники для подготовки лётного состава ВВС.

Вместе с тем предполагается, что в Польше будет создана необходимая инфраструктура по производству и обслуживанию РСЗО HIMARS. Республика хочет стать центром производства и обслуживания этих систем для других стран ЕС. Аналогичный проект касается создания центра производства и ремонта американских танков Abrams. Кроме того, Варшава хочет организовать на своей территории производство печально известных снарядов с обеднённым ураном для этих танков. Подобные боеприпасы использовались итальянскими военными в ходе агрессии НАТО в Югославии и американскими военными во время вторжения в Ирак. Их применение в ходе боевых действий считается основной причиной, по которой Сербия занимает 1-е место среди европейских стран по количеству онкологических заболеваний. По данным Министерства здравоохранения Сербии, показатели смертности для мужчин и женщин из расчета на 100 тысяч человек вдвое превышают среднеевропейские показатели [7].

Кроме того, Польша намерена стать первым иностранным государством, которое получит американские высокоточные крылатые ракеты класса «воздух — поверхность» JASSM-XR (Joint Air-to-Surface Standoff Missile Extreme Range (AGM-158B-2)). Это третья, самая современная версия крылатых ракет AGM-158 JASSM, выпускаемых концерном «Lockheed Martin». Работы по их созданию начались в 2018 году, а отличительной особенностью является увеличенная дальность действия, составляющая

1800 км. Запуск таких ракет может производиться с истребителей F-16 и F-35 Lightning II. Контракт на поставку 32 последних для замены российских МиГ-29 и Су-22 был подписан в 2021 году, поставка первых самолётов планируется уже в текущем году. Их предполагается разместить на авиабазе в г. Свидвине.

Помимо закупок американского вооружения Польша стремится к определённой диверсификации поставок и ещё одному шагу в развитии национального ВПК: взамен танков Т-72М и Т-72М1, а также самоходных артиллерийских установок (САУ) 2С1 «Гвоздика» российского производства, направленных на Украину, Польша оформила заказ на поставку 180 южнокорейских танков K2 Black Panther и 212 САУ K9 Thunder. В дополнение к этому Польша достигла соглашения о создании консорциума между Польским оборонным холдингом и южнокорейской компанией «Hyundai Rotem», который займётся производством танков под индексом K2PL в Польской Республике для нужд государства и на экспорт в другие страны Североатлантического альянса. Планируется, что в ближайшие годы в рамках продолжения курса на милитаризацию восточного фланга НАТО ВС Польши получат ещё 800 единиц корейской техники польского производства. Весной 2024 года южнокорейские СМИ сообщили, что Польша заказала дополнительные 820 танков и интерес к ним высок [37].

Таким образом, Польша намерена не только сформировать сильнейшие СВ в Европе, но и сконцентрировать ударный бронетанковый потенциал НАТО у западных границ России.

Важным представляется также необходимость проанализировать взаимоотношения Польши с Финляндией как с новым членом НАТО. В целом Финляндия ещё в 2014 году начала модернизацию своих вооружённых сил, а в 2015 году начала формировать силы быстрого реагирования. В Докладе правительства по обороне, опубликованном в 2021 году, говорится, что «Россия стремится укрепить свои позиции и ослабить единство западных игроков. Она по-прежнему стремится к режиму безопасности в Европе, основанному на сфере влияния», а «применение военной силы остаётся центральным инструментом для России» [36]. Финское правительство считает, что российская армия, значительно нарастила боевые возможности за последние годы, способна принимать быстрые решения и совершать

неожиданные действия, а в качестве методов достижения своих целей использует затягивание конфликтов. Формирование такого дискурса в обществе использовалось как один из аргументов Хельсинки для вступления в НАТО. В целом же Республика тесно сотрудничала с альянсом и ранее, с 1994 года являлась участником программы «Партнерство ради мира», а в 1997 году вступила в Совет евроатлантического партнерства.

В ноябре 2023 года в Варшаве состоялись переговоры президентов Польши и Финляндии А. Дуды и С. Ниинистё, по итогам которых было объявлено, что страны будут сотрудничать в сферах охраны границ и отражения возможной гибридной атаки со стороны России. Для этого Польша направит в Финляндию военных советников и будет оказывать иную помощь [21]. Отмечается, что новый член альянса резко повысил военную активность у российских границ и быстро интегрировался в систему его боевой подготовки [22].

Важной представляется также инициатива глав министерств внутренних дел Литвы, Латвии, Эстонии, Польши, Финляндии и Норвегии по созданию «стены из дронов» вдоль границы с Россией [39]. Концепция беспилотной стены предполагает построение интегрированной системы, в которой тысячи беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) и передовые технологии используются совместно с традиционной пограничной физической инфраструктурой и системами наблюдения. Идея заключается в формировании комплексного защитного механизма, усиливающего возможность реагировать на различные угрозы безопасности. Благодаря использованию БПЛА будет обеспечено патрулирование границы и мониторинг обширной территории в пограничной зоне в режиме реального времени через непрерывный обзор с воздуха, что позволит ускорить время реагирования и значительно повысит меры европейской пограничной безопасности. Система будет обладать высоким уровнем автономности, использовать технологии искусственного интеллекта для обработки данных и принятия оперативных решений.

Так как Польша замыкает на себе управление вооружёнными силами стран Прибалтики в рамках Многонационального корпуса альянса «Северо-Восток», а также учитывая наметившееся военное сотрудничество с Финляндией, мы делаем вывод о том,

что финские воинские формирования будут включены в состав данного корпуса в ближайшее время. Это косвенно подтверждает посещение командующим сухопутными войсками Финляндии штаба соединения в г. Щецин 23 августа 2023 года и высказанное желание его командования выстроить тесное взаимодействие с новым членом альянса в ближайшем будущем [35].

В сентябре 2024 года в официальных шведских и финских источниках появилась информация о том, что, исходя из военных интересов, НАТО планирует разместить в Финляндии штаб СВ альянса в Северной Европе. В мирное время он будет осуществлять руководство деятельностью СВ НАТО в регионе при ведущей роли Командования объединёнными вооружёнными силами НАТО в Норфолке (США), а в кризисной ситуации – координировать действия наземных формирований. Также на севере страны будет располагаться штаб передовых сухопутных сил (Forward Land Forces — FLF¹) военного блока. Во главе обеих структур будут находиться шведские военнослужащие [4], а финские подразделения могли бы сосредоточиться на обороне прибалтийских стран [42]. Конкретный график создания новых структур планируется обнародовать в 2025 году.

Продолжающаяся реформа бундесвера

Как и в случае с прибалтийскими странами и Польшей, реализация сдерживания России в рамках НАТО требует значительных инвестиций в немецкую обороноспособность. 27 февраля 2022 года, спустя всего 4 дня после начала СВО, на экстренном заседании бундестага немецкий канцлер объявил о поставках вооружения на Украину и создании специального фонда в размере 100 млрд евро в целях укрепления ВС Германии. Трудно представить, что планируемый объём закупок, а затем и последовавшую реорганизацию ВС ФРГ можно было детально продумать за столь короткий срок.

Решение назревших проблем ВС потребовало смены руководства бундесвера, которое продолжается до сих пор. Аудит военного ведомства, проведённый по приказу министра оборо-

---

¹ Передовые сухопутные силы являются частью программы расширенного передового присутствия НАТО и направлены на сдерживание России и оборону восточных границ альянса посредством размещения дополнительных многонациональных батальонных боевых групп. К участию в их составе привлечены Швеция и Финляндия. Подробнее см.: [50].

ны Б. Писториуса, привёл к изменению структуры бундесвера. 1 апреля 2023 года началась реорганизация СВ ВС ФРГ. Основные изменения в структуре немецких дивизий касаются бригадного звена. Предполагается, что СВ будут иметь в своем составе бригады трех видов: легкие (аэромобильные), средние (моторизованные) и тяжелые (механизированные) (табл. 1). Такая структура представляет собой аналог американских боевых бригад (brigade combat team).

Согласно материалам открытых немецкоязычных источников, планируется постепенно провести переподчинение отдельных бригад и батальонов с учетом их задействования в различных операциях и миссиях.

Таблица 1

Категории боевых бригад СВ ВС ФРГ¹

Характеристики	Типы бригад		
	легкие (аэромобильные)	средние (моторизованные)	тяжелые (механизированные)
Степень защиты	Низкая	Высокая	Наивысшая
Способ перевозки	Воздушным транспортом	Самостоятельно, с использованием колесной техники	Большегрузным и железнодорожным транспортом
Предназначение	Ведение боя с пехотой противника	Ведение боя как с пехотными, так и с механизированными подразделениями противника	Ведение боя с механизированными подразделениями противника

Один из сценариев, при котором могут быть задействованы новые средние (моторизованные) бригады — боевые действия в Сувалкском коридоре, представляющем собой кратчайший путь из Калининградской области в Республику Беларусь. Стратегическая важность Сувалкского коридора заключается в том, что он является единственной сухопутной транспортной артерией между тремя странами Прибалтики и другими европейскими странами НАТО. В альянсе опасаются, что Россия и Беларусь могут первыми начать боевые действия, занять Сувалкский коридор и тем

¹ Составлено по: [41; 54].

самым заблокировать литовско-польскую границу, изолировав трех союзников НАТО от остальных сил альянса, делая невозможным прибытие подкреплений по суше, в то время как переброску войск по морю и воздуху затруднили бы российские зенитные ракетные системы в Калининградской области [11]. С этим связано приоритетное усиление Литвы силами НАТО, так как общая протяжённость границы составляет около тысячи километров.

30 апреля 2024 года министр обороны ФРГ Б. Писториус подписал «Оснабрякский указ», который регулирует порядок реорганизации органов управления бундесвера и изменение его организационной структуры, начавшиеся 1 мая. Изменение структуры бундесвера продолжает процесс изменений ВС ФРГ, которые уже полностью включили в свой состав СВ ВС Нидерландов. Войска защиты кибер- и информационного пространства, имевшие ранее статус военной организационной составляющей, становятся видом вооружённых сил наряду с СВ, ВВС и военноморскими силами. Объединенные силы обеспечения и медико-санитарная служба также перестанут быть самостоятельными организационными составляющими и будут объединены в единую структуру, состоящую из центральной медико-санитарной службы, войск материально-технического обеспечения, военной полиции, войск радиационной, химической и биологической защиты, подразделений военно-гражданского сотрудничества и др. Происходящие изменения в структуре бундесвера, направленные на преобразование Германии в основу сдерживания и коллективной обороны НАТО в Европе, ещё предстоит внимательно проанализировать с точки зрения новых вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации [28].

Численность личного состава бундесвера планируется увеличить со 183 тысяч до 203 тысяч человек, тем самым достигнув численного паритета с ВС Франции, что приведёт к созданию новых формирований в структуре ВС и потребует увеличения военных расходов. Первоначальным сроком увеличения численности личного состава был обозначен 2025 год, позднее он был продлён до 2031 года, так как Германия испытывает проблемы как с производством военной техники, так и с привлечением кандидатов на военную службу. Дискуссия о необходимости возвращения призывной службы, приостановленной

1 июля 2011 года, ведётся уже давно. Ещё в 2020 году уполномоченная бундестага по делам военнослужащих Е. Хёгль (Социал-демократическая партия Германии) призвала критически проанализировать решение об отказе от всеобщей воинской повинности, назвав его «огромной ошибкой» [1]. Уже в 2023 году аналогичную точку зрения высказал Б. Писториус [25], который подчеркнул, что как министр обороны он рассматривает различные варианты возврата призыва [46], в том числе возможность призыва лиц, постоянно проживающих в Германии, но не имеющих немецкого гражданства. В целом министр получил от своих подчинённых 65 конкретных предложений на тему преобразования бундесвера [2].

Все действия по пути милитаризации соответствуют курсу, заданному канцлером Германии О. Шольцем в программной статье «Глобальный поворот» [49], опубликованной 5 декабря 2022 года в журнале «Foreign Affairs», который предполагает, что Германия станет одним из главных гарантов безопасности в Европе, будет инвестировать в ВС, укреплять европейскую оборонную промышленность и увеличивать военное присутствие на восточном фланге НАТО. В целях реализации лидерских амбиций Германия стала основоположником инициативы «Европейский небесный щит» (European Sky Shield Initiative) по созданию единой системы противовоздушной и противоракетной обороны, участниками которой по состоянию на ноябрь 2024 года являются уже 22 европейских государства.

Партнерство Германии и Франции по реализации общеевропейских инициатив

В контексте возникшей неопределённости в преддверии выборов президента США в 2024 году и возможного избрания Д. Трампа немецкие политики стали обращаться к теме формирования собственных ядерных сил ЕС, важная роль в создании которых должна отводиться Франции. Ядерная составляющая может стать важной частью фундамента будущих объединённых ВС Евросоюза на пути к гипотетической реализации концепции стратегической автономии [27].

В начале своего президентского пути Э. Макрон позиционировал себя «сторонником углубления интеграции в ЕС и превра-

щения последнего в самостоятельный полюс силы перед лицом Китая, России и США, не отказывающийся от трансатлантических связей» [23]. Осознавая невозможность достигнуть единоличного лидерства в ЕС, он следует в русле общеевропейских тенденций. Одно из важных обещаний первой предвыборной кампании Э. Макрона было связано с возвратом срочной службы в ВС, приостановленной в 1996 году [29]. Решение этого вопроса приняло достаточно витиеватый вид в форме добровольной трёхэтапной программы привлечения молодёжи в возрасте от 15 до 17 лет к потенциальному прохождению государственной службы и осуществлению общественно полезной деятельности в целом, получившей название «Универсальная национальная служба» (*Service national universel*) [38]. С 2026 года эта программа должна стать обязательной. Её прохождение будет необходимым условием для допуска к выпускным школьным экзаменам или экзамену на водительские права [44].

В обновлённом Национальном стратегическом обзоре [40] (французской версии Стратегии национальной безопасности), опубликованном 9 ноября 2022 года, говорится, что он является продолжением и дополнением первой военной стратегии ЕС «Стратегический компас» [26] и Стратегической концепции НАТО 2022 года [20]. В документе Франция признаёт Североатлантический альянс важнейшей основой коллективной безопасности Европы. Кроме того, в документе подчёркивается, что отношения с Россией перешли от скрытой конкуренции к открытой конфронтации. Отмечается, что в целях ведения возможного конфликта высокой интенсивности разрабатывается план постепенной и гибкой адаптации ВПК к различным геополитическим условиям, а Франция видит свою задачу в том, чтобы к 2030 году стать образцовым союзником членов НАТО в Евroatлантике.

Таким образом, можно сделать вывод, что в целом Франция полностью разделила американское видение задач блока, а также высказала желание играть ключевую роль в защите Европы и укреплять восточные рубежи альянса.

Говоря о взаимоотношениях Франции и Германии как двух ведущих государств ЕС, необходимо отметить, что, несмотря на множественные расхождения во взглядах на дальнейшее раз-

вите ЕС, эти страны демонстрируют способность находить компромиссы.

В совместной Немецко-французской декларации, принятой 22 января 2023 года, лидеры двух стран заявили о приверженности укреплению ЕС, обозначили вызовы, стоящие перед Европой в будущем, подтвердили двустороннюю дружбу, а также восприятие своих стран в качестве «двигателя, питающего всю Европу» [30].

В Декларации подтверждается верность целям НАТО – блок признаётся основой евроатлантической безопасности. Констатируется, что расширение ЕС за счёт Молдовы и Грузии будет осуществляться через реализацию инициатив Восточного партнёрства, подтверждается также приверженность перспективе вступления в ЕС государств Западных Балкан. Процесс их подготовки к вступлению в объединение должен идти одновременно с реформированием европейских институтов на основе консенсуса между всеми его членами. Запланировано улучшение координации деятельности по защите объектов критической инфраструктуры, поддержание взаимодействия в сферах кибербезопасности и космоса, включая военные составляющие. Один из приоритетов — принятие и реализация Европейской космической стратегии безопасности и обороны.

Согласно документу важным аспектом усиления НАТО является укрепление оборонного потенциала ЕС. Обозначено намерение связать стратегии национальной безопасности и обороны двух стран. В Декларации выражено также удовлетворение развитием совместных программ разработки основного боевого танка нового поколения под названием «Основная наземная боевая система» (Main Ground Combat System — MGCS) и истребителя шестого поколения под названием «Перспективная авиационная боевая система» (Future Combat Air System — FCAS).

Таким образом, можно констатировать начало новой вехи в развитии франко-немецких отношений после смены немецкого политического руководства, несмотря на наличие разногласий по таким вопросам военного строительства, как разработка «Перспективной системы противовоздушной обороны» (Future Air Defense System), где обе страны лоббируют интересы своих ВПК.

Заключение

В результате анализа трансформации внешней политики ряда стран — членов ЕС, входящих в НАТО, можно резюмировать, что, используя институциональное превосходство НАТО над ЕС, США удалось умело использовать отсутствие субъектности Евросоюза на мировой арене, страхи восточноевропейских стран и их склонность к историческому реваншизму в целях усиления атлантизма во внешней политике Европы.

Деятельность ЕС исторически была направлена на балансирование между сотрудничеством с Россией и её сдерживанием. В рамках восточного направления европейской политики ЕС стремился привязать к себе бывшие социалистические государства и страны (шесть государств — участников Содружества Независимых Государств (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Украина и Молдавия)), поощрить центробежные тенденции на постсоветском пространстве с целью позволить НАТО вести продвижение на восток и создавать очаги напряжённости в бывших советских республиках через программы Европейской политики соседства и Восточного партнёрства.

Успешной для США стала реализация стратегической провокации под названием «Украина», «была сделана ставка на военно-политическую экспансию по всему периметру границ российского государства, использование нацистского режима Украины при ведении необъявленной войны против России» [14, с. 354]. Давление НАТО на ЕС привело к признанию европейскими политическими элитами (подчас прямо управляемыми из-за океана — стоит вспомнить хотя бы невнятную реакцию ФРГ на информацию о прослушивании телефона А. Меркель американскими спецслужбами [19]) руководящей роли США и подкреплению своей лояльности практическими действиями по неукоснительному следованию в фарватере американской внешней политики. Такими действиями стали милитаризация ЕС и поставки военной техники для вооружённых сил Украины (ВСУ), заблаговременная подготовка украинских военнослужащих по стандартам НАТО. Для устранения возможных колебаний США реализовали ещё одну стратегическую провокацию под названием «Подрыв газопроводов “Северный поток”», лишив страны — лидеры ЕС возможности вернуться к взаи-

мовыгодному сотрудничеству с Россией в энергетической сфере. Как итог — заявление министра обороны ФРГ Б. Писториуса на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2023 года о том, что «безопасность стран Балтии и Польши и безопасность всех союзников — это также безопасность Германии», а более сильная Европа нужна для более сильного НАТО [45], что является яркой иллюстрацией изменения взгляда европейских политических элит на саму суть ЕС — переход от концепции создания объединения, которое поможет европейским народам развивать экономику и избежать военных конфликтов, к милитаризации Европы, чтобы усилить НАТО.

Погрязнув в русофобии и потеряв свой суверенитет, прибалтийские страны успешно транслируют американские интересы на пространстве Евросоюза, выступая за усиление присутствия НАТО в регионе. При этом они не учитывают, что государство, отказавшееся от своего прошлого, не уважающее, не анализирующее и не понимающее свою историю, не имеет будущего.

Выстраивая иерархию в рамках НАТО, США поддерживают стремление Прибалтики к конфронтации с Россией, желание ряда стран — членов альянса вернуться к дивизионной структуре ВС. Наделяя Польшу полномочиями по командованию прибалтийскими воинскими формированиями в рамках НАТО, с одной стороны, США находят своего рода субполкчи́ка на будущем восточноевропейском театре военных действий в прокси-войне с Россией. С другой стороны, Америка создаёт противовес лидерским амбициям Германии в ЕС. Проведённый в статье анализ позволяет прогнозировать, что реальная борьба за лидерство в Евросоюзе развернётся, прежде всего, между Германией и Польшей. Франции в подобной конфигурации отводится роль опоры Германии. При этом американские и южнокорейские военные предприятия призваны стать двигателем польской экономики.

Кроме того, польские власти, как и Франция с Германией, всецело публично поддерживают тенденцию к расширению НАТО и ЕС на территорию Восточной Европы и Западных Балкан [16].

Несмотря на то что Польша является самой дотационной страной ЕС с момента вступления в объединение в 2004 году [48], Европейский совет утвердил практически полное возмещение

затрат Варшавы на передачу военной техники ВСУ [53]. Деньги выделяются из европейских и американских фондов. Таким образом, мы считаем, что дискурс российской агрессии, культивируемый коллективным Западом с середины 90-х годов прошлого века, как логическое продолжение дискурса «империи зла» в отношении СССР и все действия по конфронтации с Российской Федерацией являются целенаправленной, чётко выверенной политикой. Институциональное превосходство НАТО над ЕС, их фактическое слияние и приоритет трансатлантической солидарности не оставляют пространства для исконных интересов ЕС вне стратегий США. Североатлантический альянс стал системой подчинения, работающей без серьёзных сбоев. Европейские субъекты этой системы получают возможность реализовывать только те интересы, которые идут вместе с требованиями взять на себя новые обязательства по сдерживанию России, а в перспективе – и Китая.

Приоритетным направлением дальнейшего исследования милитаризации стран коллективного Запада и их союзников является изучение взаимодействия ВПК Польши и Южной Кореи, вовлечения стран АТР в выполнение задач НАТО в Европе, а также анализ новых этапов военной реформы в Германии.

Литература

1. Бушуев М. В Германии заговорили о возвращении к призывной армии // DW. — 06.07.2020. — URL: <https://www.dw.com/ru/в-германии-заговорили-о-возвращении-к-призывной-армии/a-54069062> (дата обращения: 17.02.2024).
2. Виттинг Ф. Вернётся ли Германия к всеобщей воинской обязанности? // Welt. — 23.12.2023. — URL: <https://amp.dw.com/ru/vernetsa-li-germania-k-vseobsej-voinskoj-obazannosti/a-67807138> (дата обращения: 17.02.2024).
3. Военное присутствие НАТО на востоке Североатлантического союза // НАТО. — 29.06.2022. — URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_136388.htm (дата обращения: 23.05.2024).
4. Данные Yle: вскоре может решиться, где будут размещены штабы НАТО в Финляндии // Yle. — 18.09.2024. — URL: <https://yle.fi/a/74-20112478> (дата обращения: 28.09.2024).
5. Европа в кризисном мире / отв. ред. А.А. Громыко. – М.: Весь Мир, 2022. — 376 с.
6. Европа в эпоху перемен / отв. ред. Т.В. Зверева. – М.: Дипломатическая академия, 2017. — 483 с.
7. Елков И. Сербские дневники: Уран для славян. После «урановых» бомбардировок НАТО Сербия на Балканах вышла в лидеры по смертности от рака // Российская газета. — 13.05.2023. — URL: <https://rg.ru/2023/05/13/serbskie-dnevniki-uran-dlia-slavian-posle-uranovyh-bombardirovok-nato-serbii-na-balkanah-vyshla-v-lidery-po-smertnosti-ot-raka.html> (дата обращения: 14.05.2024).
8. Зарудницкий В.Б. Тенденции изменения системы обеспечения военной безопасности государства в условиях новой геополитической карты мира // Военная мысль. — 2024. — № 2. — С. 6–14.

9. *Зверев Ю.М.* Нарращивание и модернизация вооруженных сил Польши, Литвы и других стран НАТО вокруг Калининградской области: информационно-аналитический доклад. – Калининград: БФУ им. И. Канта, 2024. — 68 с.
10. *Зверев Ю.М.* Польша формирует новую дивизию против России и Белоруссии // Евразия.Эксперт. — 01.02.2023. — URL: <https://eurasia.expert/polsha-formiruet-pouchuu-diviziyu-protiv-rossii-i-belorussii> (дата обращения: 14.05.2024).
11. *Зверев Ю.М.* Сувальский коридор: угроза для НАТО или для Беларуси и России? // Евразия.Эксперт. — 13.09.2018. — URL: <https://eurasia.expert/suvalskiy-koridor-ugroza-dlya-nato-ili-dlya-belarusi-i-rossii> (дата обращения: 18.05.2024).
12. *Кармазин И.* Вся прибалтийская рать: для чего Литве реформа армейского призыва // Известия. — 23.12.2023. — URL: <https://iz.ru/1624857/igor-karmazin/vsia-pribaltiiskaia-rat-dlia-chego-litve-reforma-armeiskogo-prizyva> (дата обращения: 10.02.2024).
13. Конституционный акт Литовской Республики о неприсоединении к постсоветским восточным союзам // Lietuvos Respublikos Seimo kanceliarija. — URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalActPrint/lt?jfwid=-mmidcmbf9&documentId=TAIS.241798&category=TAD> (дата обращения: 10.05.2024).
14. *Коржевский А.С., Толстых В.В., Копылов И.А.* Современное развитие международной системы и ее влияние на управление национальной обороной Российской Федерации // Дипломатическая служба. — 2022. — № 5. — С. 348–360.
15. Отношения Евросоюз – Россия и Украинский кризис / отв. ред. Н.К. Арбатова. — М.: ИМЭМО РАН, 2014. — 183 с.
16. Польша выступает за расширение ЕС и НАТО за счет Балкан и Восточной Европы // РИА Новости. — 17.05.2017. — URL: <https://ria.ru/20170517/1494516560.html?ysclid=ihluo5уух9911374141> (дата обращения: 27.05.2024).
17. Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации / отв. ред. А.С. Коржевский. — М.: Рос. гос. гуманитарный ун-т, 2021. — 604 с.
18. *Руссле К.* Вокруг отношений между Россией и Европой // Полис. Политические исследования. — 1996. — № 6. — С. 149–153.
19. Скандал, связанный с прослушкой телефона канцлера ФРГ Ангелы Меркель // РИА Новости. — 26.06.2015. — URL: <https://ria.ru/20150626/1090021526.html> (дата обращения: 27.05.2024).
20. Стратегическая концепция НАТО 2022 года // НАТО. — 29.06.2022. — URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf (дата обращения: 23.05.2024).
21. Телеграм-канал «Варшавская русалка». — 29.11.2023. — URL: https://t.me/pl_syrenka/7378 (дата обращения: 29.11.2023).
22. Телеграм-канал «Рыбарь». — 29.01.2024. — URL: <https://t.me/rybar/56512> (дата обращения: 30.01.2024).
23. *Чернега В.Н.* Франция перед президентскими выборами 2022 года // Международная жизнь. — 2022. — № 3. — С. 68–81.
24. *Штоль В.В.* Россия и Запад: несостоявшийся альянс, или Противостояние как неизбежность. — СПб.: Алетейя, 2019. — 434 с.
25. „Aussetzen war ein Fehler“ — Pistorius offen für allgemeine Wehrpflicht // Welt. — 15.02.2024. — URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/video250100152/Pistorius-offen-fuer-allgemeine-Wehrpflicht.html> (accessed: 17.02.2024).
26. A Strategic Compass for Security and Defence // European External Action Service. — 25.03.2022. — URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/strategic_compass_en3_web.pdf (accessed: 23.05.2024).
27. Barley bringt eigene EU-Atombomben ins Gespräch // Spiegel. — 13.02.2024. — URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/katarina-barley-spd-spitzenkandidatin-fuer-die-europawahl-bringt-eu-atombomben-fuer-europaeische-armee-ingespraech-a-263da72d-c631-4bfa-aa1d-94f9f77cb8cc> (accessed: 15.02.2024).
28. Bundeswehr der Zeitenwende: Kriegstüchtig sein, um abschrecken zu können // Bundesministerium der Verteidigung. — 04.04.2024. — URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/bundeswehr-der-zeitenwende-kriegstuechtig-sein-um-abzuschrecken-5765386> (accessed: 04.05.2024).

29. *Deen M.* Macron Pledges to Restore Military Service for French Youth // Bloomberg. — 26.03.2023. — URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-03-18/macron-pledges-to-restore-military-service-for-french-youth> (accessed: 05.06.2024).
30. Deutsch-französische Erklärung vom 22. Januar 2023 // Bundesregierung. — 22.01.2023. — URL: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/992814/2159710/b1028eb6f599731cf8a721a1b470f8c8/2023-01-22-dfmr-kommunique-data.pdf> (accessed: 23.05.2024).
31. Establishment of a national division marks a historic step towards a new quality of the Lithuanian Armed Forces / Ministry of National Defence Republic of Lithuania. — 08.05.2023. — URL: <https://kam.lt/en/establishment-of-a-national-division-marks-a-historic-step-towards-a-new-quality-of-the-lithuanian-armed-forces/> (accessed: 10.02.2024).
32. Estonian Division / Republic of Estonia Defence Forces. — 10.05.2023. — URL: <https://mil.ee/en/landforces/estonian-division> (accessed: 10.02.2024).
33. European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe / European Parliament. — 19.09.2019. — URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.pdf (accessed: 10.05.2024).
34. *Finke L.* Neues zur Brigade Litauen: Pistorius und Kasčiūnas zeichnen gemeinsames Abkommen // Bundesministerium der Verteidigung. — 13.09.2024. — URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/brigade-litauen-pistorius-kaschiunas-zeichnen-abkommen-5837560#:~:text=Verteidigungsminister%20Boris%20Pistorius%20hat%20seinen%20litauischen%20Amtskollegen%20Laurynas%20Kaschiunas%20am%2013> (accessed: 13.09.2024).
35. Finnish Army Commander at HQ Multinational Corps Northeast // Multinational Corps Northeast Szczecin Youtube Channel. — 23.08.2023. — URL: <https://www.youtube.com/watch?app=desktop&v=PaUhsHOTfYw> (accessed: 23.08.2024).
36. Government's Defence Report // Valtioneuvosto. — 09.09.2021. — URL: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/163407/VN_2021_80.pdf?sequence=4&isAllowed=y (accessed: 16.05.2024).
37. *Jae-hwon J., Hyun-a Y.* Hyundai Rotem's K2 tanks spark interest in Poland, exports set to expand // The Chosun Daily. — 08.04.2024. — URL: <https://www.chosun.com/english/industry-en/2024/04/08/2YM33DUHC5B4PCOHR5RALLX34A> (accessed: 04.05.2024).
38. Le SNU: pour moi, pour les autres, pour la France // Website of the Service national universel. — URL: <https://www.snu.gouv.fr> (accessed: 15.02.2024).
39. Ministrė A. Bilotaitė: regiono šalys turi ketinimų sukurti dronų sieną / Lietuvos Respublikos vidaus reikalų ministerija. — 28.05.2024. — URL: <https://vrm.lrv.lt/lt/naujienos/ministra-bilotaitė-regiono-salys-turi-ketiniu-sukurti-dronu-siena> (accessed: 01.06.2024).
40. National strategic review 2022 / Secretariat-General for National Defence and Security. — 09.11.2022. — URL: <https://www.sgdsn.gouv.fr/files/files/rns-uk-20221202.pdf> (accessed: 20.05.2024).
41. Neue Kategorie im Kampf: Die Mittleren Kräfte / Bundeswehr. — 08.03.2023. — URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/aktuelles/neue-kategorie-im-kampf-die-mittleren-kraefte-5594418> (accessed: 27.05.2024).
42. *Ögren A., Abdigadir A.* Sverige kan skicka Natostyrka till Finland // Svenska Dagbladet. — 24.07.2024. — URL: <https://www.svd.se/a/OVGM9E/sverige-kan-skicka-officerare-till-natostyrka-till-finland> (accessed: 28.09.2024).
43. *Oleksiejuk M.* Pulaski Commentary: The key premises of the Polish Homeland Defence Act (Michał Oleksiejuk) / Casimir Pulaski Foundation. — 18.03.2022. — URL: <https://pulaski.pl/en/pulaski-commentary-the-key-premises-of-the-polish-homeland-defence-act-michal-oleksiejuk> (accessed: 14.05.2024).
44. *Pantel N.* Lehrstunde für Patrioten // Süddeutsche Zeitung. — 18.06.2019. — URL: <https://www.sueddeutsche.de/panorama/frankreich-nationaldienst-universel-macron-1.4491363> (accessed: 15.02.2024).
45. Pistorius at Munich Security Conference: "A stronger Europe for a stronger NATO" // Bundesministerium der Verteidigung. — 18.02.2023. — URL: <https://www.bmvg.de/en/news/pistorius-a-stronger-europe-for-a-stronger-nato-5586746> (accessed: 27.05.2024).

46. Pistorius verteidigt Überlegungen zum schwedischen Wehrpflicht-Modell // Welt. — 19.12.2023. — URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article249125230/Pistorius-verteidigt-Ueberlegungen-zum-schwedischen-Wehrpflicht-Modell.html> (accessed: 17.02.2024).
47. Pistorius: Verteidigungsminister unterschreibt Fahrplan für Litauen-Brigade / WELT Dokument // Welt Youtube Channel. — 18.12.2023. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Kv6V1WQDhwY> (accessed: 10.02.2024).
48. Poland's contributions to and receipts from the European Union budget from 2004 to 2022 // Statista. — 22.04.2024. — URL: <https://www.statista.com/statistics/1135294/poland-s-contributions-to-and-receipts-from-the-eu-budget> (accessed: 05.06.2024).
49. Scholz O. Die globale Zeitenwende / Foreign Affairs. — 05.12.2022. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/germany/die-globale-zeitenwende> (accessed: 19.05.2024).
50. Swedish Armed Forces to contribute forces in Latvia / Government Offices of Sweden. — 29.04.2024. — URL: <https://www.government.se/press-releases/2024/04/swedish-armed-forces-to-contribute-forces-in-latvia/> (accessed: 28.09.2024).
51. The Defence Concept of the Republic of Poland // Website of the Republic of Poland. — 13.06.2017. — URL: <https://www.gov.pl/attachment/fae62ff2-0471-46e1-95bd-c3c4208234a7> (accessed: 14.05.2024).
52. The Polish Army will be expanded to 400000 soldiers // Poland Daily 24. — 26.06.2022. — URL: <https://polanddaily24.com/5241-the-polish-army-will-be-expanded-to-400-000-soldiers> (accessed: 14.05.2024).
53. Tsukanov I. Poland Bills EU €2 Bln for Weapons Sent to Ukraine // Sputnik International. — 26.03.2023. — URL: <https://sputnikglobe.com/20230326/poland-bills-eu-2-bln-for-weapons-sent-to-ukraine-1108804063.html> (accessed: 05.06.2024).
54. Umgliederung des Heeres beginnt ab 1. April // Europäische Sicherheit & Technik. — 09.03.2023. — URL: <https://esut.de/2023/03/meldungen/40532/umstrukturierung-des-heeres-beginnt-am-1-april> (accessed: 27.05.2024).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Лошкарёв Иван Дмитриевич,

кандидат политических наук,
МГИМО МИД России, Москва.

Ivan D. Loshkariov,

PhD,
MGIMO University, Moscow.

E-mail: ivan1loshkariov@gmail.com

Копытцев Иван Сергеевич,

младший научный сотрудник,
Институт Африки РАН, Москва.

Ivan S. Kopyttsev,

Junior Research Fellow, Institute of Africa,
Russian Academy of Science, Moscow.

E-mail: www.kopitsev53.ru@gmail.com

ДИАСПОРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА МАРОККО: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОДХОДОВ

MOROCCO DIASPORA POLICIES: TRANSFORMATION OF APPROACHES

Аннотация: в последние годы в научной среде отмечается заметный рост заинтересованности в изучении феномена диаспоры как такого, а также смежных вопросов, включая проблему взаимодействия диаспоры и страны происхождения. Значительный вклад диаспор в экономику ряда развивающихся стран позволяет обратить пристальное внимание на диаспоральную политику стран происхождения как перспективный способ привлечения дополнительных ресурсов в рамках проектов социально-экономического развития. Выбор кейса в данном контексте не случаен: на сегодняшний день Марокко остается одним из лидеров в Африке по объему финансовых перечислений, ежегодно поступающих от представителей эмигрантских сообществ, а правительство страны обладает многолетним опытом формулирования и реализации диаспоральной политики. Таким образом, ключевыми элементами исследования выступают: 1) изучение основных вех миграции марокканцев в Европу; 2) рассмотрение эволюции восприятия диаспоры правительством Марокко и сформулированных на его основе принципов и механизмов взаимодействия; 3) характеристика текущей модели диаспоральной политики Марокко и выявление ее

преимуществ и недостатков. Относительно позднее начало активной миграции в Европу в 1960-х годах, по сути, обусловило значительную однородность процесса и формирования диаспоры, тем самым упростило взаимодействие последней и правительства Марокко. Вместе с тем ошибочное восприятие диаспоры в качестве временного явления в первые десятилетия проведения диаспоральной политики обусловило невысокую эффективность принятых мер. Однако, начиная с 1990-х годов, власти Королевства сумели кардинально пересмотреть отношение к диаспоре, предприняв значительные шаги по созданию долгосрочной стратегии, направленной на привлечение экспатов к участию в проектах развития Марокко. В результате, несмотря на то что на текущий момент сохраняется ряд проблем, включая недостаточно благоприятный инвестиционный климат, отсутствие консенсуса среди ответственных институтов и критику подхода, первоначально нацеленного на сохранение идентичности, следует констатировать заметные успехи правительства Марокко в области формулирования общих принципов и целей сотрудничества с диаспорой, а также в сфере реализации конкретных мер в рамках установленных задач.

Ключевые слова: Марокко, диаспора, диаспоральная политика, проекты развития, страна происхождения.

Abstract: in recent years the growing scientific interest towards a diaspora as a phenomenon and towards related issues including diaspora and home country interaction has been witnessed. Taking into account a significant contribution made by diasporas to the developing economies, diaspora policies should be viewed as a promising way of gathering additional resources for home countries' socio-economic development projects. In this context the case of Morocco is chosen since today the state appears to be one of the African leaders in terms of migrant remittances absolute value and the government has long experience in framing and conducting diaspora policies. Thus, the key elements of the article are 1) the history of Moroccan migration to Europe; 2) the evolution of diaspora perception and principals and mechanisms of cooperation with the diaspora used by the Moroccan government; 3) the current model of Moroccan diaspora policies, its advantages and disadvantages. The process of Moroccan active migration to Europe which started only in 1960-s predetermined quite a homogenous diaspora formation which thus simplified its interaction with the Moroccan government. At the same time, this wrong perception according to which diaspora was treated as a temporary phenomenon during the first decades made all the taken measures relatively ineffective. However, since 1990-s the government dramatically changed its position having established a long-term strategy aimed at attracting emigrants to participate in Moroccan development projects. As a result, though several problems including the unfavorable investment climate, the nonconcurrence among diaspora policy institutions and criticism towards the approach primarily focused on protecting national identity still exist, it's worth mentioning significant success made by the Moroccan government both in the sphere of framing the issue of diaspora policies and in the field of realizing particular measures.

Key words: Morocco, diaspora, diaspora policy, development projects, home country.

Введение

На сегодняшний день в мире и, в особенности, в развивающихся странах наблюдается рост заинтересованности в выстраивании эффективного взаимодействия с диаспорами — эмигрантскими сообществами, которые, пожалуй, остаются одним из наиболее перспективных, но при этом недостаточно используемых «источников» обеспечения социальной стабильности и экономического развития для стран происхождения. В этих целях даже в государствах, правительства которых поддерживают контакты с диаспорами за рубежом, зачастую требуется упорядочить

или даже кардинально преобразовать спорадические и государствоцентричные практики выстраивания подобного сотрудничества. Несмотря на то что за последние 20 лет совокупный объем денежных переводов от представителей диаспор в страны происхождения увеличился более чем в 5 раз — со 128 млрд долл. в 2000 году до 702 млрд долл. в 2020 году [10] — предметом научных споров остается роль диаспоральных политик в достижении столь высоких показателей. Дело в том, что, по мнению ряда исследователей, сохраняется значительный разрыв между приоритетами и принципами взаимодействия с диаспорами, установленными правительствами стран происхождения, и реальным процессом привлечения инвестиций и кадров из эмигрантских сообществ (англ. «*policy gap*») [12]. Всё это способствует переосмыслению и переоценке механизмов выстраивания отношений с диаспорами. Отныне самого факта наличия формальных практик для государств с многочисленными диаспорами за рубежом уже недостаточно: следует обеспечить переход от общих нарративов и символических шагов к созданию действенных стимулов для получения самого широкого перечня выгод — от финансовых поступлений и квалифицированных кадров до политической лояльности и лоббирования национальных интересов.

По оценкам за 2021–2022 годы, численность африканской диаспоры, то есть выходцев с континента, проживающих за его пределами, достигла 160 млн человек, что составило более 10% населения Африки [6]. Несмотря на то что предки значительной части экспатов, особенно в странах Северной и Южной Америки, были вывезены за пределы Черного континента еще в колониальную эпоху, их связь с исторической родиной не может считаться окончательно утерянной. К тому же анализ проблемы несколько упрощается для государств Северной Африки. Дело в том, что для стран Магриба характерны общие закономерности эмиграционных процессов, а также существует целый ряд заметных сходств во внутренней организации обществ. Так, государствам субрегиона присуще следующее: 1) преобладание арабского населения; 2) практически повсеместное распространение ислама, занимающего центральное место в жизни общества; 3) активизация миграции в Западную и Южную Европу в XX веке, развернувшаяся на фоне процессов деколонизации.

Всё вышеперечисленное в полной мере относится к Королевству Марокко, которое входит в число лидеров по объему денежных перечислений из диаспоры в Африке (7,4 млрд долл., или 6,5% ВВП) и на протяжении нескольких десятилетий реализует различные институционализированные модели диаспоральной политики [11]. Марокканская община за рубежом насчитывает около 5 млн человек, что составляет примерно 13–15% от численности населения страны [8].

В рамках данной статьи представляется необходимым обратиться к марокканскому опыту формирования и реализации подходов к взаимодействию с диаспорой, включая: 1) изучение основных вех миграции марокканцев в Европу; 2) рассмотрение эволюции восприятия диаспоры правительством Марокко и сформулированных на его основе принципов и механизмов взаимодействия; 3) характеристику текущей модели диаспоральной политики Марокко и выявление ее преимуществ и недостатков.

Марокканская диаспора в Европе: генезис

Приступая к рассмотрению исторических предпосылок и самого процесса формирования марокканской диаспоры в Европе и, прежде всего, в ее западном субрегионе, следует отметить, что географическое положение Марокко, отделенного от Пиренейского полуострова лишь узкой полоской Гибралтарского пролива, обусловило активные контакты местного населения и пришедших на эти земли в VIII веке арабов с европейцами. Находясь в непосредственной близости от Португалии и Испании — первых колониальных империй, — Марокканский султанат столкнулся с колониальной экспансией уже в XV веке. Вместе с тем вплоть до начала прошлого столетия правителям страны удавалось сохранять независимость и контроль над большей частью земель, за исключением ряда прибрежных поселений, часть из которых до сих пор остается в составе Испании. В ходе раздела Африканского континента на сферы влияния в конце XIX — начале XX века Марокканский султанат, ставший предметом противостояния Германии и Франции, фактически отошел к последней. Независимость страны была восстановлена уже в 1956 году, но, даже за столь короткий период французского протектората, французский язык проник в жизнь

марокканского общества. В частности, европейское образование привело к формированию «франкофонных» элит, а использование французского языка административным аппаратом в качестве официального укрепило его позиции и на бытовом уровне [2]. В результате к концу 1950-х годов в мусульманском и преимущественно арабском Королевстве Марокко¹ наряду с диалектом арабского языка и берберским языком в разных сферах жизни общества, особенно в экономике, образовании и управлении, использовались французский и, в меньшей степени, испанский языки. Подобное положение дел, а также исторически сложившиеся многовековые связи Марокко с северными соседями позволяли говорить о Королевстве как об одном из наиболее «европеизированных» африканских государств.

Активная миграция из Марокко в Западную Европу началась в 1960-х годах в результате подписания двусторонних трудовых договоров с Францией (1963), Германией (1963), Бельгией (1964) и Нидерландами (1969) [4]. Эти соглашения явились следствием потребности европейских стран в дешевой рабочей силе и тяжелого социально-экономического положения в африканских странах-поставщиках. При этом для правительства Марокко миграция представлялась временным и, что не менее важно, прибыльным явлением. Рассчитывая снизить социальную напряженность и получить дополнительные финансы благодаря перечислениям от трудовых эмигрантов, власти страны инициировали пятилетку 1968–1972 годов, в рамках которой планировалось направить за рубеж как можно больше рабочих. Ответственность за выполнение задачи и дальнейший контроль миграции были возложены на Бюро по миграции, вошедшее в структуру Министерства труда и социальных проблем. Рост численности марокканских эмигрантов в Западной Европе продолжился и после экономической рецессии 1974 года, однако на этот раз был связан скорее с процессом воссоединения семей, нежели с высоким спросом на рабочую силу. В результате в 1990-х годах за пределами Марокко проживали уже более 1,3 млн подданных Королевства, что в целом свидетельствовало о постепенном формировании полноценной диаспоры [3].

---

¹ Доля арабского населения составляет около 60%, берберского — 40%.

Эволюция восприятия диаспоры и смена подходов к сотрудничеству

В свою очередь, правительство Марокко не сумело с первых шагов произвести адекватную оценку происходивших трансформаций и выработать эффективную стратегию в отношении них. Дело в том, что с момента подписания трудовых соглашений с западноевропейскими государствами миграция рассматривалась в Рабате как исключительно временное явление [4]. Взаимодействие с сообществами эмигрантов выстраивалось в логике патерналистской модели и, по сути, оставалось лишь продолжением внутренней политики Королевства. Диаспора, даже в условиях своего стремительного разрастания, воспринималась как совокупность марокканских подданных, лишь временно проживавших за рубежом и, прежде всего, остававшихся подданными своего монарха.

Таким образом, ключевыми вопросами на повестке дня являлись следующие: 1) борьба с оппозиционными настроениями и радикальными течениями в диаспоре, то есть сохранение политической лояльности эмигрантов; 2) получение денежных переводов, столь необходимых для экономики страны; 3) сохранение государственно-ориентированной и религиозной идентичности [4]. Более того, с точки зрения правительства Королевства сама по себе активная миграция за рубеж сулила больше проблем, включая «утечку мозгов» и формирование среды, благоприятной для распространения оппозиционных идей и настроений, нежели перспектив. Разумеется, в этих условиях отношения правительства страны происхождения и диаспоры имели исключительно субъект-объектный характер, включая стремление властей скорее препятствовать неминуемым изменениям, нежели учитывать их.

Если в первые десятилетия после начала формирования диаспоры в Европе правительство Марокко выступало против натурализации подданных Королевства в странах пребывания, то постепенно, на фоне неуклонного роста численности эмигрантов, вектор диаспоральной политики Рабата был изменен [12]. По сути, произошел переход от использования ситуативных мер, являвшихся продолжением внутренней политики и применявшихся к подданным, которые временно проживали за рубежом,

к созданию обособленной стратегии по взаимодействию с новым явлением в жизни страны — диаспорой. Отныне вместо того, чтобы препятствовать получению марокканцами иностранного гражданства — хотя двойное гражданство было узаконено еще в 1958 году, — власти страны приступили к поиску механизмов, которые позволили бы обеспечить политическую лояльность в среде эмигрантов в долгосрочной перспективе, а также стимулировали бы разные виды экономического сотрудничества. При этом смена восприятия диаспоры не повлекла за собой фундаментального пересмотра приоритетов диаспоральной политики: по-прежнему на первом месте оставались сохранение национальной идентичности в диаспоре, решение проблемы безопасности и привлечение эмигрантов к участию в проектах, направленных на развитие страны происхождения [12].

Сохранение идентичности и контроль над духовной сферой

Прежде всего, рассматривая проблему сохранения «марокканской» идентичности в диаспоре, следует должным образом понимать ее центральные компоненты. Так, чертой, отличающей марокканцев от представителей других государств Магриба, выступает специфическая форма ислама. С этой точки зрения, марокканец не просто правоверный араб или бербер, рожденный на территории Марокко и/или в семье подданных Королевства; марокканец, что не менее важно, признает в лице своего короля «шарифа», то есть высшую религиозную инстанцию, а в своей вере опирается на три важнейших принципа марокканской «версии» ислама: маликизм, ашаризм и суфизм¹ [4]. В результате прямая связь религиозного мировоззрения и политической принадлежности, воплощающаяся в фигуре монарха (короля), обуславливает приоритетность религиозного направления в диаспоральной политике Марокко. Вплоть до 1990 года в данной сфере предпринимались лишь ограниченные по срокам реализации и реальному эффекту шаги. К примеру, в Западную Ев-

¹ В целом религиозно-правовая школа маликизма (маликитский мазхаб) отличается гибкостью, допустимой при трактовке правовых канонов в исламе. Например, маликиты могут опираться на мнение большинства или отстаивать, что нужно выбрать наиболее «легкий» вариант рекомендации, чтобы религиозные догмы не были обременительными. Ашаризм как подход к догматической аргументации признает достаточность аргумента для понимания религиозных истин. Наконец, суфизм как течение в исламе сохраняет открытость и гибкость, фактически допуская преобразование «чистых форм» ислама с учетом местных особенностей (например, допускается культ предков, что неприемлемо в салафизме).

ропу направлялись марокканские имамы в период священного месяца Рамадан. Ситуация кардинально изменилась с созданием в 1990 году Фонда Хасана II для марокканцев за рубежом. Появление организации, способной аккумулировать значительные полномочия по выстраиванию диаспоральной политики и достаточные финансовые ресурсы, позволило не только увеличить интенсивность контактов с эмигрантскими сообществами в религиозной сфере, но и придать им системность. Теперь, не ограничиваясь временными делегациями, власти Марокко направляли в Западную Европу постоянно действующие миссии мусульманского духовенства, а также приняли активное участие в финансировании строительства религиозных объектов, в первую очередь на территории Франции [4].

Согласно сложившемуся в Марокко в 1990-х годах подходу к диаспоральной политике вкупе с сохранением национальной идентичности активное религиозное взаимодействие с диаспорой было призвано ограничить влияние радикальных исламистских сил на марокканцев, проживающих за рубежом. Однако эффективность принятых мер была поставлена под сомнение вследствие террористических атак в Касабланке 16 мая 2003 года. Нападение, организация которого приписывается радикальным религиозным группировкам за пределами страны, вынудило правительство Марокко провести ряд преобразований в области контроля религиозной деятельности. В результате реформ 2004 и 2008 годов государство сосредоточило в своих руках дополнительные полномочия, включая монополию на печать и распространение Корана, а также ужесточило надзор в сфере духовного образования [7]. В свою очередь, в целях обеспечения национальной безопасности следовало оградить общины марокканцев за рубежом от влияния экстремистских течений. Прежде всего, правительство Королевства стремилось ограничить доступ радикальных проповедников к верующим, приняв наиболее деятельное участие в строительстве и дальнейшем финансировании функционирования целого ряда мечетей, а также используя материальные стимулы для сохранения лояльности имамов¹

¹ По данным за 2015 год, правительство Марокко направило более 10 млн евро на меры по сохранению и расширению религиозного присутствия в диаспоре. Так, 6 млн было направлено в общины на территории Франции, по 2 млн — в эмигрантские сообщества в Бельгии и Испании и, наконец, по 0,3 млн — для диаспор в Германии и Италии.

[4]. При этом для укрепления контроля над духовной сферой в диаспоре власти Марокко опираются одновременно на несколько ведомств и подконтрольных или тесно сотрудничающих с правительством организаций, что позволяет обеспечить высокий уровень государственного присутствия¹.

***Участие диаспоры в развитии:
смена подходов и новые механизмы***

Изменение подхода правительства Марокко к восприятию диаспоры, начавшееся в 1990-х годах и подробно проанализированное в предыдущих частях исследования, оказало существенное влияние в том числе на экономическую сторону взаимодействия с диаспорой. Отказ от рассмотрения последней в качестве временного явления в первую очередь способствовал осознанию властями Королевства столь простой, но от этого не менее важной истины: реальные перспективы участия диаспоры в развитии страны происхождения непомерно шире финансовых вливаний в экономику Марокко за счет денежных перечислений, направляемых эмигрантами домой. В результате многие социально-экономические последствия эмиграции, которые еще в недавнем прошлом казались правительству серьезной проблемой, приобрели новый смысл и очертания. К примеру, классическая в условиях оттока рабочей силы проблема «утечка мозгов», эффективные меры против которой так и не были приняты в Рабате, отныне рассматривается, скорее, как возможность, нежели как потеря. Дело в том, что преимущества западноевропейского образования и более высокий уровень технологического развития создают благоприятные условия для формирования квалифицированной рабочей силы и индивидуального развития личности [1]. Таким образом, в рамках нового систематизированного подхода, предполагающего полноценное сотрудничество с диаспорой, власти Королевства стремятся обеспечить стимулы для активного вовлечения квалифицированных кадров и представителей научно-экспертного сообщества из диаспоры в проекты по развитию Марокко: теперь «утечка мозгов» (brain drain)

---

¹ В частности, за подготовку и реализацию религиозного направления в диаспоральной политике Марокко отвечает Министерство хабусов и по делам ислама, Фонд Хассана II, Министерство по делам марокканцев за рубежом, а также Национальная федерация мусульман Франции, Союз исламских организаций Франции и так называемые общества дружбы (amicales).

должна быть преобразована в «приток компетенций» (brain gain). С концептуальной точки зрения подобный взгляд на взаимодействие с диаспорой описывается как переход от ориентированного на эмигрантские платежи (remittances-based approach) подхода — к кадровому (skills-mobilization-based approach).

Актуальная модель диаспоральной политики Марокко: преимущества и недостатки

На сегодняшний день, спустя 60 лет с момента начала активной миграции марокканцев в Европу, диаспоральная политика Королевства опирается на достаточно прогрессивную модель сотрудничества с диаспорой, ставшую результатом многолетнего опыта взаимодействия и эволюции восприятия самого феномена миграции. Отказавшись от первоначального ошибочного взгляда на диаспору как на временное явление, правительство Марокко стремится сохранить национальную идентичность эмигрантов — фундамент, который считается необходимым условием для выстраивания программ социально-экономического сотрудничества. В то же время роль национального и религиозного чувства как фактора, определяющего готовность эмигрантов участвовать в развитии страны происхождения, неоднократно ставилась под сомнение. Несмотря на то что, по ряду оценок, «марокканцы за рубежом вопреки ожиданиям сохраняют приверженность «национальной модели ислама» [9], следует иметь в виду крайне низкий уровень вовлеченности марокканской молодежи в диаспоре в деятельность проправительственных религиозных организаций (лишь около 9%). К тому же существует значительная угроза духовной сплоченности марокканской диаспоры со стороны радикальных салафитских течений.

В то же время за минувшие десятилетия радикально изменилось и понимание целей диаспоральной политики. Если ранее первостепенными задачами ответственных ведомств и организаций считались недопущение интеграции марокканцев в европейское общество и обеспечение их политической лояльности, а также стабильного поступления денежных переводов, то в недавнем прошлом приоритеты были пересмотрены. В результате современная модель диаспоральной политики Марокко, исходящая из того, что существование диаспоры

является состоявшимся и необратимым фактом, направлена как на противостояние радикальным и экстремистским течениям, так и на установление долгосрочного и многостороннего социально-экономического сотрудничества. Среди прочего к числу наиболее важных задач относятся привлечение инвестиций и создание условий для возвращения квалифицированных кадров и их участия в развитии страны¹ [12].

В результате к числу неоспоримых успехов диаспоральной политики Марокко, достигнутых после 1990 года, относятся: 1) переход к более адекватному и прогрессивному подходу к взаимодействию с диаспорой; 2) создание разветвленной институциональной структуры, включающей в себя министерства, ведомства, фонды, банки и религиозные организации, а также гражданские ассоциации, ответственные за комплексный процесс реализации диаспоральной политики; 3) успешное применение мер культурного (языкового) и религиозного характера, направленных на сохранение национальной идентичности эмигрантов; 4) сохранение легитимности правительства Марокко в глазах представителей диаспоры, позволяющее избегать губительного разрыва в отношениях страны происхождения и диаспоры².

Вместе с тем представляется необходимым отметить ряд упущений и просчетов, допущенных правительством Марокко на текущем этапе формулирования и реализации диаспоральной политики:

1) пока не получилось системно увязать проекты развития страны с интересами и инициативами диаспоры, что негативно сказывается на сохранении идентичности выходцами из Марокко;

2) до сих пор сохраняются барьеры для финансовых операций и инвестиций со стороны диаспоры (De Haas, 2007);

3) сохраняется влияние радикальных, в том числе салафитских, течений ислама на представителей марокканской диаспоры;

---

¹ Следует отметить, что среди руководителей диаспоральной политикой Марокко отсутствует консенсус относительно необходимости возвращения специалистов на родину. В то время как некоторые высокопоставленные чиновники призывают соотечественников вернуться в Марокко, другие полагают, что, находясь за рубежом, экспаты способны осуществлять больший вклад в экономику страны.

² Подобная ситуация имела место в Гамбии, а также отчасти характеризует отношения правительства Эритреи и ее многочисленной диаспоры в Европе и Америке.

4) политические права эмигрантов, несмотря на их формальное признание, не реализуются в полной мере (в частности, участие в выборах);

5) отсутствует консенсус в отношении необходимости возвращения экспатов на родину среди акторов, принимающих решения [12].

Заключение

В заключение представляется возможным отметить, что в условиях роста общемирового интереса к установлению и углублению сотрудничества с диаспорами как потенциальным источником социально-экономического развития, а также политическим активом страны происхождения Королевство Марокко оказалось в числе государств, наиболее активно вовлеченных в выработку и реализацию прогрессивных подходов к диаспоральной политике. Столкнувшись с принципиально новым для страны явлением масштабной миграции за рубеж и последовавшим созданием многочисленных эмигрантских общин в Европе, правительство Марокко в относительно короткие сроки сумело трансформировать сложившееся в первые годы восприятие диаспоры. В результате отказ от рассмотрения последней в качестве временного феномена позволил приступить к выработке долгосрочной стратегии сотрудничества, ориентированной на привлечение экспатов к проектам по развитию страны происхождения вместо попыток искусственно «законсервировать» диаспору, не допустив ее интеграции в принимающих странах, и воспользоваться краткосрочными выгодами от денежных переводов эмигрантов на родину. Несмотря на то что новые приоритеты, включающие в себя сохранение национальной идентичности, обеспечение политической лояльности и привлечение к участию в развитии Марокко, в той или иной степени подвергаются критике в силу недостаточной связи с реальным положением дел (критика опоры на национальную идентичность), подобное целеполагание позволило осуществить ряд успешных преобразований, включая увеличение присутствия государства в жизни диаспоры, а также интенсификацию культурных и религиозных контактов. Хотя на сегодняшний день сохраняется ряд практических проблем, связанных как с дискуссиями относительно форм участия диас-

поры в проектах развития, так и с отсутствием должного материального обеспечения ряда инициатив, в целом следует признать успехи правительства Королевства в построении эффективной модели сотрудничества с диаспорой, что, однако, не исключает необходимости дальнейших усовершенствований.

Литература

1. *Belguendouz A.* Compétences marocaines expatriées: Quelles politiques de mobilisation suivies pour le développement du Maroc? // Du TOKTEN au FINCOME. CARIM Analytic and Synthetic Notes. — 2010/21/ — Highly-Skilled Migration Series, Legal Module. — URL: <https://hdl.handle.net/1814/13675> (accessed: 01.06.2024).
2. *Benzakour F.* Le français au Maroc. Enjeux et réalité / Université de Sherbrooke, Université de Rabat // Le français en Afrique. — 2010. — P. 33–41.
3. *Brand L.* States and Their Expatriates: Explaining the Development of Tunisian and Moroccan Emigration-Related Institutions / Center for Comparative Immigration Studies // Working Paper. — 2002. — No. 52. — URL: https://ccis.ucsd.edu/_files/wp52.pdf (accessed: 01.06.2024).
4. *Bruce B.* Transnational Religious Governance as Diaspora Politics: Reforming the Moroccan Religious Field Abroad // *Mashriq and Mahjar*. — 2018. — Vol. 5. — No. 1. — P. 36–74.
5. *De Haas H.* Between Courting and Controlling: The Moroccan State and 'Its' Emigrants / Centre on Migration, Policy and Society, University of Oxford // Working Paper. — 2007. — No. 54. — 54 p.
6. Diaspora's remittances, investment and expertise vital for Africa's future growth, say participants at African Development Bank Forum // African Development Bank website. — URL: <https://www.afdb.org/en/news-and-events/press-releases/diasporas-remittances-investment-and-expertise-vital-africas-future-growth-say-participants-african-development-bank-forum-57024> (accessed: 01.06.2024).
7. Formation et mise à niveau des imams, Mosquées. Préposés Religieux, MHAJ, 2012 // Ministère des Habous et des affaires islamiques website. — URL: <http://www.habous.gov.ma/fr/pr%C3%A9pos%C3%A9s-religieux/248-pr%C3%A9pos%C3%A9s-religieux/500-formation-et-mise-a-niveau-desimams.html> (accessed: 01.06.2024).
8. *Girardini S.* The Moroccan Diaspora: A Factor to Consider in Governmental Policy Making // Morocco World News website. — URL: <https://www.morocroworldnews.com/2022/09/351152/the-moroccan-diaspora-a-factor-to-consider-in-governmental-policy-making> (accessed: 01.06.2024).
9. *Godard B., Taussig S.* Les musulmans en France. Courants, institutions, communautés: un état des lieux. P.: Hachette, 2007. — 464 p.
10. *McAuliffe M. and Triandafyllidou A.* (eds.). World Migration Report 2022 / International Organization for Migration (IOM), Geneva. — 2021. — 540 p.
11. Migration and Remittances Data // World Bank website. — URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/migrationremittancesdiasporaissues/brief/migration-remittances-data> (accessed: 01.06.2024).
12. *Zapata-Barrero R., Helligren Z.* Harnessing the potential of Moroccans living abroad through diaspora policies? Assessing the factors of success and failure of a new structure of opportunities for transnational entrepreneurs // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. — 2019. — P. 1–18.

Рукавицын Петр Михайлович,

доктор политических наук,
Институт международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета, Москва.

Pyotr M. Rukavitsyn,

Doctor of Political Science,
Institute of International Relations and Social- Political Sciences
Moscow State Linguistic University, Moscow.

E-mail: rpm66@mail.ru

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЦЕННОСТНЫЙ ПОДХОДЫ В РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ФРГ

GEOPOLITICAL AND VALUES-BASED APPROACHES IN GERMANY'S FOREIGN POLICY

Аннотация: в реализации внешней политики ФРГ отмечается противостояние двух принципиально разных подходов — геополитического и ценностного. Последствия Второй мировой войны и реалии межблокового противостояния стали причиной возникновения ценностного подхода при формировании внешнеполитического курса Федеративной Республики Германия. Однако с течением времени и по мере роста геополитического потенциала ФРГ учет национальных интересов в ее внешней политике становится все более заметным. Основными политическими силами, выступающими в поддержку геополитического подхода во внешней политике, являются немецкие народные партии — Социал-демократическая партия Германии и консервативный блок правоцентристских политических партий в Германии, включающий в себя Христианско-демократический союз Германии и Христианско-социальный союз в Баварии.

С началом обострения противостояния между Россией и коллективным Западом произошел возврат к опоре на ценностный подход во внешней политике ФРГ. Его основным сторонником в составе правящей коалиции стала Партия зеленых.

Ключевые слова: внешняя политика ФРГ, геополитический подход, Партия зеленых, ценностный подход.

Abstract: two essentially different ways to pursue foreign policy are notable in Germany — one based on values and one based on geopolitics. The aftermath of World War II and realities of inter-bloc competition were what created a values-based approach to German foreign policy. Over time, as Germany's geopolitical potential increased, the country became more assertive in pursuing its national interests. The main political forces in support of the geopolitical approach in foreign policy are the German People's Parties — the Social Democratic Party of Germany and the conservative bloc of center-right political parties in Germany, including the Christian Democratic Union of Germany and the Christian Social Union in Bavaria.

As the standoff between Russia and collective West started to intensify, German foreign policy was thrown back to the values-based approach, whose main proponent in the ruling coalition is the Green Party.

Key words: Germany's foreign policy, geopolitical approach, the Green Party, values-based approach.

Введение

С момента создания ФРГ в 1949 году содержание ее внешней политики определялось двумя подходами, которые можно назвать геополитическим и ценностным. В основе геополитического подхода лежат геополитические интересы ФРГ, ценностный опирается на либеральные ценности коллективного Запада.

Основоположником геополитического подхода в Германии по праву считается «железный канцлер» О. фон Бисмарк, которому в рамках проводившейся им Realpolitik удалось достичь объединения страны в 1871 году. Доминирование ценностного подхода во внешней политике ФРГ, в свою очередь, стало неизбежным сразу после образования Западной Германии.

В данной статье будет дан краткий анализ генезиса обоих подходов во внешней политике ФРГ, их соотношения на разных этапах послевоенной истории Германии, а также проанализирован современный внешнеполитический курс ФРГ через призму соотношения этих подходов и противоборства политических сил, выступающих их сторонниками.

Отражение либеральных ценностей и геополитических интересов во внешней политике Западной Германии (1949–1990 гг.)

После окончания Второй мировой войны основной задачей политического руководства ФРГ было преодоление нацистского прошлого Германии, создание нового государства на обломках Третьего рейха. Эта задача решалась, прежде всего, путем интеграции в евроатлантические структуры, превращения Западной Германии в структурный элемент коллективного Запада, а значит, безоговорочного принятия комплекса либеральных ценностей и формирования на их основе политико-идеологических основ нового государства.

Формирование основ началось с работы над текстом Основного закона, которая велась под контролем оккупационных держав. При этом вся политическая система была переформатирована таким образом, чтобы исключить возможность узурпации власти новым диктатором. Для этого была максимально ослаблена фигура федерального президента, а основные полномочия были сосредоточены в руках избираемого бундестагом федерально-

го канцлера, при этом нижняя палата парламента в рамках конструктивного вотума недоверия могла отправить избранного главу правительства в отставку. Сохранившиеся за федеральными землями политические полномочия так же были важным элементом стабилизации политической системы.

В годы холодной войны в целях геополитической консолидации своих европейских союзников США активно использовали идеологический фактор. Они представляли противостояние капиталистического и социалистического блоков как борьбу добра и зла, свободы и несвободы. Наиболее ярко это было сформулировано Президентом США Р. Рейганом, использовавшим образ Советского Союза как «империи зла», а образ США как «сияющего города на холме». Таким образом, для Соединенных Штатов Америки в отношениях с их европейскими союзниками ценностный подход во внешней политике играл роль инструмента внутриблоковой мобилизации.

В годы межблокового противостояния ценностный, идеологический, подход был определяющим для внешней политики ФРГ, на территории которой находились группировки войск ее союзников по НАТО. На протяжении всей своей истории Западная Германия обладала ограниченным суверенитетом, сущность которого отражалась известной формулой «экономического гиганта и политического карлика». Если, например, Франция как ядерная держава и постоянный член Совета Безопасности ООН могла позволить себе в рамках безусловно западной ориентации значительную свободу действий во внешнеполитической сфере, то геополитическая идентичность ФРГ априори ограничивалась рамками коллективного Запада. Это было безусловным императивом, потому что о нацистском прошлом Германии не забывали не только идеологические противники, но и союзники по НАТО. Рост геополитического потенциала Западной Германии воспринимался ими как потенциальная угроза, масштабы которой было необходимо держать под союзническим контролем.

Однако с течением времени, по мере преодоления нацистского прошлого, а также роста экономического потенциала Западной Германии и ее превращения в экономического лидера ЕЭС, ФРГ начинает в большей степени осознавать свои геополитические интересы, которые состояли в том числе и в необходимости уче-

та ее геополитического положения. Важной особенностью этого положения было и расположение ФРГ на границе двух противостоявших блоков, и особые отношения, исторически сложившиеся между Германией и Россией. Это во многом предопределяло весомую роль Западной Германии в качестве связующего звена в развитии сотрудничества между государствами двух блоков.

Федеративная Республика Германия на протяжении четверти века после окончания Второй мировой войны не признавала ни своих новых восточных границ, ни существования Германской Демократической Республики. Однако постоянное нагнетание напряженности на германо-германской границе очевидно не соответствовало национальным интересам ФРГ. Данная проблема была решена в начале 70-х годов прошлого века в рамках новой восточной политики социал-демократического канцлера В. Брандта.

Это решение было принято правительством Западной Германии самостоятельно. Оно в полной мере соответствовало геополитическим интересам ФРГ и стало ярким проявлением соответствующего подхода во внешней политике набравшего политический вес государства.

Своевременность принятого решения стала еще более очевидной после нефтяного кризиса 1973 года, когда входившие в состав ОПЕК арабские страны заявили о прекращении поставок нефти государствам Запада, поддержавшим Израиль в ходе Войны Судного дня. Решение Федеративной Республикой Германия своей основной геополитической проблемы создало почву для развития взаимовыгодного советско-западногерманского сотрудничества в энергетической сфере. Это сотрудничество не прерывалось ни после ввода советских войск в Афганистан в 1979 году, ни в ходе серьезного обострения военно-политической обстановки в Европе в первой половине 80-х годов прошлого века, связанного с размещением нового поколения ракет средней дальности. В то же время ценностный подход в западногерманской внешней политике сохранял свою актуальность — ФРГ неизменно следовала в фарватере американской и блоковой политики.

Наиболее яркий период доминирования геополитического подхода во внешней политике ФРГ пришелся на конец 1980-х

годов, когда кризисные явления в социалистических странах в целом и в ГДР в частности поставили на повестку дня вопрос восстановления германского единства. При этом политическое руководство ФРГ не формировало повестку, а просто следовало в русле событий, соблюдая свои геополитические интересы.

Таким образом, в годы послевоенного раскола Германии ФРГ эволюционировала от полностью ценностного подхода в формировании своей внешней политики до всё более заметного учета своих геополитических интересов.

Объединенная Германия: постепенный разворот к геополитическим интересам (1990–2021 гг.)

После объединения Германии на карте Европы возник геополитический актор более крупного масштаба по сравнению с прежней ФРГ — достаточно сказать, что только численность населения выросла более чем на четверть. Это вызвало определенную обеспокоенность даже в рядах союзников по НАТО. По свидетельству Г. Коля, занимавшего в эти годы пост федерального канцлера, на встрече в Париже глав стран ЕЭС вскоре после объединения Германии атмосфера была холодной и напряженной, что свидетельствовало о появлении недоверия к немцам [14, р. 112].

Внешняя политика Германии в 90-е годы прошлого столетия не в последнюю очередь предопределялась стремлением руководства ФРГ продемонстрировать приверженность своим союзническим обязательствам, укреплению европейского и трансатлантического единства. Это стремление нашло отражение в документах стратегического планирования. Так, в опубликованной в 1994 году «Белой книге безопасности Федеративной Республики Германия» говорилось о прочном альянсе с США, основу которого составляли общие ценности [4]. После объединения Германии подразделения бундесвера начали активно участвовать в миротворческих миссиях за рубежом, самолеты люфтваффе вместе с союзниками участвовали в бомбардировках Сербии в 1999 году.

Анализ участия немецких военнослужащих в боевых действиях на территории бывшей Югославии позволяет выделить два уровня принятия внешнеполитических решений, в рамках которых произошло столкновение двух вариантов ценностного

подхода, наполненных различным содержанием. На верхнем, общенациональном, уровне возобладала приверженность союзническим ценностям, содержание которых нашло своё выражение в проведении странами НАТО интервенции против режима С. Милошевича.

Уровнем ниже, в Партии зеленых, которая в тот момент входила в состав правящей коалиции с Социал-демократической партией Германии (СДПГ) и представитель которой Й. Фишер занимал пост министра иностранных дел, наоборот, фактически произошел отказ от провозглашенных ранее этой партией ценностей во внешнеполитической сфере. Партия зеленых с момента своего создания была глубоко пацифистской. Но возможное противодействие социал-демократам по этому принципиальному вопросу с высокой долей вероятности привело бы к распаду правящей коалиции, первой в истории Партии зеленых, когда представители этой партии вошли в состав федерального правительства. Поэтому из чисто прагматических соображений руководству «зеленых» пришлось поступиться принципами.

На рубеже XX–XXI веков Германия отказалась от своей национальной валюты, немецкой марки, и в интересах развития Евросоюза согласилась на введение евро. Курс на расширение Евросоюза и углубление евроинтеграции, поддержанный основными политическими силами ФРГ, — это тоже проявление в первую очередь ценностного подхода. В то же время увеличение числа членов ЕС соответствовало и геополитическим интересам Германии — таким образом ориентированная на экспорт экономика ФРГ получала доступ к новым рынкам, а значит, новый импульс развития.

Однако, когда в 2003 году американская политика на ближневосточном направлении приобрела откровенно экспансионистский характер, Германия начала действовать четко в соответствии со своими геополитическими интересами. Безусловно, справедливым будет замечание о том, что на конфронтацию с США по принципиальному вопросу о поддержке американской интервенции в Ираке занимавший в тот момент пост федерального канцлера Герхард Шрёдер пошел во многом из предвыборных соображений — агрессия США в Ираке была крайне непопулярна в Германии, и ее осуждение добавляло Шрёдеру предвыборных

очков. Но факт остается фактом — Федеративная Республика Германия образовала вместе с Россией и Францией достаточно неожиданную по своему составу коалицию противников американского вторжения в Ирак.

С началом «эпохи Меркель» в 2005 году внешняя политика ФРГ стала более сдержанной. Учет геополитических интересов Германии, во многом благодаря усилиям «бундесканцлерин», достаточно органично сочетался с ценностным подходом [3].

В 2008 году Германия на бухарестском саммите НАТО вместе с Францией возглавила шестерку стран-участниц, заблокировавших присоединение Грузии и Украины к Плану действий по подготовке к членству (ПДЧ) в НАТО [2]. Это решение учитывало интересы безопасности не только Российской Федерации, но и всех европейских стран и было проявлением геополитического подхода в немецкой внешней политике.

В то же время в 2001–2021 годах в Афганистане наряду с войсками других стран НАТО находился немецкий военный контингент. Говорить о наличии серьезных геополитических интересов Германии в этом регионе не приходится. Поэтому вся миссия, закончившаяся полным фиаско как для Германии, так и для других стран НАТО, была нацелена на выполнение союзнического долга.

Особо следует отметить особенности формирования внешней политики ФРГ в период президентства Д. Трампа. В эти годы подчеркнутая ориентация США на соблюдение своих геополитических интересов, невзирая на европейских союзников, нанесла ущерб ценностному подходу среди стран Запада в целом и в ФРГ в частности. Отчасти этим объясняется позиция Германии по вопросу строительства второй очереди газопровода «Северный поток» – несмотря на критику со стороны союзников, правительство ФРГ на протяжении длительного времени настаивало на исключительно коммерческом характере данного проекта.

Таким образом, на протяжении 30 лет после объединения Германии внешняя политика ФРГ сохраняла черты как ценностного, так и геополитического подходов. Изменение соотношения данных подходов в пользу геополитической составляющей определялось как постепенным повышением уровня политической субъектности ФРГ, так и ростом ее экономического потенциала. Ценностная составляющая сохранялась на обще-

национальном уровне и проявлялась в следовании в целом в фарватере внешней политики США и соответствии решениям, принимаемым в рамках НАТО и Евросоюза. В этот период времени во главе правительства находились сменявшие друг друга и определявшие основные направления внешней политики ФРГ наиболее авторитетные и имеющие электоральную поддержку в разных социальных слоях и группах партии, которые в Германии называют народными, — СДПГ и консервативный блок правоцентристских политических партий в Германии, включающий в себя Христианско-демократический союз Германии (ХДС) и Христианско-социальный союз (ХСС) в Баварии. Они придерживались в целом сбалансированного подхода, учитывавшего и геополитические интересы Германии, и весь комплекс обязательств в рамках коалиции стран коллективного Запада.

***Сочетание геополитического и ценностного подходов
во внешней политике «светофорной коалиции»
(2021–2024 гг.)***

У ныне действующей в ФРГ правящей коалиции, которую называют «светофорной» в соответствии с официальным цветом входящих в ее состав политических партий, есть по сравнению с предыдущими составами кабинета министров отличительная особенность в решении ключевых вопросов внешней политики. Как известно, в соответствии с действующим законодательством и сложившейся политической практикой основные приоритеты внешней политики ФРГ определяются федеральным канцлером. Вторым лицом во внешнеполитической иерархии является министр иностранных дел. Этот пост занимает одна из лидеров Партии зеленых А. Бербок. Используя свое должностное положение, она пытается навязать германскому обществу во внешнеполитической сфере леволиберальную ценностную повестку этой партии. Ей оппонирует канцлер О. Шольц, представляющий СДПГ. Ему в отличие от А. Бербок удастся в большей степени учитывать геополитические интересы Германии.

Начало работы правящей коалиции фактически совпало с резким обострением геополитического противостояния между Россией и коллективным Западом в феврале 2022 года. В связи с этим произошла консолидация западных стран, их сплочение

вокруг США. Данное обстоятельство объективно означало для ФРГ сокращение потенциального пространства для принятия самостоятельных решений в области внешней политики, а значит, для отстаивания своих геополитических интересов.

Консолидация европейских членов НАТО вокруг США стала свидетельством усиления ценностного подхода в их внешней политике. При этом для самих Соединенных Штатов этот подход, наоборот, скорее стал инструментом реализации их геополитических интересов. Они состояли, прежде всего, в укреплении лидерства США среди стран Запада после нескольких лет президентства Д. Трампа с его откровенно пренебрежительным отношением к европейским союзникам.

Из трех партий правящей в ФРГ коалиции ценностный подход и во внутренней, и во внешней политике в наибольшей степени присущ Партии зеленых. Во внешнеполитической сфере попытки А. Бербок следовать этому подходу нельзя назвать безукоризненными. Она постоянно сталкивается с необходимостью идти на компромиссы, что вызывает критику и в рядах ее собственной партии, и в СМИ, и в экспертном сообществе. Так, в конце 2022 года, объясняя делегатам съезда Партии зеленых свое решение поддержать экспорт военной техники в Саудовскую Аравию, в страну, которая, по мнению членов партии, далека от ценностей либеральной демократии, Анналена Бербок заявила, что полученные от экспорта средства будут использованы в том числе и для решения социальных вопросов в Германии [8].

Летом 2024 года Анналена Бербок поддержала планы США о размещении на территории Германии нацеленных на Россию американских ракет средней дальности [13]. Это решение является признаком серьезных изменений в идеологии Партии зеленых. По сути, «зеленые» отказываются от принципов пацифизма, на протяжении нескольких десятилетий составлявших основу их мировоззрения, и заявляют о безусловном приоритете принципов внутриблоковой солидарности.

Полностью поддерживая американский курс на противостояние Китаю, министр иностранных дел ФРГ А. Бербок постоянно подчеркивает необходимость сокращения зависимости Германии от КНР по идеологическим соображениям. «Германия знает, что происходит, когда мы впадаем в большую зависимость

от страны, которая не разделяет наших ценностей», — заявляет она с намеком на Россию [7].

Приверженность ценностному подходу во внешней политике ФРГ особенно ярко проявилась в последние годы как раз на российском направлении. Здесь основным оппонентом А. Бербок в немецком правительстве выступает канцлер О. Шольц, который, понимая, что в новых условиях у ФРГ уже не может быть особых, отличающихся от диктуемых США приоритетов в отношениях с Россией, в то же время пытается, с одной стороны, предотвратить втягивание Германии в украинский конфликт, а с другой стороны, минимизировать ущерб для немецкого бизнеса от сокращения торговых отношений с Российской Федерацией.

Отношение к России Партии зеленых в целом и А. Бербок в частности окрашено в черно-белые тона. В опубликованной летом 2023 года Стратегии национальной безопасности ФРГ, разрабатывавшейся под ее руководством, все точки над *i* расставлены абсолютно четко. В тексте отмечается, что Россия сегодня представляет главную угрозу для безопасности ФРГ, торговое сотрудничество с ней должно быть сведено к минимуму, потому что за импортируемое из Российской Федерации голубое топливо Германии пришлось расплачиваться собственной безопасностью [1].

Команда А. Бербок в Министерстве иностранных дел ФРГ считает предметом собственной гордости усилия главы ведомства, которая на протяжении более двух лет пытается вернуть доверие европейских партнеров к немецкой политике на российском направлении [17]. Надо понимать, что это доверие было безнадежно подорвано в течение десятилетий особых отношений между нашими странами, архитекторами которых с немецкой стороны были СДПГ и блок ХДС/ХСС.

Складывается впечатление, что для Партии зеленых победа ее идеологии, элементом которой является ценностный подход в том числе и в сфере внешней политики, представляется абсолютным приоритетом, ради которого можно пренебречь интересами государства, да и здравым смыслом вообще. Это вызывает сильное напряжение в отношениях партнеров по коалиции, СДПГ и «зеленых». В исключительных случаях оно прорывается наружу. Так, в начале 2023 года во время выступления на сессии ПАСЕ

А. Бербок заявила о том, что страны Европы «ведут войну против России, а не друг против друга». Находившийся в это время в поездке по странам Латинской Америки О. Шольц был вынужден сразу поправить своего министра [9].

Если руководство обеих партий пытается вести себя сдержанно, то рядовые члены фракции Партии зеленых в бундестаге нарушают нормы этикета. Так, А. Хофрайтер публично обвинил правительство О. Шольца в оказании скрытой поддержки России, заявив, что федеральное правительство специально минимизирует помощь Украине, чтобы вынудить эту страну сесть за стол переговоров и отказаться от части своей территории [15].

Заидеологизированный подход Партии зеленых к формированию основных направлений внешней политики не пользуется поддержкой большинства населения ФРГ. Социологические опросы показывают усталость немцев от продолжающегося конфликта на Украине, их опасения по поводу возможного втягивания Германии в боевые действия и применения Россией тактического ядерного оружия [20]. Это обстоятельство учитывает более опытное руководство СДПГ, демонстрируя готовность, не нарушая союзнических обязательств, в то же время полностью исключить участие бундесвера в украинском конфликте, не провоцировать Россию непродуманными шагами и по возможности способствовать замораживанию боевых действий с последующим выходом на переговоры.

Еще одним важным направлением столкновения ценностного и геополитического подходов во внешней политике ФРГ во время работы «светофорной коалиции» стали германо-китайские отношения. Фундаментом этих отношений на протяжении многих лет были тесные экономические связи между двумя странами — с 2016 по 2023 год. Китай был основным внешнеторговым партнером для Германии. И только в начале 2024 года США сместили его с этой позиции [18].

После начала бурного экономического роста в Китайской Народной Республике в 90-е годы прошлого века экономические модели ФРГ и КНР взаимно дополняли друг друга, и это способствовало сближению двух стран. Германия экспортировала в Поднебесную преимущественно продукцию машиностроения и химической промышленности, а Китай поставлял на немец-

кий рынок недорогие потребительские товары и электронику. В 2004 году стороны заявили о «партнерских отношениях с глобальной ответственностью», а в 2014 году — о «всеветорном стратегическом партнерстве» [6]. Выстраивая стратегическое партнерство с КНР, Германия проводила политику одного Китая, минимизируя свои связи с Тайванем. Но затем правительство ФРГ серьезно обеспокоилось проникновением китайского капитала в чувствительные с технологической точки зрения отрасли немецкой промышленности и ввело ряд ограничений.

Комплексная оценка состояния германо-китайских отношений была предпринята в рамках впервые принятой в ФРГ в 2023 году Стратегии по отношению к Китаю. КНР в этом документе в зависимости от сфер взаимодействия названа одновременно партнером, конкурентом и системным противником [10]. В документе говорится, что Германия не стремится к разрыву отношений с Китаем, но хочет снизить риски сотрудничества с ним.

Этот пункт документа является ключевым, и здесь происходит столкновение ценностного и геополитического подходов к перспективам развития отношений с Китаем. С одной стороны, канцлер О. Шольц под влиянием немецкого промышленного лобби стремится в ходе своих визитов в КНР не нагнетать обстановку и добиваться максимальных преференций для немецких фирм на сложном китайском рынке. С другой стороны, он старается минимизировать экономические санкции ЕС в отношении китайского импорта в страны Евросоюза. В июне 2024 года Шольц предложил Еврокомиссии снизить размер пошлин на ввозимые из КНР электромобили с 38% до 15% и таким образом не дискриминировать китайских производителей [16], опасаясь ответных мер китайской стороны по отношению к немецким автомобилестроителям. И эти опасения с учетом многомиллиардных немецких инвестиций в китайскую экономику имеют обоснованный характер.

Например, для концерна «Фольксваген» китайский рынок сбыта трудно переоценить — в 2023 году здесь было продано более 3 млн автомобилей этой марки [11]. Руководство концерна не увидело больших проблем в том, чтобы проинвестировать создание крупного производства в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР — регионе, к соблюдению прав мусульманского населения в котором у немецких правозащитников есть серьез-

ные претензии [12]. Да и в целом немецкие производители, несмотря на всё больше сгущающиеся тучи в германо-китайских отношениях, продолжают рассматривать КНР как важнейший рынок сбыта своей продукции — по этой причине за первые семь месяцев 2024 года по сравнению с аналогичным периодом прошлого года немецкие инвестиции в экономику Поднебесной увеличились более чем на четверть [5].

Совершенно другой подход – у министров из Партии зеленых. А. Бербок с момента вступления в должность главы МИД взяла за правило обличать авторитарный стиль руководства в КНР. Она критикует нарушение прав человека и отсутствие условий для развития гражданского общества в Китае. Официальный Пекин болезненно воспринимает подобного рода критику и заявляет в ответ, что Китай меньше всего нуждается в западных учителях и что в мире отсутствуют единые стандарты прав человека [19].

Под влиянием другого представителя партии в правительстве, вице-канцлера Р. Хабек, поставлено на паузу разрешение о продаже китайским инвесторам производства газовых турбин компании MAN Energy Solutions. Причина — возможная связь покупателя с китайским ВПК [11].

На сегодняшний день у Партии зеленых не хватает влияния для серьезной смены курса ФРГ на китайском направлении. Пока официальный Берлин продолжает придерживаться политики одного Китая. Возможные изменения в будущем уже сегодня вызывают серьезное беспокойство немецкого бизнес-сообщества. Если в случае с Россией предприниматели в знак солидарности с Западом в основном не поднимали вопрос о компенсации ущерба в связи с разрывом экономических связей с Российской Федерацией, то подобное развитие событий на китайском направлении может приобрести совершенно иные масштабы и правительству ФРГ придется столкнуться с мощным давлением со стороны предпринимательского сообщества.

Следует отметить, что как у ФРГ, так и у ЕС в целом потенциал ценностной политики на китайском направлении серьезно ограничен экономическим инструментарием. Политическое давление на Китай абсолютно контрпродуктивно. Геополитический подход, который состоит в отстаивании собственных интересов при учете интересов противоположной стороны и прекращении

попыток воспитывать китайских товарищей, мог бы быть гораздо более эффективным.

Заключение

Источник ценностного подхода — ощущение странами коллективного Запада в целом и Федеративной Республикой Германия в частности своего морального превосходства над остальным миром, своего рода головокружение от успехов. Ценностный подход, по сути, тормозит сотрудничество между странами, принадлежащими к разным геополитическим лагерям. Он заметно снижает эффективность международного сотрудничества. Более того, он дорого обходится практикующим его государствам. Использование санкций, разрыв торговых связей — это обоюдоострое оружие. Применение ценностного подхода во внешней политике странами коллективного Запада имеет и негативные экономические последствия глобального масштаба. Данный подход ускоряет процессы деглобализации. В результате за использование подобного инструментария приходится платить снижением темпов экономического роста и уровня жизни населения. В Германии понимание этих очевидных фактов есть не только у части экспертного сообщества и СМИ, но и у руководства народных партий ФРГ — СДПГ и блока ХДС/ХСС.

Соединенные Штаты Америки, прикрываясь необходимостью противостоять странам незападного мира, продолжают жестко отстаивать свои национальные интересы в отношениях с союзниками. В Германии это обстоятельство не остается незамеченным и вызывает серьезные опасения, которые дополнительно подогреваются возможным ужесточением внешнеполитического курса США по итогам президентских выборов 2024 года.

Следует полагать, что ценностный подход будет существовать еще длительный период времени и оказывать заметное влияние на формирование внешнеполитического курса ФРГ. Среди парламентских партий его основным сторонником в силу своего генезиса и особенностей электоральной базы будет по-прежнему оставаться Партия зеленых. Однако степень поддержки такого подхода со стороны ведущих политических сил Германии по мере нарастания комплекса проблем как внутривнутриполитического, так и внешнеполитического характера будет уменьшаться.

Литература

1. Белозёров В.К. Германия конструирует стратегическую культуру // Россия в глобальной политике. 2023. — Т. 21. — № 5. — С. 166–177.
2. Канинская Г.Н. Париж и НАТО. — URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1592> (дата обращения: 20.08.2024).
3. Павлов Н.В. Жизнь после Меркель: что будет с внешней политикой Германии? — URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/zhizn-posle-merkel-chto-budet-s-vneshney-politikoju-germanii/> (дата обращения: 10.08.2024).
4. Петросян Д.В. Внешнеполитические установки Федеративной Республики Германии в постбиполярном мире. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepoliticheskie-ustanovki-federativnoy-respubliki-germanii-v-postbipolyarnom-mire> (дата обращения: 07.08.2024).
5. Стрельникова М. Китай столкнулся с резким оттоком иностранных инвестиций. — 17.08.2024. — URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2024/08/17/23710963.shtml> (дата обращения: 20.08.2024).
6. Цвык А.В. Стратегическое партнерство Германии и Китая на современном этапе: Актуальные проблемы и новые возможности. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-partnerstvo-germanii-i-kitaya-na-sovremennom-etape-aktualnye-problemy-i-novye-vozmozhnosti> (дата обращения: 05.08.2024).
7. Annalena Baerbock warnt vor zu grosser Abhängigkeit von China. — 04.01.2023. — URL: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2023-01/aussenministerin-annalena-baerbock-china-gefahr-wirtschaft> (accessed: 01.02.2024).
8. Arnspurger M. Zwei Parteitags-Szenen lassen an der Moral der Grünen zweifeln. — 16.10.2022. — URL: https://www.focus.de/politik/deutschland/zwei-parteitags-szenen-lassen-an-der-moral-der-gruenen-zweifeln_id_165817382.html (accessed: 19.08.2024).
9. Bild: отношения Шольца и главы МИД ФРГ Бербок становятся всё более напряженными. — 30.01.2023. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16914735> (дата обращения: 05.08.2024).
10. China-Strategie. — URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/2608578/810fdade376b1467f20bdb697b2acd58/china-strategie-data.pdf> (accessed: 12.08.2024).
11. Fritz M. Vor Habeck-Ankunft sendet Peking eindeutige Warnung an den Grünen-Minister. — 19.06.2024. — URL: https://www.focus.de/finanzen/news/wirtschaftsminister-habeck-auf-heikler-china-mission_id_260063048.html (accessed: 24.06.2024).
12. Görlach A. Keine Zeitenwende: wie Deutschland immer tiefer in fatale China-Abhängigkeit gerät. — 23.12.2022. — URL: https://www.focus.de/politik/ausland/keine-zeitenwende-wie-deutschland-immer-tiefer-in-fatale-china-abhaengigkeit-geraet_id_181092829.html (accessed: 20.08.2024).
13. Reitz U. Baerbock und Scholz fühlen sich mächtig wichtig — die echten Deals machen andere. — 06.08.2024. — URL: https://www.focus.de/politik/ausland/ukraine-krise/analyse-von-ulrich-reitz-scholz-und-baerbock-fuehlen-sich-maechtig-wichtig-die-echten-deals-machen-andere_id_260199256.html (accessed: 14.08.2024).
14. Rödder A., Knautz B. Wie kann Deutschland in Europa führen, ohne seine Nachbarn zu ängstigen? // Interessen, Werte, Verantwortung. Deutsche Außenpolitik zwischen Nationalstaat, Europa und dem Westen — Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh. — 2019. — S. 103–117.
15. Scholz arbeitet für Putin? Grünen-Aussage macht sogar Russland-Experten fassungslos. — 21.05.2024. — URL: https://www.focus.de/politik/ausland/ukraine-krise/das-ist-kaum-zu-glauben-scholz-arbeitet-fuer-putin-gruenen-aussage-macht-sogar-russland-experten-fassungslos_id_259960498.html (accessed: 24.05.2024).
16. Scholz soll Kompromissvorschlag zu Elektroautozöllen vorgelegt haben. — 27.06.2024. — URL: <https://www.zeit.de/wirtschaft/2024-06/scholz-olaf-eu-kommission-zoelle-elektroautos-handelsstreit> (accessed: 04.07.2024).
17. Streit in Bundesregierung bremst neue Russland-Sanktionen der EU aus. — 14.06.2024. — URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2024-06/russland-sanktionen-streit-bundesregierung-auswaertiges-amt-kanzleramt> (accessed: 18.06.2024).

18. USA überholen China als wichtigsten Handelspartner Deutschlands. — 09.05.2024. — URL: <https://www.zeit.de/wirtschaft/2024-05/handelspartner-deutschland-china-usa-konjunktur> (accessed: 04.06.2024).
19. Was China am wenigsten braucht, ist ein Lehrmeister aus dem Westen. — 14.04.2023. — URL: <https://www.zeit.de/politik/ausland/2023-04/taiwan-annalena-baerbock-china-eskalation> (accessed: 14.02.2024).
20. *Ziems D.* Deutschland-Psychogramm enthüllt, was Deutsche wirklich über Putins Krieg denken. — 02.04.2024. — URL: https://www.focus.de/politik/ausland/ukraine-krise/deutschland-psychogramm-wie-scholz-die-gedankliche-flucht-der-deutschen-vor-putins-krieg-triggert_id_259817141.html (accessed: 14.04.2024).

Доброва Ольга Андреевна,

соискатель,

Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Olga A. Dobrova,

Post graduate student,

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: olga_marmya@mail.ru

ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ РЕСПУБЛИКИ БОЛГАРИЯ И РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ МАКЕДОНИЯ

THE FACTOR OF NATIONAL IDENTITY IN MODERN RELATIONS BETWEEN THE REPUBLIC OF BULGARIA AND THE REPUBLIC OF NORTH MACEDONIA

Аннотация: пересмотр Сан-Стефанского мирного договора западными державами и заключенный впоследствии Берлинский трактат не позволили в полной мере создать государственную самостоятельность Болгарии, создав тем самым «македонский вопрос». Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Болгарией и Северной Македонией 2017 года, подготовка которого длилась 18 лет, формально закрепив новый этап отношений в условиях европейской интеграции, не разрешил разногласия между Скопье и Софией. Политический реванш Болгарии за историческую несправедливость положил начало переговорному процессу по неурегулированным спорам в вопросах общей истории, языка и культуры двух стран. Несмотря на существование общего прошлого, малые полиэтнические государства Болгария и Северная Македония в современных двусторонних отношениях демонстрируют наличие исторических, лингвистических и культурных различий, пытаясь утвердить и отстоять свою национальную идентичность.

Ключевые слова: национальная идентичность, конфликтная самоидентификация, болгарское меньшинство, Северная Македония, македонский вопрос, македонская идентичность, македонский язык.

Abstract: the revision of the San Stefano Peace Treaty by the Western Powers and the subsequent Berlin Treaty did not allow Bulgaria to fully establish state independence, thereby creating the “Macedonian question”. The 2017 Treaty of Friendship, Good-Neighborliness and Cooperation between Bulgaria and Northern Macedonia, the preparation of which lasted 18 years, formally consolidating a new stage of relations in the context of European integration, did not end the differences between Skopje and Sofia. Bulgaria’s political revenge for historical injustice marked the beginning of the negotiation process on unresolved disputes over the common history, language and culture of the two countries. Despite the existence of a common past, the small multiethnic states of Bulgaria and North Macedonia in modern bilateral relations demonstrate the presence of historical, linguistic and cultural differences, trying to assert and defend their national identity.

Key words: national identity, conflicting self-identification, Bulgarian minority, North Macedonia, Macedonian question, Macedonian identity, Macedonian language.

Формирование национальной идентичности Болгарии

Воссозданная в XIX веке государственность Болгарии (как и других постосманских стран) получила мультиэтническое, мультиконфессиональное многообразное наследие от Османской империи. В новообразованном государстве проживало большое количество этнических и религиозных общностей, со своими церквями и школами. С получением независимости Болгария начала активно создавать национальные институты и формировать новое славянское национальное самосознание. Именно созданные болгарскими просветителями XVIII–XIX веков болгарская школа, болгарский литературный язык и государство начинают восстанавливать изначальную историческую славяно-болгарскую национальную идентичность [3], по сути, на базе актуализации противопоставления «Мы – Они» [2]. Причем в соответствующей интерпретации: «славяно-болгары болгарской православной церкви» и «все другие культурно-языковые и религиозные группы, пусть и с давних пор соседствующие». Более того, образ «Они», как правило, был отрицательный, а то и враждебный, что приводило к различного рода конфликтам. Особенно это относилось к населению исламской и тюркоязычной групп. По сути, речь шла об историческом реванше за годы 500-летнего Османского ига.

Воссоздание национальной идентичности и болгарской государственности сопровождалось также стихийным переселением, принуждаемым обменом соответствующих групп населения и даже натурализацией с целью способствовать этнической гомогенизации общества.

Со временем школы теперь уже чужих народов, или меньшинств, становились частными с обязательным изучением болгарского языка, а затем и эти школы закрывались, даже болгароязычные. В 1948 году закрылись все «чужие» школы независимо от того, о какой этнической, языковой и религиозной инаковости идет речь [1].

Все перипетии и издержки строительства суверенного болгарского государства и сложности процессов национальной интеграции периодически актуализировались и находили свое неоднократное проявление в отношениях Болгарии с соседними государствами и народами в тот или иной период истории,

в частности в стремлении утвердить свою историческую, культурную и пространственную национальную идентичность.

Источниками проблем становления взаимоотношений Республики Болгарии с новообразованным государством Северной Македонией во многом являлись как вся история отношений Болгарии с соседними государствами, так и вариативность славянского этногенеза, которая проистекала из тех разнообразных этнокультурных [27] и политических процессов на Балканах и в мире [19], когда образовывались и исчезали государства и региональные империи. В результате этого в разный исторический период образовались с доминирующим славяноязычным православным населением Болгария и Северная Македония как малые полиэтнические государства, имеющие общее прошлое и позиционирующие себя независимыми друг от друга [25], демонстрируя тем самым наличие так называемого комплекса малых различий. Они описаны психологом Эрихом Фроммом в его работе «Анатомия человеческой деструктивности» [26] и рядом других исследователей и обращают внимание на тот факт, что самые глубокие конфликты возникают между этническими группами и государствами, максимально похожими друг на друга и живущими по соседству. На Балканах таковыми являются также все славяноязычные народы и государства.

Малые различия и наличие большого общего аспекта между болгарами и македонцами повышают уровень конкуренции в самоутверждении по отношению друг к другу и к внешней среде. Свое воздействие на формирование македонской идентичности на рубеже XIX–XX веков оказывали соседние государства — Греция, Болгария и Сербия, рассматривая с соответствующим обоснованием территории Македонии как объект своих притязаний, поддерживая соответствующее протестное движение. Кроме того, каждое из этих государств стремилось получить поддержку от внешних сил, имеющих интересы в этом регионе.

Как представляется, всё это проявляется и в непростых отношениях между Болгарией и Северной Македонией.

Македонский вопрос

Говоря о современном диалоге Болгарии и Северной Македонии, необходимо учитывать историю македонского вопроса как

такового и его интерпретацию непосредственно в Болгарии [18]. В результате распада Османской империи части территории исторической эллинистической Македонии (Эгейская, Пиринская, Вардарская) вошли в состав вышеназванных государств в статусе провинций. Причем в социалистическом федеративном государстве СФРЮ Вардарская Македония обрела статус республики с элементами государственности и официально признанным в СФРЮ македонским языком наравне с сербохорватским и словенским. Хотя в самой Сербии утверждали, что в Македонии используется восточный диалект сербского языка.

Ситуация изменилась с распадом биполярной системы международных отношений и дезинтеграцией югославской федерации: республика Македония вышла из федерации и провозгласила свою независимость, приступив, как и другие югославские республики, к строительству суверенного национального государства.

Память о межэтнических, межконфессиональных конфликтах в этом субрегионе по-прежнему сохранялась, а попытки одного государства по-разному интерпретировать общее прошлое или историю другого воспринимались, скорее, не как реальные притязания на территорию, а как предъявление своих прав на национальную самоидентификацию и способ дипломатического давления с какой-то определенной целью. Основными темами, обострявшими отношения между Болгарией и Северной Македонией, являлись: вопрос о самостоятельности македонского языка и вопрос о «точке отсчета» македонской истории и преемственности к прошлому.

Русско-турецкая война, закончившаяся в 1878 году, ознаменовала победу Российской империи. Сан-Стефанский мирный договор между Россией и Турцией предусматривал воссоздание болгарской государственности с территорией, сопоставимой с территорией ранне-средневекового Болгарского царства, «государства, в состав которого должна была войти вся историческая Македония, то есть Пиринская (современная Благоевградская область Болгарии), Вардарская (современная Республика Северная Македония) и Эгейская (три периферии в составе Греции)» [10] со славяноязычным населением.

В Болгарии существовало мнение, нашедшее отражение в различных публикациях по истории македонского вопроса, что

согласно культурным и лингвистическим аспектам данное решение представлялось наиболее разумным, так как большинство жителей исторической Македонии говорили на болгарском языке (или его диалекте) [26]. Однако политически данная точка зрения при соответствующей исторической правде и чаяниях угнетенного болгарского народа означала усиление влияния Российской империи на Балканах и выход ее к черноморским проливам, что было неприемлемо для Англии и Австро-Венгрии.

В 1878 году состоявшаяся Берлинская конференция пересмотрела русско-турецкие соглашения в Сан-Стефано. По подписанному трактату желаемая болгарским народом самостоятельность и государственность были ограничены: Болгария провозглашалась вассальным княжеством, находившимся в зависимости от Турции с ограниченной территорией (часть нынешней территории страны). Территория Восточной Румелии, освобожденная русской армией, с болгарским населением возвращалась Турции. А собственно Македония, основную массу населения которой составляли славянские группы, говорившие на диалектах, близких к болгарскому языку, по-прежнему оставалась под Турцией. Решения Берлинской конференции в Болгарии были приняты как несправедливые и считаются таковыми по сей день. В Македонии вспыхивали восстания против турецкого господства. По прошествии семи лет Восточная Румелия воссоединилась с Болгарией, но освобождение Македонии Болгарией не произошло.

В ходе Первой Балканской войны (1912–1913 гг.) балканских государств против Турции Болгария (в союзе с Грецией и Сербией) хотела присоединить к себе значительную часть Македонии и выйти на берега «Бяло морето» (Эгейское море). Но в ходе Первой Балканской войны греки и сербы захватили большую часть Македонии. Болгария получила лишь только часть территорий исторической Македонии, остальное перешло Греции и Сербии. София не могла согласиться с этим, что и мотивировало ее попытки взять реванш. Так возник македонский вопрос.

Восстановить историческую справедливость в решении македонского вопроса Болгарии не удалось ни в период Второй Балканской войны против Турции, Сербии и Греции, ни во время последующих двух мировых войн.

В конце Второй мировой войны пришедшая к власти в Болгарии Коммунистическая партия переориентировала государство на Советский Союз, который стал спонсором и гарантом безопасности страны. С этого момента македонский вопрос приобрел идеологический акцент, и предпринимались попытки его решить с созданием федерации по примеру советской модели.

До советско-югославского конфликта 1948 года Болгария готова была признать существование македонской нации в статусе республики в составе федеративной Югославии, а также проект Сталина – Тито по созданию Балканской Федерации при доминирующей роли Югославии, которая объединила бы все три части Македонии. Это, как представлялось, дало бы возможность СССР получить выход в Средиземноморье в обход черноморских проливов, а значит, позволило бы СССР получить контроль над восточным районом Средиземноморского региона. В 1947 году на встречах в Варне и Бледе югославские и болгарские лидеры приняли решение об объединении югославской Варданской и болгарской Пиринской частей Македонии [19] как возможной базы для потенциальных притязаний и на греческую часть Македонии [26], чтобы получить выход к Эгейскому морю. Однако советско-югославские противоречия и конфликт 1948 года не позволили осуществить задуманное, и политическая элита Болгарии стала активно отрицать существование македонской нации, заявляя, что македонцы и болгары — это один народ.

Стоит отметить, что 15 января 1992 года Болгария первой признала независимость Республики Македония под ее конституциональным именем, стараясь предотвратить возможное поглощение нового постсоциалистического независимого государства Югославией, в то же время отвергая вопрос о национальных правах македонцев и по-прежнему отрицая существование македонского языка и македонского меньшинства в Болгарии. В результате болгаро-македонские двусторонние отношения ухудшались, что не отвечало интересам НАТО и ЕС. Соответственно, это нашло свое проявление в озвученных этими структурами условиях вступления Болгарии и Македонии в эти объединения и предоставлении финансовой поддержки двум государствам.

Скопье: между македонской идентичностью и европейским будущим

Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Болгарией и Северной Македонией, призванный стать новой вехой в отношениях двух стран, был заключен в августе 2017 года. В январе 2018 года документ был ратифицирован парламентами обеих республик. Согласно договору София и Скопье отказываются от взаимных территориальных претензий, обязуются не предпринимать и не поддерживать действий, направленных против другой стороны, а также принимать меры по предотвращению злонамеренной пропаганды и деятельности, способной нанести вред двусторонним отношениям. В документе Болгария выражает также поддержку намерениям Македонии по вступлению в Европейский союз и НАТО. Одновременно с этим стороны договорились о создании специальной экспертной комиссии с участием представителей двух стран, которая должна заняться разрешением спорных исторических вопросов, а также совместным пересмотром школьных программ по истории.

В период своего председательства в Совете ЕС в 2018 году Болгария одной из основных целей ставила европейское развитие Западных Балкан. В Софии в этот же период был организован форум с участием лидеров глав государств — членов ЕС и Западных Балкан.

9 октября 2019 года болгарское правительство объявило о своей позиции в связи с началом переговоров между Европейским союзом и Республикой Северной Македонией, а днем позже Национальное собрание выпустило также заявление по этому вопросу. Болгарское правительство выдвинуло следующие условия поддержки македонского членства в ЕС: прекращение языка ненависти к Болгарии и болгарам, признание результатов работы Исторической комиссии и исторической правды, прекращение притязаний Скопье на наличие македонского меньшинства в Болгарии. Национальное собрание призвало власти Северной Македонии реабилитировать жертв и репрессированных югославским коммунистическим режимом и всех тех, кого преследуют за их болгарскую идентичность, придерживаться положения об официальном языке Северной Македонии и в полной мере выполнять соглашения, достигнутые в рамках Совместной многосторонней

комиссии. Болгарская сторона высказала также пожелание, чтобы результаты работы Комиссии были соответствующим образом отражены в учебных программах и материалах по истории Болгарии и Македонии как можно скорее. К декларации добавлена также просьба о восстановлении болгарских военных кладбищ в Северной Македонии времен оккупации болгарской армией ряда территорий Македонии в ходе Второй мировой войны [11].

В ответ бывший премьер-министр Македонии Зоран Заев заявил, что «выполнение соглашения является обязанностью обеих сторон и... мы продолжим находить решения с дружественной Болгарией» [15]. В конце сентября 2019 года бывший заместитель премьер-министра и министр обороны Красимир Каракачанов заявил, что Болгария всегда занимала принципиальную позицию в поддержке Македонии, как с точки зрения евроатлантической интеграции, так и с точки зрения ее социально-политической стабильности и целостности территории. Эта поддержка всегда была очевидной, но она связана также с тем, «какую политику в отношении Болгарии проводят в соседней Македонии и соответствует ли она принципам добрососедства ЕС и, прежде всего, национальным интересам Болгарии» [18].

В итоге Болгария поддержала начало переговоров о европейской интеграции Северной Македонии, полагаясь на то, что в ходе переговоров София будет иметь достаточно возможностей для обеспечения соблюдения своих условий перед македонцами.

В начале апреля 2019 года член болгарско-македонской экспертной комиссии профессор Ангел Димитров объявил, что София и Скопье почти не достигли прогресса в переговорах по спорным моментам в общей истории [9].)

Вызывали споры интерпретация македонскими учебниками отдельных и знаковых для обоих государств страниц истории Балкан и в целом Македонии, в частности прибытие апостола Павла на Балканы и его послание первым христианским общинам в Филиппах и Салониках, и вопрос национальной принадлежности авторов славянской письменности Кирилла и Мефодия и других исторических персоналий.

Кроме того, по словам профессора Димитрова, София возражала также против недостаточной точности использования

исторических карт в македонских учебниках, что могло бы стать основанием к потенциальным территориальным спорам или создавать напряженность в отношениях двух государств.

В 2018–2019 годах в парламенте Северной Македонии постоянно раздавалась критика правительства за неумение отстаивать македонскую идентичность, что осложняло двусторонние отношения. Предметом разногласий являлись значимые вопросы о государственном языке Северной Македонии, а также об общей истории двух стран.

Проблема македонского языка приобрела новую актуальность после публикации и презентации Болгарской академией наук книги «Об официальном языке Республики Северная Македония». По заявлению Болгарской академии наук (БАН), официальный язык Македонии является вариантом болгарского языка [5]. По мнению ученых БАН, «македонский язык по сути своей остается юго-западной письменно-региональной нормой болгарского языка, а не отдельным языком». Специалисты отмечают, что «исторические данные и результаты многочисленных научных исследований дают основания для утверждений, что язык в Республике Северная Македония не отличается от болгарского» [5]. Тот факт, что официальная письменная норма является диалектом болгарского языка и будет таковым признана, не мешает ему выполнять функцию государственного языка, языка образования и литературы в Северной Македонии. В поддержку своего мнения авторская группа выдвигает ряд аргументов лингвистического, исторического и культурного характера, которые основаны на результатах многочисленных научных исследований. Доктор Анна Кочева из Института болгарского языка БАН предложила называть язык Северной Македонии северно-македонским болгарским [12].

Ученые подчеркивают, что это не означает, что Болгария предъявляет территориальные претензии к той или иной стране, так же как на немецком говорят в Германии, Австрии и Швейцарии, и никто не говорит на австрийском или швейцарском языках. Тот факт, что в Северной Македонии говорят на болгарском, по мнению ученых, не означает, что македонцы — болгары. Поэтому Академия наук Болгарии определяет официальный язык Северной Македонии как северно-македонский болгарский.

Ученые призывают также к строгой приверженности объективной научной истине без политизации [12].

Однако, по словам ученых из Северной Македонии, македонский — это отдельный самостоятельный язык. После того как представители Болгарской академии наук выпустили сборник «О государственном языке Республики Северная Македония», Президент Болгарии Румен Радев высоко оценил вклад научного общества Болгарии в защиту болгарского языка и исторической правды и отметил, что поддержка евроинтеграции Северной Македонии не может осуществляться за счет болгарской истории и языка.

Македонская сторона посчитала выпуск сборника и заключения БАН научно необоснованными. Бывший премьер-министра Зоран Заев после заявлений болгарской стороны подчеркнул, что «Северная Македония ожидает, что Болгария будет оставаться искренним другом», и надеется на разрешение двусторонних споров. На встрече лидеров стран ЕС и Западных Балкан премьер-министр Болгарии в то время Бойко Борисов поддержал европейский путь Скопье, но отметил, что страна готова отреагировать в переговорном процессе, если спорные исторические вопросы не будут решены [7].

Однако Президент Северной Македонии и правительство заявили, что они не готовы ни к каким переговорам по вопросам, затрагивающим идентичность их страны, включая язык. В Софии же еще раз подтвердили свою позицию, что отвергают претензии Скопье на самостоятельность «македонского языка» в стране и переписывание общей истории. Как заявил вице-президент БАН профессор Васил Николов в интервью ВТV, «язык, на котором говорят в Северной Македонии, является письменной региональной нормой болгарского языка. Македонского языка не существует» [23]. А Президент Болгарии Р. Радев подчеркнул, как мы упоминали, что «поддержка европейской интеграции Северной Македонии не может осуществляться за счет болгарской истории и языка» [23]. В то же время ни исследователи, ни политики не хотели замечать, что после распада Югославии «распался и сербохорватский язык»: официальными языками стали в Сербии — сербский, в Хорватии — хорватский, а в Черногории и Боснии отказались от сербского языка и появились, соответ-

ственно, черногорский и босанский. Всё это говорит о значимости языка в процессах нациестроительства и утверждения национальной идентичности. То есть все постъюгославские государства посчитали, что государственный язык должен быть тождествен названию государства [29].

В конце апреля 2020 года Бойко Борисов в интервью македонскому телевидению заявил, что «идентичность очень важна для вновь созданного государства, но мы все должны подчиниться» рекомендациям ЕС [13].

Западные державы, в свою очередь, выразили готовность оказать содействие в примирении Болгарии и Северной Македонии на онлайн-саммите ЕС – Западные Балканы, который состоялся в Загребе 6 мая 2020 года. По сообщениям македонских СМИ, лидеры стран – членов ЕС, президенты Европейского совета, Европейского парламента и Европейской комиссии, а также главы государств и правительств Западных Балкан приняли совместную декларацию, в которой подчеркивается безоговорочная поддержка европейской перспективы Западных Балкан.

Со своей стороны, страны Западных Балкан подтвердили свою приверженность европейской перспективе как прочному стратегическому выбору. В Загребской декларации 2020 года ЕС полностью поддерживает приверженность стран Западных Балкан интегрированию регионального сотрудничества и укреплению добрососедских отношений. При этом доброжелательность и ощутимые результаты в реализации соблюдения двусторонних соглашений, в том числе Преспанское соглашение 2019 года Македонии с Грецией и Соглашение о добрососедских отношениях между Республикой Северная Македония и Болгарией, считаются важными, а нахождение и реализация окончательных инклюзивных и обязательных решений должны быть определены в соответствии с международным правом [9].

В начале мая 2020 года бывший президент Северной Македонии Стево Пендаровски предупредил, что его стране не нужен Европейский союз, если цена, которую он заплатит, будет «не быть македонцами, а язык, на котором я говорю, не является македонским». Министр иностранных дел Северной Македонии так же отметил, что Скопье не позволит сделать выбор между македонской идентичностью и европейским будущим [24].

Македонские СМИ после онлайн-саммита Европейского союза и стран Западных Балкан отмечали, что движение Македонии к европейской интеграции становится всё более сложным. Так, вместо продолжения намеченного курса на развитие дружественных добрососедских отношений (в том числе с государствами – членами ЕС) Северная Македония попала в ловушку бесконечных споров с Болгарией, что осложняет евроинтеграцию страны, поскольку Болгария хочет, чтобы Македония отказалась от македонского языка как условия ее поддержки Софией. «Если мы сделаем это, они позволят нам начать переговоры» [8] по вступлению в ЕС, как отмечает в своей статье П. Григоров, а в противном случае Болгария, хотя и соглашается начать переговоры с Македонией, будет использовать другие механизмы и займет другие позиции в ходе этого процесса.

В Софии по-прежнему считают, что славяне-македонцы являются частью болгарского народа, даже после объявления официальной позиции правительства и Национального собрания в отношении «условной» поддержки со стороны Болгарии членства Северной Македонии в ЕС.

Необходимо отметить, что 24 июня 2022 года парламент Болгарии проголосовал за снятие вето на начало переговоров о вступлении Северной Македонии в ЕС. Однако совместная двусторонняя Историческая комиссия, которая должна была прояснить спорные исторические проблемы, так и не достигла результатов. Болгарские политики в течение нескольких месяцев резко реагировали на неспособность совместной Исторической комиссии двух стран прийти к компромиссу. В результате Франция предложила свой вариант урегулирования вопроса. Французское предложение сводилось к следующему: 1) Республика Северная Македония (РСМ) обязуется соблюдать Договор о добрососедстве с Болгарией от 2017 года; 2) Скопье придется изменить свою Конституцию и включить болгар в македонскую Конституцию как государственно-деятельный народ; 3) Северная Македония должна принять план действий, связанный с защитой прав меньшинств; 4) принять меры против языка ненависти. Несмотря на то что в июне 2022 года в парламенте РСМ депутаты оппозиционной партии Внутренняя македонская революционная организация – Демократическая партия за македонское нацио-

нальное единство (ВМРО – ДПМНЕ) сожгли французское предложение, через месяц оно было принято парламентом страны. Вопрос изменения Конституции и признание болгарского меньшинства на сегодняшний день являются основными преградами для начала переговоров о членстве страны в ЕС.

Новоизбранное правительство Северной Македонии, в свою очередь, «выступает за достойное решение». «Мы хотим решения, но не ценой нашей идентичности и ущемленного достоинства. В то же время наша приверженность членству в Европейском союзе неоспорима, как и наша приверженность выполнению критериев. И мы делаем это не для того, чтобы угодить кому-то извне, а для того, чтобы помочь себе изнутри. Но также важно отметить, что этот процесс занимает слишком много времени, с большим количеством препятствий и требований, которые не всегда разумны. Мы будем вести диалог, но с небольшой горечью вспомним, что страны, которые сделали гораздо меньше нас, но не имели политических препятствий в этом отношении, уже являются равноправными членами европейской семьи. Этот интеграционный процесс должен быть улицей с двусторонним движением, на которой будет услышан наш голос. И я верю в решения, продиктованные разумом, а не силой» [16], – заявил премьер-министр Северной Македонии Христиан Мицкоски.

Премьер добавил также, что «мы не можем сделать больше, чем это, потому что мы также должны сохранить немного оставшегося достоинства». Он подчеркнул, что до сих пор РСМ сделала слишком много уступок, «как ни один народ в Европе», несколько раз меняя флаг, герб, банкноты, Конституцию и название. Всё, что могло измениться, чтобы унижить нас как нацию, мы сделали. Я не знаю, что еще нам остается, чтобы быть униженными как народ. И всегда, без исключения, нам говорили только это, и это последнее. Но каким-то образом всегда появляется что-то еще, это никогда не было только этим» [16]. Со своей стороны, Болгария не намерена ставить новые условия на пути РСМ в ЕС, но не допустит отступления от достигнутых договоренностей, первой из которых является включение болгар в Конституцию Северной Македонии. По словам заместителя министра иностранных дел Болгарии Ивана Кондова, Европейская комис-

сия понимает позицию Болгарии, и ни одна страна ЕС не готова согласиться на повторный пересмотр переговорной базы и достигнутого европейского консенсуса.

Новое правительство Северной Македонии во главе с Христаном Мицкоски так же выразило недовольство работой совместной болгаро-македонской Комиссии по историческим и образовательным вопросам. Премьер отметил, что Комиссия «не оправдала ожиданий и не является защитником национальных интересов македонского народа» [17].

В свою очередь, Президент Болгарии Румен Радев в своем поздравлении в 2024 году с Днем Республики, который отмечается в Северной Македонии 2 августа, направил телеграмму Президенту Республики Северная Македония Гордане Силиановской-Давковой, в которой поздравил ее и македонцев с праздником как славной датой общей истории и событий Илинденско-Преображенского восстания. Он подчеркнул, что Болгария намерена работать над установлением добрососедских отношений с Северной Македонией. «Мы, как наследники наших предков, имеем историческую ответственность и долг следовать и выполнять обещания нашего прошлого во имя нашего общего европейского будущего» [22], – говорится в поздравлении Президента Радева гражданам Северной Македонии. Президент подчеркнул также, что общее европейское будущее требует необходимой воли и искреннего подхода к выполнению Договора о дружбе и добрососедстве [22].

Однако, по мнению болгарской стороны, нежелание РСМ провести реформы в Конституции страны и признать болгар национальным меньшинством в стране продлится недолго. Как отмечает заместитель министра иностранных дел Болгарии Иван Кондов, «блокада, как ожидается, приведет к большому внутреннему давлению в РСМ, прежде всего, в результате реакции албанского фактора» [6]. Конституционные изменения, по его мнению, в Республике Северная Македония будут исходить изнутри, от албанцев: есть сигналы от албанских политических факторов, что они подождут около 6 месяцев, а затем серьезно поставят в Скопье вопрос о конституционных изменениях [6]. Вероятность того, что политики в РСМ смогут отразить серьезное давление как внутри страны, так и извне, маловероятна. Лидер

оппозиционной партии – Социал-демократический союз Македонии (СДСМ) – Венко Филипче отметил, что, несмотря на предвыборную кампанию партии ВМРО – ДПМНЕ, которая обещала «интенсивно работать над улучшением переговорной позиции по отношению к так называемому “французскому спору” и проводить более мудрую политику, отношения с Болгарией только ухудшаются, а правительство не проявляет никакого намерения продолжать европейский путь» [14].

Позиции третьих стран в споре между Болгарией и Северной Македонией

Как отмечает албанский исследователь Марияна Дода, «Болгария является конкретным примером страны, которая использует свою позицию в Европейском союзе и стремление Албании и Северной Македонии присоединиться к нему для удовлетворения своих исторических appetites, восходящих к Сан-Стефанской Болгарии, так называемой “Великой Болгарии”» [1]. В анализе отмечается: «Ассимиляция македонского меньшинства и непризнание его в Болгарии, конфликт между Скопье и Афинами показывают нам, что Северная Македония идет к своему распаду как нация и как государство». Помимо этого автор утверждает, что в данном «прорыве» Болгарии на территорию Албании виновно македонское государственное руководство, которое игнорирует свое меньшинство, а appetites Софии относятся также и к Косово, и к Сербии, а также к частям «этнической» карты Греции. В анализе утверждается, что на протяжении многих лет Болгария использовала свое членство в ЕС, чтобы «рассеять» болгарское меньшинство в регионе с акцентом на Северную Македонию, выдавая болгарские паспорта, которые, в свою очередь, позволяют работать в странах ЕС [1].

Стоит отметить, что Болгария и Албания поддерживают дипломатические отношения, характеризующиеся тесным сотрудничеством и дружбой. Однако албанцы не забывают, что болгарское вето против Северной Македонии повлияло и на блокировку усилий Тираны по вступлению в Европейский союз.

В настоящее время в Албании насчитывается 2281 македонец, в то время как в 2011 году было заявлено 5512 человек. Но впервые было зарегистрировано и болгарское меньшинство, которое

составляло 7057 человек. Оно вызвало разные реакции и обвинения в манипулировании данными, сопровождаемые подозрением на вмешательство болгарской стороны в этот процесс. Фактически как до, так и во время и после переписи населения в Албании посольство Северной Македонии в Тиране и председатель партии «Македонский альянс за европейскую интеграцию» Васил Стеревский выразили недовольство некоторыми незаконными вмешательствами болгарской стороны во время переписи населения. Также были выдвинуты обвинения в прямом давлении на граждан македонского меньшинства в Албании. Но все эти жалобы остались не услышанными. «Теперь болгарское меньшинство в Албании является фактом», – говорится в тексте и подчеркивается, что «официально Скопье оставил своих граждан в Албании на милость и немилость» [2].

Что касается позиции Америки по данному вопросу, то необходимо отметить, что помощник госсекретаря США по европейским и евразийским делам Джеймс О'Брайен на слушаниях о будущем Европы в комитете Сената по иностранным делам отметил, что Северная Македония страдает от разногласий с соседями, что является одной из проблем вступления в ЕС и постоянно влияет на меняющиеся условия [25]. Данная позиция объясняется тем, что конституционные изменения РСМ весьма выгодны для США, так как именно Вашингтон поддерживает албанское усиление в РСМ.

Посол Евросоюза в Северной Македонии Дэвид Гир, говоря о конституционных изменениях в стране, так же поддержал позицию Болгарии и отметил, что он «скептически относится к возможности достижения лучшего компромисса с Болгарией, чем тот, о котором уже договорились, и что ключом к вступлению Северной Македонии в ЕС являются реформы» [21].

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что Болгария после вступления в евроатлантические структуры своей главной целью внешней политики провозглашает приверженность общеевропейским принципам и стремится к повышению статуса страны как в субрегиональном, так и в региональном измерениях. На балканском направлении правительство Болгарии позиционирует

страну как посредника между Брюсселем и остальными странами региона в вопросе расширения и углубления европейской и евроатлантической интеграции. Для этого были организованы форматы взаимодействия между Болгарией и Западными Балканами, в том числе саммит ЕС — Западные Балканы. Однако в двусторонних отношениях с Северной Македонией Болгария пытается реализовать свои национальные интересы. После изменения названия страны и разрешения спорных вопросов с Грецией, в результате чего Северная Македония отказалась от своего исторического наследия, возникший спор о языке и общей истории, вопрос меньшинства между Софией и Скопье становятся очередным препятствием для Северной Македонии на пути в ЕС, обостряя проблему исторической идентичности страны и ставя под вопрос соблюдение достигнутых добрососедских договоренностей с Болгарией.

Несмотря на заявленную позицию добрососедства, в споре с Северной Македонией Болгария демонстрирует балканское равновесие: с одной стороны, заявляет о содействии евроинтеграции Западных Балкан, а с другой стороны, пытается повысить свою политическую роль в Евросоюзе и взять реванш за исторические потери, если не территориями, то утверждением болгарской идентичности. Очевидно, сохранились и прежние опасения в отношении возможных деструктивных действий тюркоязычного и мусульманского населения Юго-Восточной Болгарии по примеру албанцев Косово и Северной Македонии.

Говоря о евроинтеграции Северной Македонии, необходимо отметить, что демократические стандарты ЕС, предоставляющие права этническому меньшинству, ставят под сомнение дальнейшее существование македонского государства в современном этническом составе. Возрастающее влияние албанцев в стране говорит об усилении «албанского фактора» как в Северной Македонии, так и в регионе. Албанцы уже занимают лидирующие позиции в парламенте. Так, албанец Африм Гаши был избран председателем парламента Северной Македонии в мае 2024 года [3].

Если говорить о новых требованиях Болгарии по вопросу включения болгарского меньшинства в Конституцию страны, то правительству Северной Македонии скорее всего придется-

ся их принять. Несмотря на попытки нового премьера отстоять национальное достоинство Северной Македонии, выдвинутые Болгарией условия поддерживаются как ЕС, так и США. Желание Албании вступить в ЕС также способствует усилению давления на РСМ со стороны увеличивающегося албанского меньшинства в стране. Несмотря на заявления премьер-министра Северной Македонии Христиана Мицкоски о вступлении в ЕС на равных условиях, маловероятно, что стране удастся сохранить свое национальное достоинство.

Литература

1. Argumentum (Албания): София използва позициите си в ЕС за задоволяване на користи апетити, датиращи от Санстефанска България // Информационно агентство «Фокус». — URL: <https://www.focus-news.net/novini/mejdunarodni/Argumentum-Albaniya-Sofiya-izpolzva-poziciite-si-v-ES-za-zadovolyavane-na-koristni-apetiti-datirashti-ot-Sanstefanska-Bulgariya-2235143> (дата обращения: 10.08.2024).
2. Албанецът Африм Гаши стана председател на македонския парламент с гласовете на ВМРО-ДПМНЕ // Информационно агентство «Фокус». — URL: <https://www.focus-news.net/novini/mejdunarodni/Albanecut-Afrim-Gashi-stana-predsedatel-na-makedonskiya-parlament-s-glasovete-na-VMRO-DPMNE-2131359> (дата обращения: 12.09.2024).
3. Анастасова Е. Кирилл и Мефодий в Болгарии — о празднике и нации. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kirill-i-mefodiy-v-bolgarii-o-prazdnike-i-natsii/viewer> (дата обращения: 05.11.2024).
4. Ангелов Д. Формирането на българската народност. Неговото развитие в епохата на средновековието (IX–XIV век). — София, 1978.
5. БАН: официалният език в Скопие е «северномакедонски български» // Информационен портал «Медиапул». — URL: <https://www.mediapool.bg/ban-ofitsialniyat-ezik-v-skopie-e-severnomakedonski-balgarski-news307086.html> (дата обращения: 12.03.2024).
6. България: Белград е (деструктивен) фактор в отношенията София – Скопие, големият натиск за конституционните промени в РСМ ще дойде отвътре, от албанците // Информационно агенство «Фокус». — URL: <https://www.focus-news.net/novini/mejdunarodni/Bulgariya-Belgrad-e-destruktiven-faktor-v-otnosheniyata-Sofiya-Skopie-golemiyat-natisk-za-konstitucionnite-promeni-v-RSM-shte-doide-otvutre-ot-albancite-2210692> (дата обращения: 15.09.2024).
7. Българската роля в процеса по присъединяване на Северна Македония към ЕС // Геополитика. — URL: <https://www.geopolitica.eu/2020/183-broy-3-2020/3193-balgarskata-rolya-v-protsesa-po-prisaedinyavane-na-severna-makedoniyakam-es> (дата обращения: 10.09.2024).
8. Григоров П. Скопие: все по-близо до Брюксел и все по-далеч от София // Геополитика. — URL: <https://www.geopolitica.eu/aktualno/2981-skopie-vse-po-blizo-dobryuksel-i-vse-po-dalech-ot-sofiya> (дата обращения: 10.03.2024).
9. Декларацията от срещата за Западните Балкани потвърди, че регионът е съставна част от Европа // Информационно агенство «Фокус». — URL: <http://www.focus-news.net/news/2020/05/06/2771421/24-info-makedoniya-deklaratsiyata-ot-sreshkata-za-zapadnite-balkani-potvardi-che-regionat-e-sastavna-chast-ot-evropa.html> (дата обращения: 18.04.2024).
10. Дунаев А. Старшият брат Македонии / РСМД. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/starshiy-brat-makedonii/> (дата обращения: 10.09.2024).
11. Какво иска България от Република Северна Македония // Информационен портал «Труд». — URL: <https://trud.bg/kakvo-iska-bulgariya-ot-republika-severnamakedoniya/> (дата обращения: 18.04.2024).

12. *Кочева А.* БАН: В Северна Македония се говори северномакедонски български // Информационный портал «Новини». — URL: <https://glasove.com/novini/ban-v-severna-makedoniya-se-govori-severnomakedonski-bylgarski> (дата обращения: 08.11.2024).
13. *Лалов Л.* Втвърдяването на позиите в Скопие и София заплашва българските интереси в региона // Информационный портал «Медиапул». — URL: <https://www.mediapool.bg/vtvarduyavneto-na-pozitsiite-v-skopie-i-sofiya-zaplashva-balgarskite-interesi-v-regiona-news307052.html> (дата обращения: 13.09.2024).
14. *Лидерът на СДСМ: Отношенията с България само се влошават и това не е от полза за националните интереси на Северна Македония* // Информационное агентство «Фокус». URL: <https://www.focus-news.net/novini/mejdunarodni/Liderut-na-SDSM-Otnosheniyata-s-Bulgariya-samo-se-vloshavat-i-tova-ne-e-ot-polza-za-nationalnite-interesi-na-Severna-Makedoniya-2248291> (дата обращения: 15.09.2024).
15. *Македонската политика на София: имаме ли полезен ход?* // Геополитика. — URL: <https://geopolitica.eu/aktualno/3063-makedonskata-politika-na-sofiya-imame-li-polezen-hod> (дата обращения: 18.04.2024).
16. *Мицкоски за спорас България: Искане решение, но не сцената на нашата идентичност и потъпкано достойнство* // Информационное агенство «Фокус». — URL: <https://www.focus-news.net/novini/mejdunarodni/Mickoski-za-spora-s-Bulgariya-Iskame-reshenie-po-ne-s-senata-na-nashata-identichnost-i-potupkano-dostoinstvo-2212848> (дата обращения: 20.09.2024).
17. *Мицкоски: Досегашната македонско-българска комисия по исторически въпроси не защитаваше македонските интереси* // Информационное агенство «Фокус». — URL: <https://www.focus-news.net/novini/mejdunarodni/Mickoski-Dosegashnata-makedonsko-bulgarska-komisiya-po-istoricheski-vuprosi-ne-zashitavashemakedonskite-interesi-2240635> (дата обращения: 20.09.2024).
18. *Отношенията между София и Скопие в контекста на европейската перспектива на Република Северна Македония* // Геополитика. — URL: <https://www.geopolitica.eu/2020/184-broy-4-2020/3229-otnosheniyata-mezhdu-sofiya-i-skopie-v-kontekstana-evropeyskata-perspektiva-na-republika-severna-makedoniya> (дата обращения: 10.08.2024).
19. *Палешутски К.* Македонският въпрос в буржозна Югославия. 1918–1941. — София, 1983. — 221 с.
20. *Пономарева Е.Г.* Балканы как точка бифуркации системы международных отношений // Вестник МГИМО – Университета. — 2008. — № 1. — С. 14–24. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/balkany-kak-tochka-bifurkatsii-mezhdunarodnyh-otnosheniy/viewer> (дата обращения: 06.11.2024).
21. *Посланикът на ЕС в Скопие: Не очаквайте по-добър компромис с България, ключът към членството са реформите* // Информационное агенство «Фокус». — URL: <https://www.focus-news.net/novini/mejdunarodni/Poslanikut-na-ES-v-Skopie-Ne-ochakvaite-po-dobur-kompromis-s-Bulgariya-klyuchut-kum-chlenstvotasa-reformite-2224107> (дата обращения: 15.09.2024).
22. *Радев с телеграма до Силянуска и македонците за Илинденско-Преображенското въстание: Това е празник на съвместната ни история* // Информационное агенство «Фокус». — URL: <https://www.focus-news.net/novini/mejdunarodni/Radev-s-telegrama-do-Silyanovska-i-makedoncite-za-Ilindensko-Preobrazhenskoto-vustanie-Tova-e-praznik-na-suvmeshnata-ni-istoriya-2215794> (дата обращения: 20.09.2024).
23. *Радев се включи в «разгромяването» на македонския език* // Информационный портал «Медиапул». — URL: <https://www.mediapool.bg/radev-se-vklyuchi-v-razgromyavaneto-na-makedonskiya-ezik-news307115.html> (дата обращения: 05.11.2024).
24. *Ролята на Берлин при формирането на «македонската политика» на София* // Геополитика. — URL: <https://www.geopolitica.eu/aktualno/3288-rolyata-na-berlin-pri-formiraneto-na-makedonskata-politika-na-sofiya> (дата обращения: 05.10.2024).
25. *САЩ ще бъдат много активни в преговорите между Скопие и София щом в България има по-стабилно правителство* // Информационное агенство «Фокус». — URL: <https://www.focus-news.net/novini/mejdunarodni/SASht-shte-budat-mnogo-aktivniv-pregovorite-mezhdu-Skopie-i-Sofiya-shtom-v-Bulgariya-ima-po-stabilnopravitelstvo-2208815> (дата обращения: 05.09.2024).

26. *Сияянов Хр.* Освободителните борби на Македонија. — Т. I, II. — София. — 1943. — URL: <https://web.archive.org/web/20110909073113/http://www.promacedonia.org/obm2/18.html> (дата обращения: 04.11.2024).
27. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. — М.: АСТ, 2022. — 736 с.
28. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. — М.: Наука, 1984. — 282 с.
29. Языковая политика, конфликты и согласие / отв. ред. Е.И. Филиппова. — М.: ИЭА РАН, 2017. — 272 с.

Токольдосhev Дастан Канатбекович,

научный сотрудник,

Институт стратегического анализа и прогноза при Кыргызско-Российском Славянском университете, Бишкек, Кыргызстан.

Dastan K. Tokoldoshev,

Research fellow,

Institute for Strategic Analysis and Forecast of the Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan.

E-mail: dastan.tokoldoshev@gmail.com

**ТОРГОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КЫРГЫЗСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН:
СПЕЦИФИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ****TRADE COOPERATION BETWEEN THE KYRGYZ
REPUBLIC AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN:
SPECIFIC AND PROSPECTS**

Аннотация: современная модель двусторонних экономических взаимоотношений между Кыргызской Республикой и Республикой Казахстан в настоящий момент находится в состоянии последовательного динамического усиления и укрепления всех ключевых ее аспектов. В условиях постепенного смещения в мировой политике акцентов на регионализацию наблюдение за конкретными явлениями в международной экономике приобретает особую значимость. Анализ структуры торгово-экономического сотрудничества между рассматриваемыми центральноазиатскими республиками способен лечь в основу более глобального научно-экспертного и аналитического базиса, призванного отслеживать знаковые тенденции новейшей архитектуры региональных и мировых экономических отношений. Изучение специфики экономической жизни Центральной Азии как важного региона в постепенно изменяющейся системе международно-политической жизни Евразийского континента, в свою очередь, приобретает актуальность на фоне постепенно преобразующейся картины экономического и политического устройства мира.

Ключевые слова: Кыргызстан, Казахстан, экономика, торговля, международные экономические отношения.

Abstract: the current model of bilateral economic relations between the Kyrgyz Republic and the Republic of Kazakhstan is currently being in a permanent and dynamic transformation causing strengthening all its key aspects. In the context of a gradual shift in world politics towards regionalization the activities related with monitoring specific phenomena in the international economy is becoming increasingly important. Analysis of the structure of trade partnership between these two Central Asian republics may become the fundamental of a more global scientific, expert and analytical basis designed to track the significant trends in the latest architecture of regional and world economic relations. Studying the specifics of the economic life of Central Asia as an important region in the gradually transforming system of international political life of the Eurasian continent, in turn, acquires increased significance

against the background of a gradually transforming picture of the economic and political structure of the world.

Key words: Kyrgyzstan, Kazakhstan, economy, trade, international economic relations.

Введение

Торгово-экономическое сотрудничество Кыргызской Республики (КР) и Республики Казахстан (РК) в настоящий момент предстает одним из наиболее актуальных вопросов современной региональной международно-экономической модели взаимодействия государств Центральной Азии, а также привлекает внимание широкого круга специалистов по вопросам региональной экономической безопасности, финансовых взаимоотношений и международной политики. Основными причинами повышенного интереса к данному вопросу у исследователей можно обозначить растущее влияние на регион таких государств-лидеров, как Россия и Китай, в равной степени заинтересованных в укреплении стратегического партнерства как с Кыргызстаном, так и с Казахстаном, а также постепенно меняющуюся систему международных отношений, приобретающую форму полицентричного миропорядка и вовлекающую Центрально-Азиатский регион в активные процессы переустройства нынешней политической и геоэкономической архитектуры.

Не менее значимым фактором повышенного внимания к торговому и экономическому контакту КР и РК становится сложная, многогранная и постепенно преобразующаяся межгосударственная политическая обстановка между рассматриваемыми странами. Политические и экономические процессы внутри каждой республики прямо или косвенно воздействуют на принцип формирования внешнестратегического вектора в отношении соседних государств, и двусторонние контакты Казахстана с Кыргызстаном не становятся исключением.

В условиях обозначенной трансформации мироустройства и усиления роли Центральной Азии в качестве важного региона в данном процессе рассмотрение особенностей развития экономических и торговых взаимоотношений между КР и РК становится полезной в научно-прикладном смысле исследовательской активностью. Научное исследование активности двух республик в теории способно в дальнейшем способство-

вать формированию взаимовыгодного и устойчивого стержня двусторонних контактов рассматриваемых стран и определению наиболее эффективных систем и моделей взаимодействия в масштабах всего региона.

Структура и особенности товарооборота

Нынешний этап развития актуального формата торгово-экономического сотрудничества между Кыргызстаном и Казахстаном демонстрирует широкий перечень механизмов, посредством которых осуществляется тот или иной тип взаимодействия. Говоря о торгово-экономических взаимоотношениях, важно отметить, что в настоящий момент структура торговли между государствами в основном базируется на импорте и экспорте сырья, руды и концентратов драгоценных и редкоземельных металлов, а также продукции легкой промышленности, мяса и иных продуктов сельского хозяйства и т.д.

Кыргызстан и Казахстан были и по сей день остаются друг для друга важными торговыми партнерами. Согласно сообщению Генерального консульства КР в Алматы, с 2006 по 2012 год показатели объемов ежегодного товарооборота возросли с 362,4 млн долл. США до 1,058 млрд долл. США [10]. Рост товарооборота свидетельствует об интенсификации взаимных партнерских контактов и укреплении общей, совокупной системы межгосударственного торгового взаимодействия. С повышением взаимных контактов неразрывно связан и факт увеличения рынков сбыта импортированных товаров в обеих странах.

Согласно заявлению Президента РК К.-Ж. Токаева, сделанному в апреле 2024 года по итогам встречи с кыргызстанским коллегой, Президентом С. Жапаровым, объем товарооборота между Кыргызстаном и Казахстаном в 2023 году достиг порядка 1,5 млрд долл. США [4]. Также незадолго до встречи глав республик председатель кабинета министров КР А. Жапаров в ходе встречи с премьер-министром РК О. Бектеновым отметил большой потенциал увеличения объемов взаимной торговли между республиками уже в текущем 2024 году до 2 млрд долл. США.

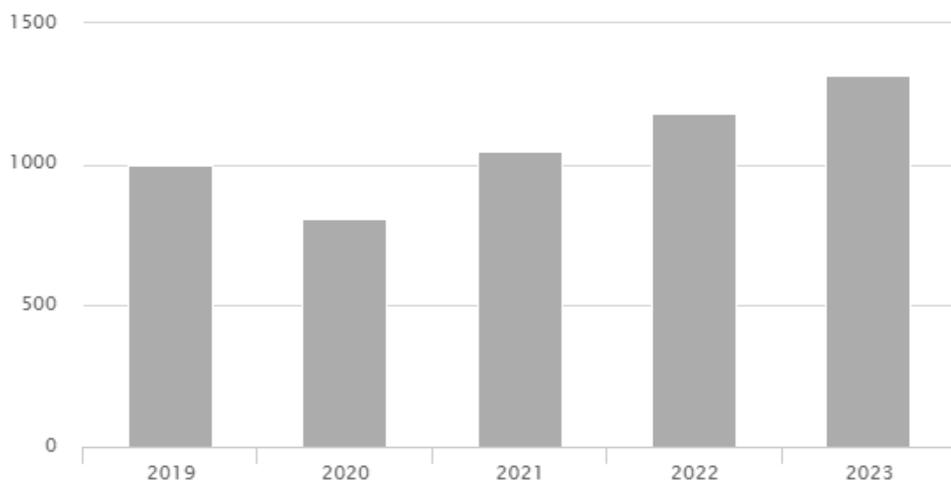
Обзорная динамика взаимного товарооборота Кыргызской Республики со странами ЕАЭС и, в частности, с Казахстаном отображена в таблице 1 и на рисунке 1.

Таблица 1

Объем взаимной торговли с государствами – членами ЕАЭС¹

Объем взаимной торговли с государствами – членами ЕАЭС (млн долл. США)						
	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Страны ЕАЭС	2801.9	2801.9	2439.8	3426.4	4532	4357.3
Армения	0.8	0.8	5.3	3.5	6	5.3
Беларусь	59.2	59.6	47.8	74	104	103.3
Казакстан	873	996.5	809.5	1044	1188	1317.9
Россия	1868.9	1685.6	1577.2	2304.9	3234.6	2930.8

Объем взаимной торговли с государствами – членами ЕАЭС
(млн долл. США)

Рис. 1. Диаграмма объемов взаимной торговли Кыргызстана с Казахстаном²

Объем взаимной торговли между республиками за 2023 год структурно не претерпел больших изменений, однако продемонстрировал заметный рост по сравнению с аналогичными показателями предыдущих лет. Таким образом, как уже было

¹ Источник: [8].

² Источник: [8].

упомянуто ранее, за весь прошедший год товарооборот между республиками достиг 1,5 млрд долл. США [7], и данный факт является на данный момент историческим максимумом за всю историю двусторонних отношений КР и РК с момента обретения ими независимости.

Экспорт из Кыргызстана в Казахстан. Согласно данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики, среди наиболее популярных товаров, которые Кыргызстан поставлял в Казахстан в первую половину 2023 года, присутствуют руды и концентраты драгоценных металлов — 38,6% от всего общего экспорта. На 2-м месте по экспорту товаров располагаются изделия для транспортировки и упаковки товаров из пластмассы (8%). На 3-м — прутки (арматура) из железа или нелегированной стали (7%) [11]. В соответствии с данными, предоставленными Министерством водных ресурсов, сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности КР, за первые 8 месяцев 2023 года Кыргызстан экспортировал в соседнюю республику фруктов на 4,3 млн долл. США, овощей на 4,3 млн долл. США, живых животных на 1,5 млн долл. США, злаков на 1,4 млн, а также готовой пищевой продукции на 8,1 млн долл. США [5]. Среди прочих экспортированных в 2023 году товаров, имеющих большую востребованность в Казахстане, присутствуют мучные и кондитерские изделия, в том числе хлеб (14,690 тыс. долл. США), молоко и молочные продукты (14,406 тыс. долл. США), легковые автомобили (9,7 тыс. долл. США), стекло и изделия из него (9,08 тыс. долл. США), продукция текстильной промышленности, одежда (около 9 тыс. долл. США), изделия из камня, цемента, гипса, асбеста (8,9 тыс. долл. США), а также керамические изделия (8,8 тыс. долл. США) [10]. На основе приведенных данных можно заключить, что характер экспортного потенциала КР специфичен, а сам экспорт ориентирован преимущественно на вывоз сырья, продуктов первичной обработки металлургической промышленности и товаров народного потребления.

Экспорт из Казахстана в Кыргызстан. Республика Казахстан, согласно предоставленным Бюро национальной статистики РК данным за 2023 год, продала Кыргызстану 4 млн тонн товаров, что на 28,7% больше, чем в 2022 году (на 1 млрд долл. США). За-

метно увеличились поставки золота в соседнюю страну — в 1,7 раза, до 3,9 тонны, общей стоимостью 260 млн долл. США.

Также Кыргызстан закупил в 2023 году значительно больше электроэнергии – 1 млрд кВтч (+48,7%), сжиженного пропана и бутана, дистиллятов и битума — 99 тыс. тонн (+14,7%), угля — 1,3 млн тонн (+40,8%), сигарет — 2,5 тыс. тонн (+2%) и стиральных машин — 37,3 тыс. ед. (+1,5 раза). Кроме этого, по сообщению Бюро нацстатистики РК, местные экспортеры отправили на полки кыргызстанских магазинов мясо и рыбу — 8,7 тыс. тонн (+17,6%), яйца — 4,3 тыс. тонн (+4,6%), майонез, кетчуп, соевый соус — 5,3 тыс. тонн (+0,7%) и сладкие напитки — 262 млн литров (+35%) [9].

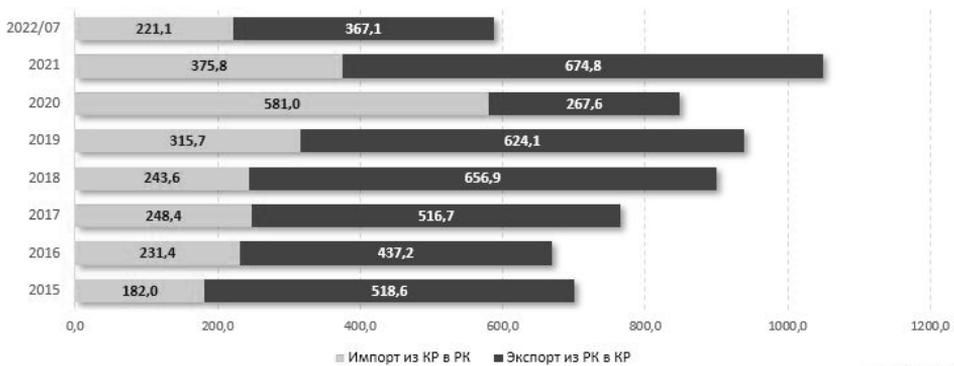
Экспортные позиции Казахстана заметно преобладают над импортом из Кыргызстана, а количество товаров и совокупные суммы экспорта заметно превышают аналогичные показатели экспорта Кыргызстана в Казахстан. Во многом данное обстоятельство можно объяснить заметной разницей в уровне развития экономик двух республик в общем потенциале развития отраслей, производящих товары и сырье в целях их дальнейшей продажи.

Говоря о ситуации с экспортом товаров из КР в Казахстан, стоит отметить тот факт, что, по оценкам исследователей, изучавших рассматриваемый вопрос, тенденция стагнации экспортного потенциала Республики является долгоиграющей проблемой. Так, по мнению Е.Т. Шахмана, на 2018 год более половины экспортируемого объема продукции из Кыргызстана в Казахстан приходилось максимум на два-три товара, что, в свою очередь, сигнализирует о достаточно тяжелом положении в торгово-экономическом положении государства [13].

Схематическое изображение динамики товарооборота между республиками с разделением на импорт из КР в РК и наоборот, основанное на данных финансового портала Finprom.kz, изображено на рисунке 2. Согласно этим данным, импорт кыргызстанских товаров в Казахстан преимущественно уступает импорту казахстанских товаров в Кыргызскую Республику, однако подобная тенденция не была постоянной. В 2020 году наблюдалось значительное превалирование показателей экспорта из Кыргызской Республики в соседний Казахстан над экспортом из Казахстана в КР (581 млн долл. США против 267,6 млн долл. США соответ-

ственно) [3]. Во многом обозначенная ситуация обосновывалась введенными в 2020 году коронавирусными ограничениями, следствием которых стали длительные простои в торговле и замедление механизмов экономического и транспортно-логистического взаимодействия между государствами [2].

Объёмы взаимной торговли товарами между Казахстаном и Кыргызстаном (млн долл. США)

На основе данных Евразийской экономической комиссии

Finprom.kz

Рис. 2. Объемы товарооборота между Казахстаном и Кыргызстаном (информация сайта Finprom.kz на базе данных ЕЭК [3])

На основании доступных и актуальных данных относительно типов товаров, циркулирующих во взаимной торговле между двумя республиками, можно прийти к заключению, согласно которому наиболее востребованными, основными для кыргызстанского потребителя товарами из РК являются уголь, продукты питания (минеральная вода, макаронные изделия), табак, нефтепродукты и газ, металлопрокатные изделия, а также драгоценные металлы (золото). Данное обстоятельство связано с отсутствием у Кыргызстана большого потенциала к развитию нефтяной и угольной промышленности в масштабах, необходимых для обслуживания нужд собственного населения. Также Кыргызстан значительно уступает Казахстану по запасам драгоценных металлов и, в частности, по запасам золота (301 тонна против 12 тонн соответственно по состоянию на I квартал 2018 года) [6]. Не обладает большим потенциалом к свободной конкуренции на межгосударственном уровне и сфера обработки металла Кыргызской Республики.

В то же время Казахстан, несмотря на лидирующие позиции в регионе в контексте общей развитости экономики и производ-

ственного потенциала, активно импортирует сельхозпродукцию, произведенную в Кыргызстане. В основном импорт товаров кыргызстанского производства осуществляется благодаря ввозу продуктов молочной промышленности, необработанных металлов и руд, кондитерских изделий, продуктов текстильной промышленности (одежды, обуви и т.д.), а также химических веществ и стройматериалов. Импорт из КР в РК справедливо может быть назван менее диверсифицированным в сравнении с перечнем ввозимой в Кыргызстан продукции из Казахстана. Однако, несмотря на это, ввозимая в Казахстан продукция кыргызстанского производства представляет собой широкий спектр товаров производственного назначения, продуктов животного и растительного назначения и полезных ископаемых. Ценность ввозимой в РК продукции и актуальные данные, свидетельствующие о существующем на нее большом спросе, могут стать основанием для выдвижения вывода о необходимости для Кыргызстана последующего развития собственной сферы сельского хозяйства и горнодобывающей промышленности в целях закрепления производимой продукции в качестве особых статей импорта для Казахстана.

В разрезе изучения торговых взаимоотношений Кыргызской Республики и Республики Казахстан важно также учитывать фактор существования различных интеграционных объединений, участниками которых являются рассматриваемые государства. Так, немаловажным аспектом теоретически возможного укрепления двусторонних торговых контактов является факт участия КР и РК в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). Присутствие двух республик в единой экономической интеграционной системе союза в экспертной среде рассматривается в качестве важного вектора экономического развития двух государств. ЕАЭС, в составе которого на данный момент числятся Россия, Беларусь, Армения, Кыргызстан и Казахстан, открывает широкие возможности и перспективные направления роста экспортного потенциала для РК [1]. Это же заявление справедливо и в отношении Кыргызстана. Отсутствие какой бы то ни было дискриминации при обсуждении экономической повестки союза, а также обеспечение принципа равенства государств-членов вне зависимости от экономической мощи, территории и численности населения в теории способны предоставить каждой

из рассматриваемых в рамках исследования стран широкое поле для маневров в деле определения оптимальной политики развития торговли [12, с. 3].

Еще одним важным в разрезе наблюдения за торговой активностью Кыргызстана и Казахстана интеграционным союзом, включающим в себя активное вовлечение экономик двух республик, является постепенно реализующаяся масштабная инициатива Китая «Один пояс и Один путь». В рамках данного проекта предполагается соединение транспортно-логистических маршрутов Азии, Африки и Европы, благодаря чему в обозримой перспективе участвующие стороны сумеют открыть для себя новые рынки для реализации своих торговых, финансовых и инвестиционных программ. В экспертных кругах существуют разные оценки реальных перспектив данного проекта, однако некоторыми специалистами отмечается возможность для Кыргызской Республики придать существенный импульс развитию сельскохозяйственного сектора при поддержке китайской стороны. Учитывая ориентированность промышленности КР на животноводство и сельское хозяйство, а также тот факт, что спрос на китайские товары легкой промышленности в этой стране сравнительно велик, взаимодействие Кыргызстана и Китая может быть охарактеризовано как эффективное и обладающее перспективами к последующему улучшению, а это, в свою очередь, может лечь в основу позитивного развития торгового сотрудничества по линии «Один пояс — один путь» [14, с. 7].

В целом перспективы улучшения торговых позиций Кыргызстана во внешнеторговой активности Казахстана обладают достаточными шансами на успешную техническую реализацию в долгосрочном периоде, что подтверждают приведенные аргументы относительно полезности участия республик в региональных интеграционных объединениях, ставящих перед собой цель разветвления и уплотнения широкопрофильного экономического сотрудничества между государствами. В случае максимально благоприятного развития событий, связанных с работой упомянутых союзов, вполне возможно сохранение и развитие позитивного фона торгового контакта КР и РК.

О вероятности сохранения позитивного фона развития двустороннего торгового сотрудничества между РК и КР также может

говорить заявление спикера парламента Кыргызской Республики Н. Шакиева о стремлении правительств двух республик увеличить товарооборот до 2 млрд долл. США. При успешной реализации поставленной цели возможно прогнозировать постепенное, поэтапное развитие новых механизмов товарного обмена, в том числе появление новой системы транспортно-логистической связности РК и КР как в рамках сети транспортных коммуникаций ЕАЭС, так и в рамках независимых двусторонних внешнеэкономических связей республик.

Заключение

Между двумя государствами сохраняются достаточно прочные экономико-финансовые, торговые и политические контакты, в основе которых лежат общая заинтересованность обеих стран в поддержании стабильности в межгосударственных отношениях и стремление руководства республик к развитию кыргызско-казахского всестороннего сотрудничества. Подтверждением данного тезиса служит наблюдаемый за последние три года рост объема товарооборота и поэтапное укрепление финансовых контактов между республиками. При сохранении тенденции укрепления тесных двусторонних экономических связей вполне возможно прогнозировать и последующее качественное улучшение существующей торгово-логистической взаимосвязанности между КР и РК, особенно в свете взаимной нацеленности руководящих органов этих стран на построение совместной логистической инфраструктуры.

На основании проведенного анализа можно также сформулировать вывод, согласно которому отсутствие потенциала к развитию собственной угольной, нефтяной и газовой промышленности в масштабах, необходимых для обеспечения собственного населения энергоресурсами и нефтехимическими продуктами в необходимом объеме, создает для Кыргызстана ситуацию, при которой государство становится в определенной степени зависимым от поставок казахстанской продукции для энергоотрасли.

При этом Казахстан является одним из главных импортеров широкого спектра товаров производственного назначения, продуктов животного и растительного назначения и полезных ископаемых, поступающих из Кыргызской Республики. Приве-

денная в исследовании статистика товарооборота свидетельствует о ценности ввозимой в РК кыргызстанской продукции, что, в свою очередь, может говорить о необходимости для Кыргызстана прилагать усилия к развитию сферы сельского хозяйства и горнодобывающей промышленности в целях закрепления повышенной значимости производимых товаров и продукции на рынках Казахстана.

Для преодоления ситуации с невозможностью ускоренного развития экспортного потенциала Кыргызстана видится необходимым для руководства Республики прибегнуть к политике поступательной оптимизации производства, эффективному и выгодному аккумулированию ресурсов, в том числе трудовых, в стратегически важных отраслях экономики. Учитывая обстоятельства, связанные с фактом заметного отставания от Республики Казахстан в контексте уровня развития экономики, важно иметь в виду, что перспективы скорого достижения развития торгового потенциала не могут рассматриваться в качестве явления в кратко- или среднесрочной перспективе. Проблема слабого импульса к развитию торговли неразрывно сопряжена с вопросами внутреннего экономического устройства государства, и для решения вопросов торговли в первую очередь следует определять эффективную и отвечающую внутриэкономическим интересам государства политику.

Обеим республикам стоит также принимать во внимание растущий потенциал сотрудничества по линии Евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс — один путь». Выстраиваемая на их основе логистическая взаимосвязанность участников может послужить весьма полезной стартовой позицией для последующего улучшения торгового, а вслед за этим и финансово-инвестиционного партнерства между Кыргызстаном и Казахстаном. Появление новых сетей транспортировки грузов способно придать стимул развитию бизнес-среды, а через это в обозримой перспективе может укрепиться процесс налаживания взаимных инвестиционных потоков, что также способствует развитию и торговли как важного элемента жизнеобеспечения экономики, и самой экономики как таковой.

Совместные усилия, демонстрация готовности и полной нацеленности Астаны и Бишкека на реализацию планов по интен-

сификации торговли и укреплению их торгового сотрудничества также во многом определяют контуры благополучного партнерства в обозримом будущем. При достижении максимальной эффективности всего спектра экономических взаимовыгодных контактов вполне вероятно наступление ситуации, при которой отдельно рассматриваемое сотрудничество двух республик будет способно оказывать существенное позитивное воздействие и на механизмы работы Евразийского экономического союза, единственными членами которого среди государств Центральной Азии в настоящий момент и выступают Кыргызстан и Казахстан.

Литература

1. Казахстан в ЕАЭС: преимущества, результаты и доходы (2 февраля 2023 г.) // Официальный информационный ресурс Премьер-министра Республики Казахстан. — URL: <https://primeminister.kz/ru/news/reviews/kazakhstan-v-eaes-preimushchestva-rezultaty-i-dokhody-22880> (дата обращения: 10.10.2024).
2. Казахстан и Кыргызстан намерены вдвое увеличить товарооборот (4 октября 2022 г.) // Портал Akchabar.kg. — URL: <https://www.akchabar.kg/ru/news/kazakhstan-i-kyrgyzstan-namereny-vdvoe-velichit-tovarooborot/> (дата обращения: 18.04.2024).
3. Казахстан и Кыргызстан намерены увеличить товарооборот до двух миллиардов долларов (4 октября 2022 г.) // Портал Finprom.kz. — URL: <https://finprom.kz/ru/article/kazakhstan-i-kyrgyzstan-namereny-velichit-tovarooborot-do-dvuh-milliardov-dollarov> (дата обращения: 19.11.2024).
4. Казахстан и Кыргызстан подписали договор об углублении и расширении союзнических отношений (11 октября 2024 г.) // Информ. агентство «Радио Азаттык». — URL: <https://rus.azattyk.org/a/32913451.html> (дата обращения: 10.10.2024).
5. Кыргызстан – Казахстан: внешнеторговый оборот в 2022 и 8 месяцев 2023 годов (26 октября 2023 г.) // Сайт Министерства водных ресурсов, сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности Кыргызской Республики. — URL: <https://agro.gov.kg/ru/11308/> (дата обращения: 19.11.2024).
6. Кыргызстан занимает третье место среди стран ЦА по запасам золота (21 февраля 2018 г.) // Сайт УТРК. — URL: <https://www.ktrk.kg/ru/news/s/19471#:~:text=17%20%D0%9E%D0%BA%D1%82%2C%202017-,Кыргызстан%20занимает%20третье%20место%20среди%20стран%20ЦА%20по%20запасам%20золота,-%2012%2C4%20тонны%20золота> (дата обращения: 12.04.2024).
7. Кыргызстан отправил в 2023 году 46,1 тыс. тонн молочных продуктов в Казахстан (6 марта 2024 г.) // DairyNews Today. — URL: <https://dairynews.today/kz/news/kyrgyzstan-otpravil-v-2023-godu-46-1-tys-tonn-molochnykh-produktov-v-kazakhstan.html> (дата обращения: 12.07.2024).
8. Объем взаимной торговли с государствами – членами ЕАЭС (млн долларов США) // Сайт Национального статистического комитета Кыргызской Республики. — URL: <http://www.stat.kg/ru/opendata/category/5208/> (дата обращения: 15.04.2024).
9. Стекло и руду из драгметаллов везут в Казахстан из Кыргызстана. Инфографика (04.03.2024) // Портал LS. — URL: <https://ism.kz/tovarooborot-kazahstana-s-kyrgyzstanom-v-2023> (дата обращения: 10.10.2024).
10. Торгово-экономические отношения Кыргызской Республики и Республики Казахстан // Сайт Министерства иностранных дел Кыргызской Республики. — URL: https://mfa.gov.kg/ru/main/page?page_id=478# (дата обращения: 12.04.2024).
11. Топ-10 товаров, которые Кыргызстан экспортирует в Россию, Казахстан, Беларусь и Армению (27 октября 2023 г.) // Агентство «Kaktus Media». — URL: https://kaktus.media/doc/489618_top_10_tovarov_kotorye_kyrgyzstan_eksportiruet_v_rossiu_

---

kazakhstan_belarys_i_armeniu.html#:~:text=Экспорт%20в%20Казахстан,или%20не-
легированной%20стали%20(7%25) (дата обращения: 10.10.2024).

12. *Цзяминь Л.* Казахстан и Киргизия в проекте «Один пояс и Один Путь»: основные направления сотрудничества, проблемы и перспективы // Вестник Ивановского государственного университета. — 2022. — Серия: Гуманитарные науки. — № 3. — С. 114–124.
13. *Шахман Е.Т.* Пространственно-географические уровни экономической безопасности Казахстана и Кыргызстана // Российское предпринимательство. — 2018. — № 8. — С. 2169–2184.
14. *Шухно С.С.* Кыргызстан в ЕАЭС: современные направления сотрудничества // Проблемы современной экономики. — 2016. — № 2 (58). — С. 22–24.

Омуралиев Эрмек Социалович,

аспирант,

Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Ermek S. Omuraliev,

Postgraduate student,

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: ermekomurali@gmail.com

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИИ ЯПОНИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ И СТРАНАХ СНГ JAPAN'S ECONOMIC DIPLOMACY IN CENTRAL ASIA: A HISTORIOGRAPHICAL REVIEW OF RUSSIAN AND CIS STUDIES

Аннотация: в статье представлен обзор исследований ученых из России и СНГ, посвященных различным аспектам экономической дипломатии Японии в отношении государств Центральной Азии. Особое внимание уделено анализу торгово-экономического взаимодействия между Японией и странами региона.

В публикациях рассматриваются торговый обмен, инвестиционные потоки, а также разные сферы экономического сотрудничества, такие как инфраструктура, энергетика, сельское хозяйство и образование. Большое внимание уделяется анализу стратегий Японии по вовлечению стран Центральной Азии в свою сферу экономического влияния. Это включает в себя использование различных инструментов, таких как финансовая помощь, техническая помощь, а также сотрудничество в рамках международных организаций.

Наряду с этим эксперты раскрывают цели и мотивы Японии в расширении экономических связей с регионом Центральной Азии, а также оцениваются последствия такого взаимодействия для самой Японии, стран Центральной Азии и других участников международных экономических отношений.

Ключевые слова: Япония, Центральная Азия, Россия, экономическая дипломатия, торговля, инвестиции, сотрудничество.

Abstract: the article presents an overview of research by scientists from Russia and the CIS on various aspects of Japan's economic diplomacy in relation to the Central Asian states. Special attention is paid to the analysis of trade and economic cooperation between Japan and the countries of the region.

The publications cover trade exchanges, investment flows, as well as various areas of economic cooperation such as infrastructure, energy, agriculture and education. Much attention is paid to the analysis of Japan's strategies for involving Central Asian countries in its sphere of economic influence. This includes the use of various tools such as financial assistance, technical assistance, as well as cooperation within international organizations.

At the same time, experts reveal Japan's goals and motives in expanding economic ties with the Central Asian region, as well as assess the consequences of such interaction for Japan itself, Central Asian countries and other participants in international economic relations.

Keywords: Japan, Central Asia, Russia, Economic diplomacy, trade, investment, cooperation.

Введение

Экономическая дипломатия Японии в отношении стран Центральной Азии является актуальной темой в свете растущего интереса Токио к экономическому потенциалу региона. Сегодня мировое сообщество сталкивается с необходимостью анализа и понимания динамики международных отношений, особенно в контексте геополитически значимых регионов, таких как Центральная Азия. Растущий интерес Токио к экономическому потенциалу этого региона делает тему экономической дипломатии Японии в отношении стран Центральной Азии особенно актуальной. Отсюда становится понятным, почему многие исследователи из России и стран СНГ посвятили свои работы именно этой теме. Данная статья имеет цель проанализировать публикации авторов из России и стран СНГ по вопросам экономической дипломатии Японии в отношении стран Центральной Азии.

Понятийный аппарат исследований

Как правило, исследования предваряются выяснением основных терминов и понятий, связанных с экономической дипломатией Японии. Кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра японских исследований Института востоковедения РАН О.А. Добринская определяет экономическую дипломатию как «использование экономических средств для достижения внешнеполитических целей государства» [5, с. 88]. Для Японии это включает в себя различные стратегии и механизмы, направленные на продвижение экономических интересов страны в регионе [3, с. 59]. Еще одним важным понятием является «энергетическая безопасность», которая обеспечивает надежный доступ к энергетическим ресурсам [4]. Использование «мягкой силы» внешней политики Японии в Центральной Азии является частью стратегии укрепления международного присутствия и влияния [6, с. 61].

География исследований

Кроме работ, посвященных региону Центральной Азии в целом, есть немало исследований, касающихся экономической дипломатии Японии в отношении отдельных стран. Очевидно, что это диктуется двумя обстоятельствами: гражданством иссле-

дователя и достигнутым уровнем отношений Японии с отдельно взятой страной.

Так, Р.Т. Молдогазиев сделал акцент на японо-кыргызских отношениях, выделил проблемы и вызовы, стоящие перед сторонами, а также предложил пути их решения. Его позиция сводится к тому, что дальнейшее развитие отношений между Японией и Кыргызстаном возможно только при условии углубления взаимопонимания и доверия, а также при активном взаимодействии в разных сферах, от дипломатии до экономики и культуры. Р.Т. Молдогазиев поднимает также проблемные вопросы углубления экономического сотрудничества между Японией и Кыргызстаном, которое заключается в необходимости, прежде всего, реализации комплекса мероприятий двух стран с последующим акцентом на разработку стратегий привлечения иностранных инвесторов и создания благоприятного экономического климата в Кыргызстане. Он сопоставляет различные аспекты сотрудничества между странами, подчеркивая необходимость баланса между экономическими, политическими и гуманитарными аспектами [15, с. 2].

В авторском исследовании «Основные направления сотрудничества Кыргызской Республики и Японии на современном этапе» нами была отмечена важность взаимодействия между двумя странами. Выделяются различные аспекты этого сотрудничества, включая развитие человеческих ресурсов через образовательные программы и финансовую поддержку Японии в нескольких сферах, таких как здравоохранение и сельское хозяйство. Подчеркивается также значение совершенствования малого и среднего бизнеса для устойчивого развития региона [19, с. 15].

Отношениям Японии и Казахстана посвятил свое исследование В. Толстой. В статье рассмотрены ключевые темы, освещены в том числе цели и результаты японской помощи для экономического развития Казахстана, выделены как успехи, так и вызовы. Автор подчеркивает роль японских инвестиций в модернизации экономики и инфраструктуры, отмечая положительные изменения в ВВП и других экономических показателях Казахстана. Вместе с тем исследователь указывает на такие проблемы, как коррупция и неравномерное распределение богатства в Республике, которые требуют дополнительных усилий для их преодоления на пути

дальнейшего продвижения процесса развития. Эта статья важна для изучения экономического развития Казахстана и подчеркивает необходимость учета внешних факторов и преодоления серьезных вызовов для достижения устойчивого роста [25, с. 5].

Е.В. Ким и Л.О. Конопьянова обратились в своем исследовании к опыту Узбекистана. Авторы отмечают стремление Японии развивать сотрудничество с этой Республикой в различных сферах, включая политические, экономические и культурные обмены, инфраструктурные проекты, например строительство новой железной дороги. Как важное событие авторы отмечают подписание совместной Декларации о дружбе, стратегическом партнерстве и сотрудничестве между Узбекистаном и Японией [10, с. 7].

В историографии данного вопроса следует выделить следующие аспекты: исторические, экономические, политические, а также проблематику, связанную с использованием «мягкой силы».

Исторические аспекты

Исследования исторических корней сотрудничества между Японией и Центральной Азией представляют важное направление в изучении экономической дипломатии. О.А. Добринская начинает одно из своих исследований с истории взаимоотношений Японии с Центральной Азией, что позволяет понять контекст и основные факторы, влияющие на развитие отношений в наши дни [6, с. 97]. На важность исследования исторических корней сотрудничества (в конкретном случае Японии и Кыргызской Республики) указывал экс-посол Кыргызстана в Японии японовед Р.Т. Молдогазиев [15, с. 2].

Т. Дадабаев также обращается к историческим корням интереса Японии к Центральной Азии, включая концепцию Шелкового пути. Автор подчеркивает, что интерес японского общества к региону был подпитан множеством факторов, а исследования в области истории и культуры Центральной Азии проводились в Стране восходящего солнца ещё до распада Советского Союза [29, с. 2].

Экономические аспекты

Анализ торгово-экономических отношений между Японией и странами Центральной Азии является ключевым направлением изучения. Во всех исследованиях заметное место уделено опи-

сательному методу: авторы правомерно стремятся показать конкретные формы экономических отношений Японии со странами Центральной Азии. Так, исследование Е.В. Ким и Л.О. Конопьяновой [10, с. 7] представляет обширный обзор сотрудничества между Центральной Азией и Японией с момента установления дипломатических отношений в 1992 году. Авторы подчеркивают, что Япония стала «одним из ключевых инвесторов в регионе и активно взаимодействует с центральноазиатскими странами в различных областях, таких как образование, экономическое развитие, политические реформы и энергетика» [10, с. 9]. Исследователи выделяют как важный факт образование в 2004 году так называемого диалога «Центральная Азия плюс Япония», который стал частью многосторонней дипломатии Японии и способствовал углублению отношений с регионом. Исследование выделяет также приоритетные направления сотрудничества Японии с Казахстаном и Узбекистаном, обусловленные геополитическими и экономическими интересами [10, с. 6].

Особое внимание во многих работах уделено энергетическому сотрудничеству, которое представляется основой экономических отношений между Японией и Центральной Азией. Проект совместного предприятия «SARECO» между Национальной атомной компанией Казахстана «Казатомпром» и японской фирмой «Сумитомо» по добыче и переработке редкоземельных металлов выделяется в статье Е.В. Ким и Л.О. Конопьяновой как один из значимых проектов в этой области [10, с. 5].

Проблему сотрудничества в сфере энергетики затрагивает и исследование, проведенное заведующим кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России, доктором политических наук С.С. Жильцовым и доктором географических наук И.С. Зонном [8, с. 34]. Авторы отмечают, что японская помощь в развитии газопроводной инфраструктуры в Каспийском регионе, в частности в проекте Шелкового пути, была направлена на обеспечение энергетических потребностей Китая и Японии. В исследовании отмечается, что неудачей для японских интересов стала временная приостановка проекта из-за экономических и геополитических факторов. Однако они также указывают, что с увеличением мировых цен на газ и улучшением отношений между Китаем и Туркменистаном проект снова

стал актуальным и получил поддержку со стороны китайских компаний и правительства [8, с. 36].

В статье Д.Б. Малышевой (ИМЭМО РАН) «Постсоветская Центральная Азия в фокусе интересов крупных азиатских государств (2019–2020 гг.)» обращено внимание на стремление Японии к разнообразию источников энергоснабжения, укреплению политического влияния и экономического партнерства в Центральной Азии. Особое внимание уделяется инициативам и проектам, направленным на развитие инфраструктуры и энергетического сектора региона [13, с. 5].

Со своей стороны, О.А. Добринская обратила внимание на ключевые аспекты капиталовложений Японии в Центральную Азию, включая прямые инвестиции и официальную помощь развитию (ОПР). Япония активно участвует также в образовательных программах и профессиональной подготовке граждан центральноазиатских республик, что способствует развитию человеческого капитала и укреплению дипломатических связей [3, с. 37].

Профессор С.С. Жильцов также подверг анализу инвестиционную политику Токио. Он отмечает, что в отличие от других развитых стран Япония активно инвестирует в развитие технологического сектора в Центральной Азии. По словам автора, японские компании успешно расширяют экспорт своих технологий с высокой добавленной стоимостью в этот регион [9, с. 97].

Кроме того, в данном исследовании отмечается, что Центральная Азия имеет стратегическое значение в том числе для других государств, включая Индию и Пакистан. Для этих стран экономический фактор играет ключевую роль, однако инвестиционное сотрудничество с центральноазиатскими государствами остается ограниченным [9, с. 95].

Многие из вопросов экономического сотрудничества затрагивает и изданная в Нью-Йорке книга Т. Дадабаева «Япония в Центральной Азии: стратегии, инициативы и соседние державы». Работа представляет собой исследование экономической дипломатии Японии в отношении стран Центральной Азии. Автор анализирует успешные и неудачные инициативы Японии, включая программу «Один сельский продукт», и обсуждает проблемы, с которыми сталкивается японская дипломатия в регионе [29, с. 15]. Т. Дадабаев описывает, как эта миссия помощи Япо-

нии развивающимся странам, включающая в себя финансовую поддержку и модель развития, способствует переходу этих стран от получателей экономической помощи к странам, способным обеспечить своё развитие без внешней финансовой помощи [29, с. 17]. Исследователь отмечает, что Япония активно стремится использовать транзитный потенциал Центрально-Азиатского региона и заинтересована в его энергетических ресурсах [28, с. 12].

Весьма высокую оценку экономической дипломатии Японии в Центральной Азии дает О.А. Добринская. Она считает отношения Японии со странами региона «моделью экономического взаимодействия» [7]. Структура торговли между Страной восходящего солнца и Центральной Азией отражает, по её мнению, тенденцию торговых отношений Японии с развивающимися странами Евразии. Япония экспортирует транспортное оборудование, автомобили и машины, в то время как импорт из Центральной Азии в основном представлен сырьем и текстилем [3, с. 136].

Политические аспекты

Политическая активность Японии в Центрально-Азиатском регионе так же является объектом многих исследований. Статья «Политика Японии в Центральной Азии (1992–2016 гг.)» Е.Ф. Троицкого и М.Ю. Кима представляет собой обзор политической деятельности Японии в регионе Центральной Азии за указанный период времени [26, с. 23]. По мнению авторов, интерес Японии к Центральной Азии никак не проявлялся в начале 1990-х годов. Политика Токио в регионе была пассивна. В результате Япония открыла в регионе только два посольства: в Казахстане и Узбекистане. Визиты высокопоставленных дипломатических представителей Японии были редкими [26, с. 26]. Тем не менее в июле 1997 года премьер-министр Японии Р. Хасимото сделал заявление, в котором объявил о начале проведения активной «евразийской дипломатии». Она включала в себя, прежде всего, расширение отношений с Центральной Азией.

Несмотря на то что данная концепция означала стремление к углублению сотрудничества с регионом, на практике она не повлекла за собой рост активности японской политики в Центральной Азии [26, с. 31]. Лишь в начале 2000-х годов были созданы предпосылки для расширения влияния Японии в регионе.

В итоге в 2002 году Токио и Ташкент установили между собой «стратегическое партнерство». Кроме того, Япония начала активно участвовать в финансировании проектов в Афганистане, что также отражало расширение её интересов в Центральной Азии [26, с. 32].

В работе Е.Ф. Троицкого и М.Ю. Кима отдельно рассматривается инициатива официального Токио по формированию диалога «Центральная Азия плюс Япония». Авторы придерживаются точки зрения, что инициатива была направлена на «содействие развитию внутрирегионального сотрудничества в Центральной Азии без преследования “эгоистичных целей”». Ученые анализируют также меры, принятые Токио, включая разработку Плана действий, который предусматривал «развитие политического диалога, расширение экономического сотрудничества, культурный и образовательный обмен, а также сотрудничество в сферах безопасности и предотвращения природных катастроф» [26, с. 32].

Вопросы японской внешней политики часто рассматриваются на фоне глобальных и региональных процессов международных отношений. По мнению научного руководителя Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ «Высшая школа экономики», доктора политических наук Т. Бордачева, в контексте Азии и Евразии, макрорегиона, играющего ключевую роль в международной политике, важными аспектами являются анализ целей и результатов японской помощи, а также оценка успехов и неудач в этом контексте [1, с. 6].

Развивая эту мысль, Т. Бордачев в другом исследовании [2, с. 8] отмечал, что Япония, несмотря на свою зависимость от США в вопросах безопасности, стремится реализовать свои цели развития и приобретения необходимых ресурсов без применения агрессивной политики в отношении соседей. Важно отметить, что японская помощь нацелена на поддержание внутренней стабильности и развитие экономики и социума партнеров. Это позволяет Токио обойтись без явных неудач в политике в данном контексте. Автор указывает также на отсутствие противостоящих военно-политических союзов в Азии и Евразии, а также на то, что объединения государств в этом регионе в первую очередь нацелены на развитие своих участников и поддержание их внутренней стабильности. Это создает благоприятные условия для ре-

ализации стратегических целей, включая японские, без прямого противостояния с другими странами макрорегиона [1, с. 7].

Профессор С.С. Жильцов в своей статье для журнала «Мировая экономика и международные отношения» показал, какое влияние оказывает политика Японии на новые независимые государства, включая страны Центрально-Азиатского региона. Автор отмечает, что в контексте стран Центральной Азии интересы Японии зачастую остаются незамеченными в тени глобальных держав, таких как Китай, США и ЕС. Автор, признавая, что Япония проявляет значительное внимание к политическим и экономическим процессам в этом регионе, подчеркивает, что Страна восходящего солнца предпочитает не афишировать свою активность, сохраняя относительно низкий профиль в мировой печати [9, с. 130].

Некоторые авторы заметно акцентировали персональную роль японских политиков в развитии отношений. По мнению Н.И. Курбанова, следует отметить роль премьер-министра Синдзо Абэ, в годы правления которого осуществлялись важные миссии в ресурсные страны, в том числе в Центральную Азию, что привело к подписанию соглашений о сотрудничестве в области инфраструктуры и разработки природных ресурсов [12, с. 350]. Статья «Японская дипломатия: год без Абэ» О.А. Добринской представляет анализ дипломатической деятельности Японии в течение года после ухода премьер-министра С. Абэ и вступления в должность Ё. Суга. Автор рассматривает основные направления внешнеполитической деятельности страны под руководством нового премьера и оценивает его успехи и неудачи. О.А. Добринская отмечает, что премьер-министр Японии Ё. Суга столкнулся с низким рейтингом из-за неудач в борьбе с пандемией. Его дипломатическая активность ослабла из-за ограничений на контакты с иностранными лидерами. Однако страна продолжила стратегические союзы своей внешней политики, в том числе с США и в Азиатско-Тихоокеанском регионе [7, с. 14].

Использование «мягкой силы»

Использование «мягкой силы» во внешней политике Японии в Центральной Азии является частью стратегии укрепления её международного присутствия и влияния [6, с. 61]. На осно-

ве результатов социологических исследований Е.Ф. Троицкий и М.Ю. Ким делают вывод об успешности применения Японией инструментов «мягкой силы» в регионе [26, с. 35]: Япония завоевала благоприятную репутацию в основном благодаря реализации образовательных, научных и культурных проектов в рамках сотрудничества с Центральной Азией. По мнению Е.Ф. Троицкого и М.Ю. Кима, до последних лет Япония предпочитала «поддерживать “деполитизацию” своих отношений с Центральной Азией и оставаться в тени американской дипломатии». Впоследствии Токио усилил внимание к региону, активнее задействовав экономические и политические инструменты влияния. По мнению Е.Ф. Троицкого и М.Ю. Кима, маловероятно «проецирование» на Центральную Азию модели трехстороннего взаимодействия, аналогичной той, которая реализуется в Юго-Восточной Азии тремя странами — Японией, США и Индией. Этот шаг потенциально позволит Японии укрепить своё влияние в Центральной Азии и активнее участвовать в региональных процессах [26, с. 36].

Проблемы и вызовы

Исследование, проведенное Е.Ф. Троицким и М.Ю. Кимом, обращает также внимание на проблемы и вызовы, связанные с японской экономической дипломатией в Центральной Азии. Важным моментом, подчеркиваемым авторами, является развитие концепции Шелкового пути в 1997 году, которая послужила основой для систематической поддержки политики Японии в отношении Центральной Азии. Вместе с тем исследование указывает на проблемы и вызовы, с которыми сталкивается сотрудничество между Японией и странами региона, такие как неоднозначные реакции на японскую экономическую помощь и взаимное недопонимание, вызванное вакуумом информации [26, с. 4].

О.А. Добринская указывает на слабые места ОПР. По её мнению, стратегии ОПР должны учитывать местные потребности и приоритеты развивающихся стран [3, с. 7]. Однако текущие стратегии не всегда соответствуют этим критериям. Для улучшения эффективности ОПР необходимо глубокое сотрудничество между странами-донорами и странами-получателями, как полагает автор [3, с. 7].

Ряд экспертов высказывают критические замечания по поводу японской политики в Центральной Азии. Согласно замечаниям О.Г. Парамонова, кандидата политических наук и старшего научного сотрудника Центра Китая, Восточной Азии и ШОС в Институте международных исследований, заметно отсутствие четкой стратегии со стороны Японии в этом регионе [21, с. 5]. Н.Ю. Мурашкин, научный сотрудник Института Азии Университета Гриффита (Австралия) и эксперт Российского совета по международным делам, анализируя влияние политики Японии в Центральной Азии, подчеркивает настоятельную необходимость пересмотра японской стратегии в свете изменений в региональной экономической среде и активности других государств [16, с. 351]. Несмотря на свой богатый потенциал, Центральная Азия остается не слишком привлекательным регионом для японских компаний из-за низкой покупательной способности населения, строгих государственных таможенных барьеров и невысокого уровня локализации инвестиций. Казахстан — исключение из правила по покупательной способности, но его рынок всё равно остается небольшим.

Н.Ю. Мурашкин считает, что в реальности присутствует ограниченный интерес Японии к Центральной Азии, если его сравнивать с деятельностью в регионе компаний из КНР и Южной Кореи [16, с. 349]. Автор объясняет ограничения коммерческого успеха Японии различиями в корпоративной культуре и стратегиях. Бизнесмены из Японии работают, как правило, через международные консорциумы, в то время как китайские и южнокорейские компании сами демонстрируют более активное самостоятельное присутствие. Большинство японских компаний в регионе работают через представительства, что свидетельствует о желании обеспечить высокую степень избежания возможных рисков.

Заключение

В данной статье был проведен комплексный анализ работ ученых Российской Федерации и республик СНГ, касающихся экономической дипломатии Японии в отношении стран Центральной Азии. Он показал, что в науке образовался значительный пласт исследований, нацеленных на понимание этого феномена. Авторы подробно освещают различные аспекты внешней политики

Японии в отношении стран Центральной Азии. Цели японской дипломатии в политической сфере характеризуются как направленные на поддержку региональной стабильности. В экономической области выделяются инвестиционные проекты, которые способствуют развитию республик Центральной Азии. Ряд авторов выделяют применение инструментария «мягкой силы», в частности образовательных программ, оценивая их как важный фактор развития человеческих ресурсов в регионе Центральной Азии.

Исследователи отмечают также, хотя и лапидарно, определенные проблемы, с которыми сталкивается экономическая дипломатия Японии. Это — неоднозначная реакция на японскую помощь в республиках Центральной Азии и конкуренция с другими крупными державами.

В целом работы обществоведов из России и стран СНГ способствуют лучшему пониманию установившихся связей между Японией и странами Центральной Азии, а также помогают прогнозировать пути дальнейшего сотрудничества и развития экономических связей в этом регионе.

Будущие исследования, как представляется, должны сосредоточиться на более углубленном изучении японской политики в Центральной Азии, показе её реальных целей, в частности в сфере обеспечения энергетической безопасности, а также на предложениях по решению выявленных проблем и вызовов. Научный и практический интерес имеет также анализ восприятия правящими кругами и общественностью стран Центральной Азии различных проявлений в их странах экономической дипломатии Японии.

Литература

1. *Бордачев Т.* Азия и Евразия в 2023 году: формируя новый международный порядок [Электронный ресурс] / Центр стратегических исследований МГИМО (Университет) МИД России. — 2023. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/aziya-i-evraziya-v-2023-godu-formiruya-novyy-mezhdunarodnyy-poryadok/?sphrase_id=134376680 (дата обращения: 27.03.2024).
2. *Бордачев Т.* Ворота в экономику. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/vorota-v-ekonomiku/?sphrase_id=134376680 (дата обращения: 27.03.2024).
3. *Добринская О.А.* Стратегия Японии в Центральной Азии: политическое, экономическое и культурное измерение / отв. ред. Д.В. Стрельцов; Ин-т востоковедения РАН. — М., 2020. — 320 с.
4. *Добринская О.А.* Энергетическая дипломатия Японии и Центральной Азии // Япония — 2011: ежегодник. — М., 2011. — 200 с.

5. *Добринская О.А.* Роль официальной помощи развитию в стратегии Японии в Центральной Азии // Вестник МГИМО – Университета. — 2020. — № 13 (3). — С. 86–111.
6. *Добринская О.А.* Япония и Центральная Азия: модель экономического взаимодействия // Проблемы Дальнего Востока. — 2020. — № 4. — С. 58–73.
7. *Добринская О.А.* Японская дипломатия: год без Абэ. – 12.10.2021. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/yaponskaya-diplomatiya-god-bez-abe/> (дата обращения: 25.04.2024).
8. *Жильцов С.С., Зонн И.С.* Основные направления политики Китая в Каспийском регионе // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. — 2015. — № 2 (13). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyenapravleniya-politiki-kitaya-v-kaspiyskom-regione> (дата обращения: 27.03.2024).
9. *Жильцов С.С.* Новые независимые государства в фокусе политики мировых держав // Мировая экономика и международные отношения. — 2019. — Т. 63. — № 11. — С. 127–133.
10. *Ким Е.В., Конопьянова Л.О.* Сотрудничество Центральной Азии и Японии // Вестник ЗабГУ. — 2018. — № 6. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-tsentralnoy-azii-i-yaponii> (дата обращения: 17.05.2024).
11. *Ковригин Е.Б.* Япония — АСЕАН: эволюция официальной помощи развитию // Пространственная экономика. — 2014. — № 2. — С. 40–74.
12. *Курбанов Н.И.* Экономическая помощь Японии странам Центральной Азии в 1991–1997 гг. // Ветер Перестройки — 2022: сб. матер. Второй Всерос. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 9–11 ноября 2022 г.) / А.Д. Матлин (отв. ред.) Р.Ф. Галиев, А.А. Голдовский, В.С. Халимочкин, П.А. Шашонков. — СПб.: ООО «Скифия-принт», 2023. — С. 348–355.
13. *Малышева Д.Б.* Постсоветская центральная Азия в фокусе интересов крупных азиатских государств (2019–2020 гг.) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2021. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postsovetskaya-tsentralnaya-aziya-v-fokuse-interesov-kрупnyh-aziatskih-gosudarstv-2019-2020-gg> (дата обращения: 12.04.2024).
14. *Мещеряков К.Е.* Эволюция российско-туркменского межгосударственного сотрудничества в 1991–1999 гг. // Клио. — 2013. — № 2 (74).
15. *Молдогазиев Р.Т.* История и перспективы кыргызско-японских отношений: интервью экс-Чрезвычайного и Полномочного Посла Кыргызской Республики в Японии, Президента Кыргызско-Японского Делового Совета Р.Т. Молдогазиева Кыргызскому Национальному агентству новостей «Кабар» [Электронный ресурс] // Кыргызское национальное агентство новостей «Кабар». — 26.01.2017. — URL: <https://kabar.kg/news/istoriia-i-perspektivy-kyrgyzsko-iaponskikh-otnoshenii/> (дата обращения: 01.04.2024).
16. *Мурашкин Н.Ю.* Дипломатия «Великого шелкового пути» в Центральной Азии через призму японских представлений о безопасности (1992–2009 гг.) // Ежегодник Япония. — 2012. — Т. 41. — С. 24–50.
17. *Мурашкин Н.Ю.* Эволюция «российского фактора» во внешней политике Японии в Центральной Азии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. — 2018. — Т. 11. — Вып. 4. — С. 362–375.
18. *Нургалиев М., Шаймергенов Т.* Новый трек японской дипломатии в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. — 2007. — № 6 (54).
19. *Омуралиев Э.* Основные направления сотрудничества Кыргызской Республики и Японии на современном этапе // Кыргызстан и Япония: 30 лет дружбы и сотрудничества: сб. текстов выступ. участников круглого стола, 2022. — Бишкек: М–Максима, 2023. — С. 13–30.
20. *Парамонов В., Строков А., Столповский О.* Внешняя политика Китая в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. — 2010. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-politika-kitaya-v-tsentralnoy-azii>. (дата обращения: 23.03.2024).
21. *Парамонов О.Г., Пузанова О.В.* Евразийская дипломатия Токио: успехи и неудачи (1997–2017 гг.) // Сравнительная политика. — 2018. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziyskaya-diplomatiya-tokio-uspehi-i-neudachi-1997-2017-gg> (дата обращения: 27.03.2024).

22. Сафаров Д. Т. Политика японской официальной помощи развитию (ОПР) на современном этапе // Вестник Белгородского юридического института МВД России. — 2007. — № 2.
23. Сотрудничество России и Японии в Евразии: рабочая тетрадь № 43/2018 / [В.В. Нелидов, К. Кобаяси; гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2018. — 36 с.
24. Тишков В. Нация, национализм и нацистроительство. — 02.03.2021. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/natsiya-natsionalizm-i-natsiestroitelstvo/?sphrase_id=134375347 (дата обращения: 26.03.2024).
25. Толстой В. В поисках нового Казахстана: экономический и международно-правовой анализ. — 29.09.2023. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/v-poiskakh-novogo-kazakhstana-ekonomicheskii-i-mezhdunarodno-pravovoy-analiz/?sphrase_id=134375347 (дата обращения: 27.03.2024).
26. Троицкий Е.Ф., Ким М.Ю. Политика Японии в Центральной Азии (1992–2016 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. — 2017. — № 50. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-yaponii-v-tsentralnoy-azii-1992-2016-gg> (дата обращения: 25.03.2024).
27. Уразаева Ф.П., Курманов З.К. Стратегическое использование ОПР в Центральной Азии // Теории и проблемы политических исследований. — 2018. — Том 7. — № 4А. — С. 130–140.
28. Dadabaev T. Japan's Silk Road Diplomacy: Paving the Road Ahead / Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program. — URL: https://www.silkroadstudies.org/resources/pdf/SilkRoadPapers/2008_06_SRJapan.pdf (accessed: 22.03.2024).
29. Dadabaev T. Japan in Central Asia: Strategies, Initiatives, and Neighboring Powers (Politics and History in Central Asia Series). — N.Y.: Palgrave Macmillan, 2016.
30. Dissyukov A. "Central Asia Plus Japan" Dialogue: From Idea to Implementation // Journal of International and Advanced Japanese Studies. — February 2019. — Vol. 11. — P. 1–21.
31. Murashkin N. Japan and Central Asia: Do Diplomacy and Business Go Hand-in-Hand? // Études de l'Ifri. Ifri, April 2019. — URL: <https://www.ifri.org/en/publications/etudes-de-lifri/japan-and-central-asia-do-diplomacy-and-business-go-hand-hand> (accessed: 22.03.2024).
32. Rakhimov M. Central Asia and Japan: Bilateral and multilateral relations // Journal of Eurasian Studies. — 2014. — No. 5. — P. 77–87.

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Штоль Максим Владимирович,

аспирант,

Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Maxim V. Shtol,

Post-graduate student,

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow.

E-mail: m.shtol@gmail.com

«МУРМАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КАК ЭЛЕМЕНТ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

«MURMANSK INITIATIVES» IN FOREIGN POLICY AS AN ELEMENT OF THE DEVELOPMENT OF THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

Аннотация: в статье исследован аспект советской внешней политики по демилитаризации и созданию безъядерной зоны в Северной Европе, мирному сотрудничеству и научному изучению Арктики, рациональному освоению ресурсов и использованию Северного морского пути, развитию дипломатии сотрудничества. Особое место занимают «мурманские инициативы» 1987 года, предложенные главой государства, содержание которых нашло свое воплощение в Арктическом совете, учрежденном в 1996 году в Канаде (Оттава). Совет выполняет свои функции в ходе пленарных заседаний или посредством работы в рабочих и экспертных группах. Конец противостояния двух антагонистических общественно-политических систем незначительно снизил военную активность США и полярных стран – участниц НАТО в Арктике, их основной вектор развития и военного строительства на данном стратегическом направлении сохранился.

Ключевые слова: демилитаризация, безъядерная зона в Северной Европе, нормализация международных отношений, «мурманские инициативы», Арктический совет, Северный морской путь.

Abstract: the article explores the aspect of Soviet foreign policy on demilitarization and creation of a nuclear-free zone in Northern Europe, peaceful cooperation and scientific study of the Arctic, rational development of resources and use of the Northern Sea Route, development of cooperation diplomacy. A special place is occupied by the Murmansk Initiatives of 1987, proposed by the Head of State, the content of which was embodied in the Arctic Council, established in 1996 in Ottawa, Canada. The Council carries out its functions in plenary sessions

or through work in working and expert groups. The end of the confrontation between the two antagonistic socio-political systems has slightly reduced the military activity of the United States and the polar NATO member states in the Arctic; their main vector of development and military construction in this strategic direction has been preserved.

Key words: demilitarization, nuclear-free zone in Northern Europe, normalization of international relations, Murmansk Initiatives, Arctic Council, Northern Sea Route.

Введение

На исходе холодной войны произошло улучшение отношений между СССР и США. Военно-политическая напряженность в мире снизилась. В 1988 году в СССР приезжал министр обороны США Ф. Карлуччи, а в следующем году — председатель комитета начальников штабов адмирал У. Крау. В том же году маршал Советского Союза С.Ф. Ахромеев выступал в Конгрессе США [3, с. 233; 16, с. 72–80].

Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев стремился к осуществлению новой внешнеполитической стратегии, тесно увязанной с оборонительной военной доктриной СССР. Он сообщил американскому Президенту о намерении, в сравнении с 1988 годом, сокращения [13, с. 568–569]:

- военных расходов – на 14,2%;
- выпуска военной продукции (в области вооружений и военной техники) – на 19,5%.

Глава СССР считал, что государство обладает большим запасом прочности в военной сфере. Поэтому главным ресурсом в интересах выстраивания межгосударственных отношений стали политические и военные уступки. Это было необходимо не только для обеспечения нового источника финансирования реформ в стране, но и для пропагандистского обеспечения советской политики [4, с. 6]. Сокращение СССР Вооруженных Сил и вооружений в основном имело односторонний характер. «Новое мышление» не учитывало всех возможных для страны последствий и форсировало международные договоренности¹.

¹ Например, когда в декабре 1987 г. СССР и США заключили Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), впервые выведивший из arsenалов стран целый класс дестабилизирующих вооружений, советская сторона согласилась на требования США ликвидировать оперативно-тактический комплекс «Ока» (по классификации НАТО SS-23 Spider), несмотря на то что дальность его ракет была менее 500 км. В то же время дальнейшая реализация политики сокращения стратегических ядерных arsenалов привела к заключению между Москвой и Вашингтоном Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1), определявшего сокращение своих ядерных arsenалов наполовину. Это были прорывные шаги, основанные на формуле, согласованной М.С. Горбачевым и Р. Рейганом, сохраняющей актуальность и сегодня.

«Мурманские инициативы»

Арктика оставалась потенциальным театром военных действий сверхдержав вплоть до окончания холодной войны. Однако перестройка в СССР затронула и этот геостратегический регион. В 1983 году М.С. Горбачев выступал на встрече с парламентариями Канады, где заявлял, что Советский Союз хочет видеть «Арктику районом совместных научных исследований и освоения, а не военных действий» [8, с. 407].

Михаил Сергеевич Горбачев, пытаясь реализовать свои идеи, в октябре 1987 года посетил Мурманск (не только значимый транспортно-разгрузочный хаб, используемый странами – союзниками по антигитлеровской коалиции, но и важнейший советский экономический и военно-морской центр в Заполярье) для вручения высокого звания «Город-герой»². *Это была возможность получить поддержку и одобрение нового курса жителями региона и представителями Северного флота.* Но главной целью визита стала апробация новых международных инициатив внешнеполитического перестроечного курса [23, с. 6]. В своей программной речи глава государства, обращаясь к мировому сообществу, в первую очередь к США и Северным странам, подал сигнал о стремлении и готовности к ослаблению военной конфронтации в целом на Севере.

«Мурманские инициативы»³ включали в себя следующие позиции.

1. Советский Союз не против выступить гарантом безъядерной зоны в Северной Европе. В подтверждение стремления к разрядке частично демонтировались пусковые установки баллистических ракет средней дальности в Ленинградском и Прибалтийском военных округах, а на Кольском полуострове полностью.

Более показательным является другой пример решений, не повышающих обороноспособность страны, — уничтожение в 1989 г. новой радиолокационной станции (РЛС) «Дарьял-У» (комплекс системы предупреждения о ракетном нападении под Енисейском, Красноярский край), обеспечивавшей непрерывное радиолокационное поле по внешней границе СССР на северо-восточном ракетоопасном направлении (*Примеч. авт.*).

² М.С. Горбачевым было принято решение о присвоении Мурманску высокого звания (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 мая 1985 г. «О присвоении звания “Город-герой” городам Мурманску и Смоленску») [14, с. 155].

³ «Мурманские инициативы» от 1 октября 1987 г. – это создание в Северной Европе безъядерной зоны; ограничение военной активности в морях, омывающих Северную Европу; сотрудничество стран Севера в области рационального освоения ресурсов Севера и Арктики; охрана окружающей среды Севера; научное изучение Арктики; открытие Северного морского пути для иностранных судов в случае нормализации международных отношений (*Примеч. авт.*).

2. Взаимовыгодное сотрудничество по эффективной добыче арктических ресурсов.

3. Сотрудничество в научных исследованиях на Крайнем Севере. Проведение саммита приарктических государств в целях координации исследовательских программ, а также размышления над проблемой создания Арктического совета.

4. Разработка комплексного плана по охране окружающей среды, учреждение региональной системы мониторинга окружающей среды и состояния радиационной безопасности.

5. Готовность к допуску иностранных судов в Северный морской путь (СМП) и осуществлению их ледокольной проводки, предоставлению возможности им захода в советские порты для разгрузки (погрузки), обслуживания (ремонта), пополнения необходимых запасов при условии ликвидации «напряженности в международных отношениях» [12, с. 335–338].

М.С. Горбачёв продолжил развитие дипломатии сотрудничества в ходе визита в Финляндию в 1989 году. Он планировал инвентаризацию и продвижение «мурманских инициатив» [6, с. 44–46].

Инициативы Генерального секретаря вызвали большой общественный резонанс. В частности, Госкомиссия по делам Арктики при Совете министров СССР озаботилась последним пунктом этих инициатив. Комиссия поручила Минюсту «разработать предложения по защите интересов СССР» в случае открытия СМП для прохода иностранных судов [9, л. 1].

Обобщения исторических материалов свидетельствуют о том, что в правительстве не поддержали идею генсека о расширении арктических вопросов и тут же начали разрабатывать контрмеры. «В политических кругах некоторых стран заметно возрос интерес к Арктике, — докладывал замминистра юстиции И.С. Самощенко, — ряд стран уже имеет ледокольный флот, который может ходить в летнее время по Северному морскому пути. **В период с 1962 по 1970 год шесть ледоколов Береговой охраны США совершали плавания по Северному морскому пути.** Есть информация о проектировании или строительстве ледоколов и грузовых судов повышенной ледовой проходимости, которые смогут плавать по отдельным участкам Северного морского пути круглый год. Это может пошатнуть позиции СССР и стимулировать тенденции к ревизии “статус-кво” в Арктике» (выделено

мною. – М.Ш.) [10, л. 2–3]. В соответствии с конвенциональной нормой ООН по морскому праву 1982 года советское правительство стремилось регламентировать, ограничивать, а в некоторых случаях и запрещать судоходство в советской экономической зоне в Арктике¹. Это было связано с «заботой о предотвращении, сокращении и сохранении под контролем загрязнения морской среды» (курсив мой. – М.Ш.).

В 1987 году были разработаны проекты постановлений Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, согласованные с рядом министерств и ведомств, в том числе с МИД, Минобороны и КГБ СССР² [11, л. 4–5]. Данные меры помогли закрепить правовой режим Северного морского пути как национальной транспортной магистрали страны, несмотря на веяния гуманистических идей «нового мышления».

Демилитаризация советской и российской Арктики

На Западе «мурманские инициативы» восприняли как логическое продолжение развития событий вокруг проблемы формирования безъядерной зоны на Севере Европы³. Идея ее создания в Арктике не нова (в июне 1987 г. члены парламента 12 скандинавских партий подписали и опубликовали доклад, в котором освещались вопросы создания безъядерной зоны в Арктике, в том

¹ Конвенция ООН по морскому праву была подписана Советским Союзом в 1982 г., а ратифицирована уже Российской Федерацией в 1997 г. Отражая специфику Арктики, Конвенция наделяет прибрежные к Северному Ледовитому океану государства правом вводить здесь значительно более строгое правовое регулирование, нежели в других морских районах. Речь идет о праве приарктических государств на основании ст. 234 Конвенции «принимать и обеспечивать соблюдение недискриминационных законов и правил по предотвращению, сокращению и сохранению под контролем загрязнения морской среды с судов в пределах исключительной экономической зоны» в районах, покрытых льдами в течение большей части года [17, с. 3–168].

² См.: постановление Совета министров СССР «О мерах по обеспечению выполнения Указа Президиума Верховного Совета СССР “Об усилении охраны природы в районах Крайнего Севера и морских районах, прилегающих к северному побережью СССР”; Правила плавания судов и иных плавучих средств по трассе Северного морского пути и трассам смежных с ним районов.

³ Фактически вопросы создания безъядерной зоны на Севере Европы возникли с момента прецедента подписания Договора об Антарктике 1959 г. (вступил в силу 23 июня 1961 г.), когда обширный район планеты был объявлен демилитаризованным и впервые в истории утвержден в качестве зоны, свободной от ядерного оружия. Согласно Договору в Антарктиде запрещены любые мероприятия военного характера: создание военных баз и укреплений, проведение военных маневров, испытание любых видов оружия [14].

На сегодняшний день первым и единственным арктическим районом, для которого были приняты многосторонние меры по контролю над вооружениями, стал архипелаг Шпицберген. Международный договор 1920 г. сохраняет силу, и этот архипелаг является демилитаризованной, а значит, безъядерной зоной. Однако она была создана во времена, когда Арктика в целом не имела по существу военно-стратегического значения и это обстоятельство не влияло на подписание Договора (Примеч. авт.).

числе ее границы, порядок функционирования, гарантии со стороны ядерных держав), но именно **СССР более других северных стран стремился перестроить международную обстановку в Арктике.**

Проведение в 1988 году в Ленинграде Международной конференции приарктических государств позитивно сказалось на координации научных исследований в Арктике [1, с. 204]. В конференции приняли участие около 500 учёных из 15 стран, в том числе представители Министерства обороны СССР.

Итогом инвентаризации «мурманских инициатив», сформулированных в Финляндии, стало устранение многолетнего камня преткновения в советско-норвежских межгосударственных отношениях – неразграниченных участков в море («серой зоны»), шельфа и экономических зон (площадью, превышающей 170 тыс. км²). В итоге к 1991 году неразграниченным оставался участок (площадью около 40 тыс. км²), богатый рыбой, изобилующий залежами нефти и газа. Норвегия предлагала разделить его пополам, но в СССР не согласились, в том числе из-за рыбных ресурсов [19, с. 85].

В военной сфере ситуация практически не изменилась в отличие от невоенной. Это было обусловлено тем, что развитие Арктики как на международном уровне, так и внутри каждой страны зависело от глобальных военно-стратегических процессов и интересов этих стран.

США заявили, что не поддерживают создание безъядерной зоны на севере Европы, так как это не соответствовало их интересам. Американская военно-морская стратегия в Арктике заключалась в том, чтобы держать советский стратегический флот ближе к берегам СССР. Поэтому северные страны-союзницы – Канада, Дания, Норвегия, Исландия – не могли вести самостоятельную политику в этом направлении без согласования с Пентагоном [21].

Союзнические обязательства по блоку НАТО помешали приарктическим странам согласиться на создание безъядерных зон на своих территориях. Это стало бы отходом от союзных отношений к неприсоединению, что было невозможно с учетом их исторических традиций и военно-политических связей.

Поскольку Арктика являлась зоной противостояния сил Организации Варшавского договора (ОВД) и НАТО, то инициативы

советского лидера по созданию безъядерной зоны на Севере Европы были бесперспективными. А патрулирование стратегической авиации и нахождение на боевом дежурстве подводников с баллистическими ракетами способствовало сохранению стратегической стабильности между сторонами – участниками холодной войны [18].

С 1990-х годов резко сокращались войска, дислоцировавшиеся в Арктическом регионе. Прежде всего, из-за дороговизны содержания ликвидировались удаленные подразделения на Новой Земле (м. Желания), Земле Франца-Иосифа (о. Грезэм-Белл, Нагурское), Северной Земле, островах Визе, Белый, Колгуев, Врангеля, Вайгач, Диксон и других.

Вместе с тем судьба СССР была решена 8 декабря 1991 года на встрече руководителей Белоруссии, России и Украины в Беловежской пуще, в результате чего 12 декабря Верховный Совет РСФСР принял постановления «О денонсации Договора об образовании СССР» и «О ратификации Соглашения о создании Содружества Независимых Государств» [5]. Начался новый этап в истории государства, обусловленный распадом и строительством государственных институтов Российской Федерации. Фактический развал страны, нарушение промышленной кооперации, попытки быстрой перестройки привели к экономическому кризису в России. Он позволял содержать Вооруженные Силы только на уровне минимальной оборонной достаточности. В новой обстановке военно-политическому руководству страны пришлось скорректировать задачи армии и флота, которые России пришлось создавать заново.

Сложившаяся ситуация не могла не отразиться на военной силе, которая десятилетиями наращивалась на северной границе страны во времена холодной войны. С ослаблением экономических возможностей государства и системной дезинтеграцией в социальной, общественной и политической сферах боевые возможности группировки войск в Арктике значительно снизились¹.

¹ Подобные тенденции затронули и научно-исследовательскую деятельность, проводимую отечественными учеными в Арктике, в том числе и имевшую функционал двойного (гражданского и военного) назначения. Вынужденное закрытие в июле 1991 г. советской станции «Северный полюс — 31» прервало более чем полувековой цикл наблюдений с дрейфующих льдов Арктики. Вплоть до 2001 г. в регионе не было ни одной российской дрейфующей станции, ни одного ученого, который занимался бы на месте сбором необходимых научно-прикладных данных (Примеч. авт.).

Россия фактически утратила стабильное военное присутствие в своих арктических границах после распада Советского Союза.

Генерал-лейтенант Г.К. Дубров, возглавлявший радиотехнические войска противовоздушной обороны (ПВО) в 1987–1991 годах, в отношении расформирования свидетельствовал: «Были вывезены только люди, стрелковое вооружение и документация. Всё остальное оставлено на позициях. Предлог — нет денег на оплату судов» [15, с. 24].

При этом эвакуация людей практически не была организована по причине неразберихи в вышестоящих органах управления (штабах) в начале 1990-х годов, которая выражалась:

- в отсутствии директивы на расформирование частей и подразделений;
- проведении организационно-штатных мероприятий, имеющих ликвидационный характер в зимнее время, в то время как навигация по СМП открывалась с середины августа.

Критическое сокращение войск ПВО в Арктике и частичная передислокация привели к тому, что над акваторией Северного Ледовитого океана, территориями Сибири (Западной и Восточной), Чукотки были ликвидированы радиолокационные средства, выполняющие разведку и контроль воздушного пространства СССР в заданных секторах ответственности. Поэтому командующий радиотехническими войсками ПВО страны констатировал: «Кто там и когда летает, с какими целями, в каких направлениях — теперь уже не знает никто» [22, с. 24].

Не менее деструктивные процессы затронули Северный флот. Флот был единственным оперативно-стратегическим объединением, постоянно развернутым в Арктике. Одновременно с процессом снижения боевой готовности резко сокращался боевой состав Северного флота, что негативно влияло на обеспечение военной безопасности в Арктическом регионе.

Сокращение российского военного контингента в Арктике не связано со стабилизацией международных отношений. Военно-морская активность США и стран НАТО с середины 1990-х годов только усилилась. Патрулирование советских подводных атомных ракетных крейсеров сократилось в разы по сравнению с концом 1980-х, в то время как в Атлантике непрерывно находились 8–10 американских и союзных атомных подводных лодок

с баллистическими ракетами, что значительно превышало представленные боевые возможности СССР в этой области. Кроме того, в Баренцевом море постоянно действовали 3–4 многоцелевые атомные подводные лодки США и союзников с крылатыми ракетами большой дальности, в зону досягаемости которых входили сотни российских городов, включая Москву. В разы возросла интенсивность разведывательной деятельности в Арктике, особенно воздушной составляющей. Усилилась активность противолодочных сил США и НАТО на рубеже Нордкап — остров Медвежий [22, с. 24].

«Мурманские инициативы» как основы Арктического совета

«Мурманские инициативы» выдержали проверку временем, их сущность и содержание нашли свое воплощение в Арктическом совете, учрежденном восемью арктическими государствами в 1996 году в Канаде (Оттава). Впоследствии в Совет со статусом «постоянного участника» вошли организации коренных народов Арктики. Совещание по вопросам Крайнего Севера приобрело статус форума, с одной стороны, высокого уровня в формате межгосударственного, а с другой — регионального [27].

В соответствии с Декларацией об учреждении Арктического совета совещание стало, с одной стороны, межгосударственным регионального формата, с другой – форумом высокого уровня.

Право принятия решений (на основе согласия) предоставлено основным членам¹. Как следствие, Арктический совет стал наиболее авторитетным межправительственным форумом для сотрудничества на Крайнем Севере. Совет выполняет свои функции как в ходе пленарных заседаний, так и посредством работы в рабочих и экспертных группах. В XXI веке Совет получил статус межправительственной международной организации. Государства-члены вносят регулярные взносы в его бюджет. Арктический совет не решает вопросы военной безопасности. В условиях общепланетарных климатических изменений он успешно определяет согласованные векторы регулирования природоохранной и социально-экономической деятельности в Северном полярном регионе. Кроме того, он оказывает поддержку

---

¹ Дания, Исландия, Канада, Норвегия, Россия, США, Финляндия, Швеция (Примеч. авт.).

жителям этого региона, особенно коренным малочисленным народам. Совет утвердил 20 мая 2021 года в Рейкьявике «Стратегический план Арктического совета на 2021–2030 годы» [25, р. 1]. На встречах членов Совета вырабатывалось единое мнение по ряду актуальных вопросов, что нашло свое отражение в межгосударственных соглашениях, направленных на сотрудничество в Арктике [20–22]:

- по авиационному и морскому поиску терпящих бедствие, спасению их (вступило в силу в 2011 г.);
- реагированию на загрязнения в результате разлива нефтепродуктов (вступило в силу в 2013 г.);
- развитию международной научной кооперации (вступило в силу в 2017 г.).

В ходе работы Арктического совета сформировались направления приложения усилий в соответствии с разработанными и принятыми всеми участниками научно обоснованными мерами [7]. Первым направлением стала забота об охране окружающей среды, о сохранении арктической флоры и фауны. Вторым — недопущение (предупреждение) чрезвычайных ситуаций, своевременное реагирование на них в случае возникновения. Третьим направлением — реализация правовых положений устойчивого развития региона.

В соответствии с очерёдностью председательство в Совете в 2023–2025 годах заняла Норвегия, которая заявила курс на содействие сотрудничеству и стабильности на Крайнем Севере и предложила следующую долгосрочную арктическую политику:

- решать вопросы изменения климата, устойчивого экономического развития, обеспечения благополучия жителей, безопасного судоходства;
- сделать вопросы молодежи и коренных народов, океанов, климата и окружающей среды, устойчивого социального развития приоритетными в деятельности Совета;
- продолжить комплексное управление с учетом адаптации к последствиям изменения климата, здорового и продуктивного использования океанов, повышения устойчивости отраслей в Северном Ледовитом океане;
- направить усилия на поддержание межгосударственного сотрудничества по исследованию океана и противодей-

ствию выбросу (накоплению) морского мусора, обеспечению готовности к предотвращению и устранению чрезвычайных ситуаций.

Богатые природные ресурсы Арктики уже поддерживают экономическое развитие и сообщества в регионе. Однако глобальные климатические изменения преобразовывают систему источников средств к существованию и условия жизни людей на Крайнем Севере, не реализован потенциал «зеленых» технологий. Поэтому Королевство Норвегия как председатель Арктического совета предлагает сосредоточиться на таких тематических приоритетах, как «зеленый переход», «голубая экономика», устойчивое судоходство, решение проблем продовольственной системы. Кроме того, планируется работа над созданием устойчивых и инклюзивных арктических сообществ. В связи с этим внимание председателя Совета сосредоточено на укреплении сотрудничества в области здравоохранения, включая повышение медицинской готовности в регионе, а также на расширении культурного сотрудничества в Арктике [26].

Дания, Исландия, Канада, Норвегия, США, Финляндия и Швеция выпустили 3 июня 2022 года письменное заявление, свидетельствующее о принятии решения возобновить работу Арктического совета без российского участия, что вызывает сомнение в успехе деятельности этого органа. Ввиду привнесения в арктическую повестку разногласий, имеющих место не в Арктике, как отмечает профессор О. Янг, «Арктический совет оскудел», произошел «разрыв в его деятельности из-за украинского кризиса» [28].

Заключение

Таким образом, результаты обобщаемого материала позволяют сделать следующие выводы.

1. Советская внешняя политика конца 80-х годов XX века в Арктике свидетельствует о стремлении государства к мирному сотрудничеству и научному изучению, демилитаризации Северной Европы, рациональному освоению ресурсов и использованию Северного морского пути, развитию дипломатии сотрудничества.

2. Окончание холодной войны и дестабилизация внутриполитической ситуации в стране, обусловленной дезинтеграцией

советского государства, чрезвычайно деструктивно проявились в деятельности государства во всех сферах внутренней и внешней политики, в том числе и в Арктической зоне.

3. Конец противостояния двух антагонистических общественно-политических систем незначительно снизил военную активность США и полярных стран – участниц НАТО в Арктике; их основной вектор развития и военного строительства на данном стратегическом направлении сохранился.

4. В XXI веке любая безъядерная зона в Арктике — иллюзия, так как она не сможет находиться вне ядерных технологий, военных стратегий, внешней и внутренней политики государств.

5. Советские «мурманские инициативы» на рубеже XX–XXI веков стали основой Арктического совета как ведущего органа, регулирующего внешнюю политику арктических и приарктических государств.

Литература

1. *Арикайнен А.И.* Во льдах Североамериканской Арктики. Этапы развития Северо-Западного пути. — Л.: Гидрометеиздат, 1989. — 208 с.
2. *Арикайнен А.И., Коссов О.А.* Проблемы военной безопасности в Арктике. Анализ взглядов западных политологов на советские и мурманские инициативы в военной области. — М.: Всесоюзный НИИ системных исследований АН СССР, 1990. — 92 с.
3. *Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М.* Глазами маршала и дипломата. Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 года. — М., 1992.
4. *Барсенков А.С.* «Новое мышление» во внешней политике СССР (1958–1991) // Вестник Московского университета. — 2012. — Сер. 25. — № 4.
5. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. — 1991. — № 51. Ст. 1798, 1799.
6. *Визит М.С. Горбачева в Финляндию 25–27 октября 1989 г.* Документы и материалы. — М., 1989. — С. 44–46.
7. *Вылегжанин А.Н.* и др. Арктический совет: статус и деятельность. Доклад № 67. — М.: НП РСМД, 2021. — 94 с.
8. Выступление на встрече с парламентариями Канады 18 мая 1983 года // Горбачев М.С. Избранные речи и статьи: в 7 т. — М., 1987. — Т. 1.
9. ГАРФ. Оп. 149. Д. 1011.
10. ГАРФ. Оп. 149. Д. 1011.
11. ГАРФ. Оп. 149. Д. 1011.
12. Главное теперь — практическое осуществление задач перестройки. Речь на торжественном собрании, посвященном вручению Мурманску ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» 1 октября 1987 года // Горбачев М.С. Избранные речи и статьи: в 7 т. — М., 1988. — Т. 5. — С. 335–338.
13. *Горбачев М.С.* Избранные речи и статьи: в 7 т. — М., 1990. — Т. 7. — С. 568–569.
14. Договор об Антарктике 1959 года // Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. — № 31. Ст. 329.
15. *Дубров Г.* Бросить всё. Таким был уход радиотехнических войск из Арктики в 1990-е годы // ВКО (Воздушно-космическая оборона). — 2005. — № 1 (20).
16. Искать и находить взаимопонимание (Адмирал Карлайл А. Трост отвечает на вопросы «Морского сборника») // Морской сборник. — 1989. — № 9. — С. 72–80.

17. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (г. Монтего-Бей, 10 декабря 1982 г.) // Бюллетень международных договоров. — 1998. — № 1. — С. 3–168.
18. *Копылов, И.А., Матвеев, О.В., Ястремский, А.М.* Некоторые проблемы безопасности российской Арктики: военно-политический аспект // Вопросы национальных и федеративных отношений. — 2020. — Т. 20. — № 8 (65). — С. 2125–2136.
19. *Смирнов А.И.* Российско-норвежские отношения в Баренцевом-Евроарктическом регионе — 90-е годы XX века: дис. ... д-ра. ист. наук. — М., 2003.
20. Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/902395150> (дата обращения: 22.06.2024).
21. Соглашение о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение моря нефтью в Арктике // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/499065181> (дата обращения: 22.06.2024).
22. Соглашение по укреплению международного арктического научного сотрудничества // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/542624227> (дата обращения: 22.06.2024).
23. *Фокин Ю.Е., Смирнов А.И.* Киркенесская Декларация о сотрудничестве в Баренцевом/Евроарктическом регионе: взгляд из России 20 лет спустя. — М., 2012.
24. *Шех А.В.* Власть и общество в условиях перестройки в СССР // Труды Кольского научного центра РАН. — 2014. — № 6 (25).
25. Arctic Council Strategic Plan 2021 to 2030. Reykjavik, 20 May 2021.
26. NORWAY'S CHAIRSHIP, 2023–2025 / Arctic Council. — URL: <https://arctic-council.org/> (accessed: 22.06.2024).
27. Ottawa Declaration (1996) / Arctic Council. — URL: <https://oarchive.arctic-council.org/handle/11374/85> (accessed: 22.06.2024).
28. *Young O.R.* Can the Arctic Council Survive the Impact of the Ukraine Crisis? // Georgetown Journal of International Affairs. — 30.12.2022. — URL: <https://gjia.georgetown.edu/2022/12/30/can-the-arctic-council-survive-the-impact-of-the-ukraine-crisis/> (accessed: 22.06.2024).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Карпович Олег Геннадьевич,

доктор юридических наук, доктор политических наук,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
проректор по научной работе, заведующий кафедрой стратегических
коммуникаций и государственного управления,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Oleg G. Karpovich,

DSc. (Law), DSc. (Polit.), Honored Scientist of the Russian Federation,
Vice-Rector for Research, Head of the Department of Strategic Communications
and Public Administration,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow.

E-mail: iskran@yahoo.com

Чертков Алексей Сергеевич,

кандидат исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Alexei S. Chertkov,

Candidate of Historical Sciences,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow.

E-mail: alexchertkov@list.ru

ОБРАЗ РОССИИ БУДУЩЕГО: ВОСПРИЯТИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ СМЫСЛОВ И ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

THE IMAGE OF RUSSIA IN THE FUTURE: PERCEPTION OF CIVILIZATIONAL MEANINGS AND TRADITIONAL VALUES

Аннотация: в статье рассматриваются современные подходы к освоению нового учебно-методического комплекса «Основы российской государственности» посредством рефлексии студентов московских вузов, представивших для экспертной оценки свои курсные и учебные работы в виде эссе и презентаций на тему «Образ России будущего». Анализ работ студентов свидетельствует о большом интересе обучающихся к тематике, предложенной разработчиками учебно-методического комплекса, и метафорам, харак-

теризующим концепции образа России будущего как высокотехнологичного и социально ответственного государства. По результатам исследования определена популярность героев Отечества, подвиги и самопожертвование которых во благо страны находят наибольший отклик в студенческой аудитории, воспринимающей деяния выдающихся людей как глубоко личную историю, не отделимую от судьбы своей семьи, фамилии, предков. В статье содержится вывод о том, что студенты гуманитарных направлений обучения с трудом ориентируются в истории науки и техники, периодов освоения природных богатств страны, не знают героев труда, создателей отраслей промышленного производства, первооткрывателей месторождений, составляющих основу экономического потенциала государства. Авторы делают вывод, что созданная в большинстве вузов образовательная среда позволяет выстроить систему овладения студентами комплексом знаний по дисциплине, способствует большей социализации студентов и развитию межпоколенческого ценностного диалога на основе изучения традиционных духовно-нравственных ценностей российского государства-цивилизации.

Ключевые слова: «Основы российской государственности», учебно-методический комплекс, традиционные духовно-нравственные ценности, образ России будущего, студенты, герои Отечества, межпоколенческий диалог.

Abstract: the article examines modern approaches to mastering the new educational and methodological complex "Fundamentals of Russian Statehood" through the reflection of students from Moscow universities who submitted their competitive and academic works in the form of essays and presentations on the topic "Image of the Future of Russia" for expert evaluation. An analysis of students' essays shows a high interest of students in the topics proposed by the creators of the educational and methodological complex, and in metaphors that characterize the concepts of the image of Russia's future as a high-tech and socially responsible state. The results of the study determined the popularity of the heroes of the Fatherland, whose exploits and self-sacrifice for the good of the country find the greatest response in the hearts of the student audience, who perceive the deeds of outstanding people as a deeply personal story and do not separate it from the fate of their family, family name, ancestors. The article concludes that students in the humanities have difficulty navigating the history of science and technology, the periods of development of the country's natural resources, and do not know the heroes of labor, the founders of industrial production sectors, and the discoverers of deposits that form the basis of the state's economic potential. The authors conclude that the educational environment created in most universities allows for the development of a system for students to master a set of knowledge in the discipline, promotes greater socialization of students, and the development of intergenerational value dialogue based on the study of traditional spiritual and moral values of the Russian state-civilization.

Key words: "Fundamentals of Russian statehood", educational and methodological complex, traditional spiritual and moral values, image of Russia of the future, students, heroes of the Fatherland, intergenerational dialogue.

Введение

Введение в соответствии с поручением Президента Российской Федерации В.В. Путина по итогам заседания Государственного Совета Российской Федерации 22 декабря 2022 года во всех российских вузах с 1 сентября 2023 года дисциплины «Основы российской государственности» определило задачи для преподавательского сообщества по внедрению в образовательный процесс нового курса, представляющего собой комплекс смежных обществоведческих наук, подготовке педагогических кад-

ров, разработке учебников и методических рекомендаций. Этому предшествовал Указ Президента России от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [18].

В последующем заложенные в данных документах идеи потребовали дополнения в части защиты интересов граждан иных государств, положительно воспринявших действия российского руководства в сфере отстаивания исконных прав и традиций российского народа. Президент России В.В. Путин 19 августа 2024 году подписал Указ № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности» [19]. В развитие положений Указа Президента страны Председатель Правительства РФ М.В. Мишустин 17 сентября 2024 года распоряжением № 2560-р утвердил перечень из 47 государств и территорий, политика которых навязывает «деструктивные неолиберальные установки, противоречащие традиционным российским духовно-нравственным ценностям» [15]. В перечне государств Евросоюза — идеологических противников России отсутствуют Венгрия и Словакия, не вводившие в отношении нашей страны полномасштабные экономические санкции, и Турция — одна из стран военно-политического блока НАТО.

Вопросы искажения истории России В.В. Путин обсудил 20 сентября 2024 года с членами Совета Безопасности России, где подчеркнул: «В последние годы история очень часто используется в современной политике как средство достижения определённых политических целей в отношении нашей страны. Причём делается это зачастую весьма недобросовестным способом. А это, конечно, уже касается сегодняшней текущей политики и отношения к этому со стороны официальных властей, нашей страны» [17].

Как видим, руководство страны последовательно проводит курс на поддержку в обществе традиционных духовно-нравственных ценностей, создает условия, стимулирующие их развитие, вырабатывает механизмы оказания помощи иностранным гражданам, сделавшим выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Россией, обозначает государства, чья

политика навязывает россиянам деструктивные идеологические установки, противоречащие традиционным российским ценностям. Системные установки государственных институтов по развитию традиционных ценностей многонационального российского народа определяют вектор развития обществоведческих дисциплин и научных исследований по изучению истории и культуры государства.

Методология исследования

Теоретико-методологической основой работы послужили отечественные исследования разработчиков проекта «ДНК России» [8–11; 20; 21]. В статье используется политико-текстологический анализ источников, мировоззренческие и общенаучные методы исследования.

В основе теоретико-методологического обоснования новой обязательной для студентов дисциплины лежит «задающая основные категории мировоззренческой модели Пентабазиса» «стартовая публикация» А.Д. Харичева, А.Ю. Шутова, А.В. Полосина, Е.Н. Соколовой [20]. В этой статье обоснована концепция «мировоззренческого Пентабазиса», «представляющая из себя сущностную идеологию, каждой составляющей которой соответствуют выявленные “ценностные доминанты”»: «Человек (созидание) — Семья (традиции) — Общество (согласие) — Государство (доверие к общественным институтам) — Страна (патриотизм)» [20, с. 12]. По мнению одного из ведущих разработчиков проекта А.В. Полосина, данная публикация вызвала «резко эмоциональную реакцию, поскольку была одномерно считана как заявления о возможности учреждения идеологии как агрессивной догмы, а не анализа мировоззрения с позиций научного описания структурных компонент идентичности и мышления» [14, с. 11].

К числу аргументированных критиков государственно-цивилизационного подхода, заложенного в основу введенной в образовательный процесс дисциплины, относится научная статья сотрудника Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева С.Г. Волобуева. Он отметил: «Во всех пособиях и учебно-методическом комплексе осуществляется откат от официальной концепции российского государства-цивилизации, имеющей

интегральный, синтетический характер и призванной преодолеть принадлежащие истории разногласия “славянофилов” и “западников”, “почвенников” и “евразийцев” к состоянию конкуренции различных доктрин и подходов. В учебном курсе “Основы российской государственности” игнорируются, искажаются общепринятые теоретико-правовые подходы к осмыслению феноменов “государственность”, “общенациональный код”, “общероссийская гражданская идентичность”» [2, с. 12]. Название статьи С.Г. Волобуева «Шаг вперед, два шага назад» апеллирует к ленинской формулировке периода разработки учения о партии как «руководящей организации пролетариата» [6]; в данной публикации недвусмысленно формируется вывод ее автора о «несоответствии содержания рассмотренных учебных и учебно-методических материалов целям учебной дисциплины» [2, с. 19].

Справедливости ради следует отметить, что А.В. Полосин в статье «Больше, чем консерватизм: историко-политические основания российской государственности» частично ответил критикам академического сообщества, недооценивающим обоснованную русскими мыслителями «триаду» –коммунитаризм, солидаризм и русский космизм, раскрывающуюся «в рамках цивилизационного подхода»: «Рассматриваемые в совокупности и развитии эти три концепции воплощают значимые для российской цивилизации ценностные константы общинности, соборности, согласия и солидарности, а также подчеркивают глобальную укорененность российского мировоззрения при самобытном характере прочтения и интерпретации идеологических ориентиров ведущих течений социально-политической мысли» [12].

Эмпирической базой исследования послужили разработки студентов, подготовленные ими в процессе изучения дисциплины в двухгосударственных и одном частном университете Москвы в 2023/2024 учебном году; нами были произведены экспертные замеры восприятия студентами-первокурсниками содержания и базовых понятий учебно-методического комплекса «Основы российской государственности». Кроме этого в апреле–мае 2024 года был проведен Всероссийский межвузовский студенческий конкурс эссе «Россия: образ будущего глазами студентов» с долевым участием иностранных обучающихся более 15%: в конкурсе приняли участие студенты из Китайской Народной

Республики, Вьетнама, Уругвая и Таджикистана, обучающиеся в Москве. Всего в указанных мероприятиях было изучено более 500 студенческих работ.

Результаты исследования

Практика преподавания дисциплины в государственных и частных высших учебных заведениях в 2023/2024 учебном году обнаружила ряд методологических проблем, как в преподавании дисциплины, так и в усвоении студентами учебного материала. Они были предопределены предшествующими периодами вузовского образования, характеризующегося отсутствием «традиционалистско-консервативного методологического подхода» [11] к изучению проблем развития российской государственности, опирающегося на цивилизационные смыслы, разработанные в трудах русских мыслителей, а также на традиционные духовно-нравственные ценности русского народа.

Введению дисциплины в образовательный процесс предшествовали неутешительные выводы российских социологов и ученых, указывавших на «возникшие в обществе упущения в сфере патриотического, идейного воспитания молодежи и населения в целом, причины которых усматривались в последствиях либерально-демократической революции в стране начала 1990-х годов и фактического запрета государственной идеологии статьей 13 Конституции 1993 года» [3]. Социологи назвали это «серьезной ошибкой с далеко идущими последствиями. Прежде всего потому, что идеологическое образование и воспитание является мощным инструментом формирования мировоззрения — одной из важнейших скреп любого государства» [3].

Казалось бы, преподавательское сообщество, являющееся свидетелем подобных изменений в умонастроениях студенческой молодежи, должно было бы всецело способствовать исправлению возникших диспропорций в воспитании обучающихся. Тем более что появилась возможность использовать своевременно предложенные проектом «ДНК России» — разработчиками учебно-методического комплекса — современные подходы, которые способствуют «вовлечению академического сообщества в разработку учебно-методического и научно-исследовательского сопровождения государственной политики

в области просвещения, высшего образования и молодежной политики, осуществляемые под эгидой Министерства науки и высшего образования РФ». Однако путь внедрения дисциплины «Основы российской государственности» в университетские аудитории был сопряжен с рядом трудностей.

Не секрет, что часть преподавателей не были тогда готовы к таким образовательным новациям, сказывалось и отсутствие учебников и учебных пособий, кратко, но емко излагающих центральные темы вводимой дисциплины. Прежде всего, это относится к таким базовым понятиям, заложенным в тематической структуре курса, как «Российское государство-цивилизация», «российское мировоззрение и ценности российской цивилизации», «вызовы будущего и развитие страны» и др. Особенно много вопросов у преподавателей и продвинутой части студенчества возникало при рассмотрении темы «Российское государство-цивилизация». Представители «Экспертного клуба Челябинской области», например, говорили, что «хоть и нельзя отрицать наличия особенных, органически сложившихся оснований для существования российского общества и государства, уникальных ценностей, но говорить о них лучше за пределами весьма схематизированной цивилизационной теории, кроме всего прочего предполагающей и “закат” любых цивилизаций» [23]. По сути, получалось, что часть педагогов высшей школы на начальном этапе предлагала вывести за рамки преподавания наиболее актуальные и злободневные содержательные части дисциплины, имеющие новаторский характер, и свести ее до банального курса обществоведения в чуть более расширенном изложении. К чести разработчиков проекта «ДНК России», такой путь был отвергнут.

68% граждан¹ России поддержали введение курса «Основы российской государственности». «Опрос показал, что 7 из 10 россиян хотели бы, чтобы их дети или внуки освоили курс “Основы российской государственности” (72%)» [16]. Тем самым разработчики проекта «ДНК России» получили поддержку не только части патриотично настроенного преподавательского сообщества, но и большинства респондентов квалифицированно проведенного социологического исследования.

¹ По результатам опроса ВЦИОМ, опубликованного 23 сентября 2023 года.

Тем не менее противники традиционалистско-консервативного подхода по-прежнему делают ставку на «латентное идеологическое и психологическое воздействие на умы российской молодежи и всего общества в целом, заключающееся в насаждении исторически чуждых поведенческих стереотипов отрицания государственного патриотизма, служения Отечеству, продолжения рода, эгоизма, безнравственности и вседозволенности» [5, с. 45].

Итогом первого года внедрения курса основ российской государственности стало издание коллективом авторов учебника «Основы российской государственности» под редакцией профессора Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) А.В. Малько [11], трех учебных пособий, по которым ведется преподавание в вузах страны: под редакцией профессора МГУ С.В. Перевезенцева — для гуманитарных специальностей [8]; под руководством заместителя заведующего кафедрой теологии НИЯУ МИФИ А.А. Ларионова (иеромонаха Родиона) — для студентов естественно-научных и инженерно-технических специальностей [9]; А.Д. Харичева, А.В. Полосина, А.В. Селезневой [10], а также методического пособия для вузов В.Э. Багдасарян и Ю.Ю. Иерусалимского [21]. В планах руководства проекта «ДНК России» — разработка специализированных курсов дисциплины для подготовки студентов по направлениям «Педагогика», «Медицина» и для специальностей силового блока [1].

Анализ содержания изданных для учебно-методического комплекса «Основы российской государственности» пособий приводит нас к выводу об их соответствии вузовским стандартам современного образовательного процесса.

В настоящее время выработался содержательный каркас дисциплины, состоящий из пяти базовых разделов: «Что такое Россия» (главы «Символы России», «Земля и слово», «Портрет страны»); «Российское государство-цивилизация» (главы «Цивилизационный подход в пространстве общественных наук» и «Россия как цивилизация»); «Мировоззрение и ценности российской цивилизации» (главы «Мировоззрение и идентичность», «Ценности как смысловая основа мировоззрения»); «Политическое устройство современной России» (главы «Ключевые понятия и категории исследования политического устройства», «Кон-

ституционные принципы», «Ветви и уровни публичной власти», «Стратегическое планирование в российской политике»); «Будущее России: современные вызовы и развитие страны» (главы «Россия и мир», «Архитектура стабильности: вызовы и ответы» и «Образ будущего России»)» [10].

В соответствии с предложенной в «стартовой публикации» авторов проекта «ДНК России» разработке в рамках настоящего исследования студентам было дано задание развить тему «Образ России будущего» в рамках описания следующих мифологем: «“Метафоры образа будущего России” (“Государство — роман”, “Государство — Жар-птица”), “Концепции современного государства” (“Родина-Мать с лазерным мечом”, “Государство дружественного сервиса”), “Мессианские концепции государства будущего” (“Россия как страна-пророк”, “Россия — мировой страж, страж добра”), “Идеалистические концепции государства будущего” (“Дивный град”, “Пирожок”), “Механистические концепции государства будущего” (“Калейдоскоп”, “Государство — магнит”), “Человек в России будущего”, “Место России будущего в мире”» [20, с. 15–16], – а также ключевых метафор, предложенных разработчиками для понимания и характеристики «России в качестве государства-цивилизации» («Русский чертеж», «Русская мечта», «Русский Ковчег», «Русская тройка», «Русский Собор», «Русское преображение», «Русский Катехон») [21, с. 49].

Наибольший интерес из предложенных концепций образа России будущего опрашиваемые нами студенты проявили к метафорам «Государство — Жар-птица», «Калейдоскоп», а идеалистические концепции государства были дополнены ассоциациями с «Городом Солнца», «Изумрудным городом», «Теремом-Теремком», «Хрустальным мостом», «Русской матрешкой». Отметим стремление студентов к описанию желаемой комфортной среды обитания россиян, «помещенной» ими с помощью технологий виртуальной реальности в иные измерения, в частности посредством компьютерной онлайн-игры «Ёжики» и других аналогичных цифровых продуктов. Инновационные образовательные технологии посредством геймификации и эдьютейнмента являются перспективными направлениями для изучения отдельных модулей гуманитарных дисциплин в высших учебных заведениях, требующих соответствующей им матери-

альной базы, специализированного оборудования и подготовленности педагогов [22, с. 82].

Изучение «Основ российской государственности» принято начинать с пространственного представления о нашей стране, отвечая на вопросы «Что такое Россия?» и «Какое место в ее истории занимают руководители государства, военачальники, ученые, деятели русской культуры, представляемые в разделах “Соотечественники, чьим трудом создана Россия”, “Герои в российской истории” или “Героическая история России”?» [8].

По результатам исследования были определены имена тех героев Отечества, подвиги и самопожертвование которых наиболее волнуют современных студентов.

Абсолютными лидерами по упоминанию в работах будущих бакалавров являются Ю.А. Гагарин, А.С. Пушкин, Зоя Космодемьянская; полководцы: А.В. Суворов, Г.К. Жуков, П.С. Нахимов, Ф.Ф. Ушаков; герои Великой Отечественной войны: А.М. Матросов, Н.Ф. Гастелло, А.П. Маресьев, Ф.В. Токарев, подольские курсанты, З.М. Портнова, Л.М. Павлюченко; национальные герои: Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский, И. Сусанин, Аф. Никитин, Святая Ольга; государственные деятели: В.В. Путин, Петр I, Иван III, Екатерина II, Николай II, М.М. Сперанский, П.А. Столыпин, В.В. Жириновский, В.И. Ленин, И.В. Сталин, Ф.Э. Дзержинский, Л.И. Брежнев, А.Г. Лукашенко; ученые: М.В. Ломоносов, Д.И. Менделеев, К.Э. Циолковский, С.П. Королев, А.С. Попов, Н.И. Пирогов, Н.И. Вавилов, П.Л. Капица, Г.Я. Перельман; литераторы: А.П. Чехов, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, В.В. Маяковский, Б.Л. Пастернак; космонавты: В.В. Терешкова, А.Г. Николаев; члены семей: прадедушки — участники войны, бабушки, родители; педагоги: А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский, К.Д. Ушинский; композиторы: Д.Д. Шостакович, П.И. Чайковский, А.П. Бородин, Н.А. Римский-Корсаков; художники: И.Е. Репин, В.И. Суриков, К.А. Коровин, В.М. Васнецов; и др.

Настораживает отсутствие в студенческом списке героев фамилий военнослужащих, совершивших подвиги за время проведения специальной военной операции (СВО) России на территории Украины.

Следует также отметить, что студенты гуманитарных направлений обучения плохо ориентируются в истории науки и освое-

ния природных богатств страны, не могут назвать героев труда, заслуги которых повлияли на создание отраслей промышленности, первооткрывателей месторождений, составляющих основу экономического потенциала государства, равно как и испытывают затруднения в определении разницы между понятиями «герой» и «подвижник».

Студенты, участвующие в исследовании, воспринимают подвиги и деяния героев Отечества как глубоко личную историю и не отделяют ее от судьбы своей семьи, фамилии, предков. Приведем выдержки из некоторых сочинений.

О А. Суворове: «Моя семья согласилась бы с моим мнением (пусть и расставила бы акценты по-другому) о великом полководце, поскольку именно в семье я слышала большую часть приведенной мной информации о нем».

«Подольские курсанты. Я всегда думаю о них с восхищением и невероятной болью. Потому что я осознаю их юный возраст, в котором им пришлось расстаться с жизнью, и сравниваю со своим возрастом, с тем, что я, мои сверстники, мое поколение благодаря им имеем возможность жить».

Важно, что студенты имеют возможность сравнивать жизнь на Западе и в России, видят разницу во взаимоотношениях людей, отмечают ежедневный труд рядовых граждан, создающих общественные блага в различных отраслях хозяйства, образования, медицины, науки и культуры.

«Когда я с родителями некоторое время жила в Германии, то поняла, что настоящим героем является наш российский амбициозный народ. Россияне воистину необычайный народ. Мы воспитаны так, что большинство из нас уважают старших, борются за экологию, также у нас не так много лицемеров. В Европе все тебе улыбаются, но на самом деле они тебя презирают. Не могу забыть ситуацию в моей немецкой школе, когда новые одноклассники тебя приветствуют, а в конце учебного дня ты находишь свой рюкзак, полный мусора. Люди в России добрее. Мы более многограннее, за счет чего мы намного целеустремленнее и осознаннее».

«Каждый гражданин России по-своему герой, и не будь хотя бы одного героя, было бы трудно достигнуть тех высот, которых мы достигли за все годы существования нашей страны, благодаря

в том числе и неизвестным героям. Каждый сделал многое, делает и сделает еще для нашей страны».

«Для меня герои — обычные люди: пожарные, врачи, учителя — они совершают подвиги каждый день. Такие люди необходимы для правильного функционирования общества. Моя семья и мое окружение стараются быть такими людьми: могут помочь старушке донести сумки до подъезда, подскажут человеку правильный путь и т.д. Государство должно проводить такую социальную политику и показывать своим гражданам, что сочувствие ближнему — это важно».

В молодежной среде появляются и новые кумиры, но в основном это представители поп-культуры.

«Шаман. Для меня гордостью нашей страны и моим кумиром является певец Шаман. Его песни наполнены величием и гордостью за свою Родину, поднимают дух патриотизма. С его творчеством меня познакомила моя бабушка, которая является его давней поклонницей».

Весьма показательны в образовании студенческой аудитории факты большого влияния на воспитание истории семьи, и, наоборот, там, где такого общения не происходит, молодой человек не может привести примера героя, на которого он мог бы равняться или указывает мнимого кумира, негативно зарекомендовавшего себя в связи с ведением нашей страной СВО.

«Екатерина Шульман¹. К сожалению, я и моя семья никогда не обсуждаем тему героев и патриотов страны, в связи с чем я не могу дать ответа на поставленный вопрос».

Студенческие работы в форме презентации и эссе, раскрывающие тему «Образ будущего России», содержали ответы на последовательно заданные вопросы «Что включает в себя понятие “российская государственность”?», «Каким Вы видите будущее страны через 10 лет, 30 лет?», «Что мы можем предложить миру и стране?», «Как сделать, чтобы будущее наступило?».

Содержание большинства эссе и ответов на вопросы характеризуются большим запасом оптимизма и верой в будущее России как высокотехнологичного, прогрессивного, социального государства.

---

¹ Екатерина Шульман внесена Минюстом России в реестр физлиц, выполняющих функции иноагента.

«Человек будущего России будет ценить традиции, но не останется в прошлом, а будет стремиться к инновациям и новым достижениям».

«Человек будущего России будет открыт к сотрудничеству и диалогу как внутри страны, так и за ее пределами. Он будет ценить мир и стабильность, будет стремиться к установлению конструктивных отношений с другими нациями».

«Важным аспектом для человека будущего России будет также социальная ответственность. Он будет стремиться к созданию справедливого общества, где каждый человек имеет равные возможности для самореализации независимо от социального статуса или происхождения».

«Человек будущего России представляется мне как гражданин, который гордится своей страной, стремится к развитию и совершенствованию как личности и при этом открыт к миру и готов к сотрудничеству для достижения общих целей».

«Я верю также, что со временем путем проведения реформ и различных преобразований Россия сможет побороть коррупцию, обеспечив дальнейшее развитие страны не только в политической, но и в других сферах общественной жизни».

«В основе нашего государства я вижу идею о сильной России, готовой отстаивать свои интересы и ценности. Под силой я подразумеваю не столько высокоэффективные инструменты принуждения и управления, сколько качественное проведение внутренней политики, приводящей к развитию разных общественных сфер страны».

«На данный момент я с уверенностью могу сказать, что Россия идет по пути сильного государства. Несмотря на то что западные пропагандисты всячески пытаются характеризовать наш строй как авторитарный, а порой даже тоталитарный, я считаю Россию одной из самых свободных стран в мире».

Из особенно волнующих студенчество проблем, оказывающих, на их взгляд, влияние на уровень комфортности общественной среды, называются вопросы обеспечения борьбы с коррупцией, социальной справедливости, безопасности и достатка.

«Коррупцию, конечно, не удастся полностью искоренить, но с каждым годом ее будет становиться всё меньше, потому что люди будут одинаково вкладываться в развитие страны, а воро-

вать, злоупотреблять служебным положением не будет смысла, ведь это только может навредить нашему созидающему государству».

«Для меня человек будущего России – это тот человек, который горд за свою страну, который ради народа своей страны готов на любые риски. Человек будущего России будет находиться в безопасности и в достатке».

«Я уверена, что будущее у России светлое, счастливое и, конечно, не зависящее от остальных стран в материальном плане».

Значительное число студентов указывают в своих работах на важность следования традиционным российским духовно-нравственным ценностям.

«Я убеждена, что с каждым новым поколением людей Россия будет становиться лучше, так как детям будут прививать такие понятия, как “патриотизм”, “семейные ценности” и “любовь к своему народу”».

«Мы начали забывать наши традиции, во всех сферах культуры нам трактуются западные правила жизни, которые совершенно не присущи нам. Я искренне не понимаю, почему мы уподобились их минимализму и забыли о собственном стиле. Я считаю, что нам необходимо перестать плясать под западную дудку, думать о том, как сохранить отношения с теми, с кем, по сути, нет отношений».

«Я считаю, что государство и общество должны вернуться к истокам, к традициям русской культуры, восстановить значимость религии в жизни россиянина. После этого Россия сможет стать еще более благоприятным для проживания в ней государством. Ее визитной карточкой станет человечность и сострадание».

«Россия – великая страна. Она развивается с каждым днем. Вскоре мы увидим, как наша страна станет одной из ведущих стран в мире, ее размеры будут больше, российские товары будут цениться по всему миру, научные открытия перевернут мир науки. Россия станет самостоятельным, мощнейшим государством мира».

«Я понимаю, что невозможно искоренить проблемы, накапливавшиеся веками и ставшие частью обычной жизни людей в кратчайшие сроки, но я верю, что мы, молодые и амбициозные люди, способны построить желаемое будущее».

Вопросы поиска национальной российской идентичности имеют давнюю историографическую традицию [7]. Представленные в статье выдержки из студенческих работ дополняют картину образа будущего страны в контексте поиска мировоззренческих смыслов и формирования их на основе традиционалистско-консервативного подхода.

Заключение

Созданная в рамках введенной дисциплины «Основы российской государственности» в большинстве вузов образовательная среда позволяет выстроить систему овладения студентами комплексом знаний по предмету.

Результаты экспертных оценок самостоятельных работ и эссе студентов, являющихся итогом первого года изучения дисциплины, показывают желание обучающихся разобраться в дискуссионных вопросах курса, выработать собственную позицию по основным вопросам, обсуждаемым в обществе.

Разработка современных методик преподавания дисциплины, внедрение интерактивных форм обучения с использованием современных цифровых технологий благотворно скажется на овладении сложным междисциплинарным учебным комплексом, что окажет существенную помощь преподавательскому составу российских вузов.

Поддержанию интереса обучающихся к дисциплине способствует использование интерактивных методов изучения материала в студенческих аудиториях: проблемная дискуссия, групповые задания, проектная работа, внедрение информационных технологий виртуальной реальности, геймификация.

Встречи студентов с участниками боевых действий, СВО, ветеранами войны и труда, главами многодетных семей, деятелями литературы и искусства, руководителями социально ориентированных НКО способствуют социализации студентов на основе общепринятых духовно-нравственных ценностей, формированию у них высокоразвитого чувства гражданственности и патриотизма.

Достижению целей воспитательного характера может содействовать апробированный комплекс последовательных образовательных модулей, состоящих из разработки авторских

методических рекомендаций для проведения лекционных и семинарских занятий, студенческих конкурсов (эссе, видеороликов, фото, презентаций и др.) с последующим подведением итогов в нешаблонных форматах; проведение студенческих научно-практических конференций и форумов о традиционных ценностях, студенческих фестивалей патриотической поэзии, песенного, семейного, национального творчества.

Обмен опытом, мнениями и культурной практикой на основе осмысления традиционных российских духовно-нравственных ценностей между студентами, изучающими новую дисциплину, и представителями разных поколений и профессий способствует установлению и развитию межпоколенческого ценностного диалога.

Литература

1. Андрей Полосин: курс «Основы российской государственности» должен формировать мировоззрение / РАНХиГС. — URL: <https://gscm.ranepa.ru/news/andrey-polosin-kurs-osnovy-rossiyskoy-gosudarstvennosti-dolzhen-formirovat-mirovozzrenie/> (дата обращения: 29.10.2024).
2. Волобуев С.Г. Шаг вперед, два шага назад? О проблемах научно-методического и учебно-методического обеспечения курса «Основы российской государственности» // Журнал Института наследия. — 2024. — № 2 (37). — С. 12–22.
3. Как преподавать в вузе «Основы российской государственности» // Российская газета. — URL: <https://rg.ru/2023/05/02/patriotu-nuzhen-kurs.html> (дата обращения: 29.10.2024).
4. Карпович О., Смагина Л. Концепция традиционных духовно-нравственных ценностей в международных отношениях: российский подход // Международная жизнь. — URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2772> (дата обращения: 23.11.2024).
5. Карпович О.Г. Роль России в отстаивании традиционных духовно-нравственных ценностей в условиях современного мирового развития // Россия и мир: научный диалог. — 2024. — № 2 (12). — С. 39–51.
6. Ленин В.И. Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии). — М.: Партиздат, 1935. — 310 с.
7. Мамычев А.Ю., Мордовцев А.Ю., Шестопал С.С. Социокультурные основания трансформации национальной государственно-правовой организации: проблемы понимания и познания // Балтийский гуманитарный журнал. — 2017. — Т. 6. — № 4 (21). — С. 482–486.
8. Основы российской государственности: учеб. пособие для студентов, изучающих социогуманитарные науки / Т.В. Евгеньева, И.И. Кузнецов, С.В. Перевезенцев, А.В. Селезнева, О.Е. Сорокопудова, А.Б. Страхов, А.Р. Боронин; под ред. С.В. Перевезенцева. — М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2023. — 550 с.
9. Основы российской государственности: учеб. пособие для студентов естественно-научных и инженерно-технических специальностей / Шевырёв А.П., Лапин В.В., Рогачёв С.В., Туторский А.В., Уваров П.Ю., Ларионов (иеромонах Родион) А.А., Еремин В.С., Пивоваров Н.Ю., Ефремов О.А., Маковецкий Е.А., Овчинникова Е.А., Андреев Д.А., Булатов В.В., Чагадаева О.А. — М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2023. — 432 с.
10. Основы российской государственности: учеб. пособие / А.Д. Харичев, А.В. Полосин, А.В. Селезнева. — М.: РАНХиГС, 2024. — 448 с.
11. Основы российской государственности: учебник / кол. авт.; под ред. А.В. Малько. — М.: КноРус, 2024. — 264 с.

12. *Перевезенцев С.В.* и др. К вопросу о методологических принципах изучения российских базисных традиционных ценностей / Перевезенцев С.В., Пучнина О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А. // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. — Т. 27. — 2021. — № 4. — С. 113–133. — URL: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-4-113-133>.
13. *Полосин А.В.* Больше, чем консерватизм: историко-политические основания российской государственности // Журнал политических исследований. — 2023. — Т. 7. — № 1. — С. 27–37.
14. *Полосин А.В.* Шаг вперед: проблема мировоззрения в современной России // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. — 2022. — № 3. — С. 7–23.
15. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.09.2024 № 2560-р. // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202409200036?index=1> (дата обращения: 29.10.2024).
16. Можно ли научить государственности? / ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mozhno-li-nauchit-gosudarstvennosti> (дата обращения: 29.10.2024).
17. Совещание с постоянными членами Совета Безопасности // Официальный сайт Президента России. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75148> (дата обращения: 29.10.2024).
18. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=603502873> (дата обращения: 29.10.2024).
19. Указ Президента Российской Федерации от 19 августа 2024 г. № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408190001?index=1> (дата обращения: 29.10.2024).
20. *Харичев А.Д.* и др. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) / Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. // Журнал политических исследований. — Т. 6. — 2022. — № 3. — С. 9–19.
21. Ценности российской цивилизации: метод. пособие для вузов / В.Э. Багдасарян, Ю.Ю. Иерусалимский. — Ярославль: ИПК «Индиго», 2023. — 80 с.
22. *Чертков А.С.* Образовательный компонент грибоедовских проектов в контексте инновационных игровых технологий // Гуманитарные науки. — 2023. — № 2 (62). — С. 82–87.
23. Эксперты рассказали, что их настораживает в новой дисциплине «Основы российской государственности» // Губерния – Южный Урал. — URL: <https://gubernia74.ru/articles/news/1117224/> (дата обращения: 29.10.2024).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» (далее – «Вестник») рассматривает присланные материалы по тематике журнала для возможной публикации и информирует авторов о принятом решении в официальном письме с пометкой **«статья принята к публикации в журнале “Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир”»**.

Каждая статья проходит **обязательное внешнее рецензирование** специалистом с ученой степенью в области научных знаний, близкой к тематике представляемого к публикации материала.

Статьи **аспирантов и соискателей** принимаются к рассмотрению при наличии отзыва научного руководителя и затем проходят внешнее рецензирование.

Автор вместе с текстом статьи предоставляет в отдельном файле следующие сведения: Ф.И.О. и сведения об авторе, название статьи на русском и английском языках, контактный телефон и адрес электронной почты. Текст статьи оформляется **строго в соответствии с требованиями**.

Представленный материал должен быть оригинальным и ранее не публиковаться в других печатных или электронных изданиях.

В статье необходимы **аннотация и ключевые слова** на русском и английском языках. Аннотация к статье по объему должна составлять не менее 100 слов.

Требования к присылаемым материалам

Основной текст статей (материалов) должен быть набран 14-м кеглем, примечания – 10-м кеглем, шрифтом Times New Roman, через полтора интервала. **Объем статьи не должен быть меньше 25 тыс. знаков и не должен превышать 60 тыс. знаков (с пробелами) без учета аннотации, ключевых слов и списка**

литературы. Таблицы представляются в формате Word, графики и диаграммы – в программе Excel. При их подготовке следует учитывать, что журнал издается в черно-белом исполнении. Иллюстрации и фотографии представляются в формате jpeg (с разрешением не менее 300 dpi) или pdf.

Автор несет полную ответственность за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности (в том числе применительно к используемым в тексте иллюстрациям и фотографиям) и при необходимости предоставляет соответствующие разрешения на публикацию от правообладателей. Все материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат».

Каждая статья в конце сопровождается нумерованным перечнем использованных источников и литературы («Литература»), расположенных в алфавитном порядке:

– *для книжных изданий:* Автор. Название / пер. с англ. (нем., фр. и т.д.). – Город (место изд., сокращенно): Издательство, год. – 000 с.;

– *для периодических изданий:* Автор статьи. Название // Издание. – Год. – Число и месяц (словами, сокращенно) и (или) №. – С. 00–00;

– *для интернет-источников:*

1) Автор. Название // Название сайта. (Дата публикации, если указана: Год. Число. Месяц (словами, сокращенно)). – URL: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Или

2) Название материала // Название сайта. – URL: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Образцы всего перечисленного см. в уже вышедших номерах. Аналогично оформляются зарубежные источники.

Подстрочные ссылки (сноски) возможны для пояснений, но при цитировании не допускаются. В этих случаях указывается в квадратных скобках номер цитируемого источника (полужирным шрифтом) по списку («Литература») и страница(-ы) издания. Примеры: [**8**, с. 12] или [**8**, с. 12–14]. Пояснительные (справочно-содержательные) подстрочные ссылки-примечания должны иметь постраничную нумерацию.

Материалы следует присылать по электронной почте: **vestnikdipacademy@yandex.ru**

Файл с текстом статьи должен быть оформлен следующим образом:

- сведения об авторе на русском и английском языках;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотация и ключевые слова на русском языке;
- аннотация и ключевые слова на английском языке;
- текст статьи;
- литература.

Научный периодический журнал

**Вестник Дипломатической академии МИД России.
Россия и мир**

2024. № 4 (42)

Редактор *Н.В. Багрова*
Корректор *Н.В. Мартыненко*
Верстка *В.Р. Хованской*
Художественный редактор *В.Р. Хованская*

Подписано в печать 18.12.2024. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 11
Тираж 116 экз.

Издатель: Дипломатическая академия МИД России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издательство: ООО «Квант Медиа»
125475, г. Москва, ул. Дыбенко, д. 26, корп. 3, к. 80
www.kvantmedia.ru

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5